

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «БГУ»)**

На правах рукописи

Яковлева Софья Петровна

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА:
ИХ МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ**

5.1.3. — Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
С. М. Амосов

Иркутск – 2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ЕСПЧ КАК ПРАВОВОМ РЕГУЛЯТОРЕ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	24
1.1. Понятие правовой позиции ЕСПЧ.....	24
1.2. Правовые позиции ЕСПЧ в системе источников гражданского права.....	34
ГЛАВА 2. РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА ОСНОВЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ	46
2.1. Гражданско-правовой статус физического лица в правовых позициях ЕСПЧ.....	46
2.2. Юридическое лицо как жертва нарушения прав человека в правовых позициях ЕСПЧ	67
2.3. Государство, как субъект деликтной ответственности, в правовых позициях ЕСПЧ.....	81
ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ НА ЗАЩИТУ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	96
3.1. Защита прав на имущество в правовых позициях ЕСПЧ	96
3.2. Защита интеллектуальных прав в правовых позициях ЕСПЧ	119
3.3. Защита личного неимущественного права на частную жизнь в правовых позициях ЕСПЧ	134
ГЛАВА 4. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ НА РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.....	147
4.1. Значение правовых позиций ЕСПЧ для гражданского права России	147
4.2. Механизм влияния правовых позиций ЕСПЧ на гражданское право России	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования проявляется в следующих аспектах.

15 марта 2022 года МИД РФ официально объявило о выходе России из Совета Европы¹. Впоследствии на уровне федерального закона², было закреплено решение о прекращении с 16 марта 2022 года действия в отношении России связанных с членством в Совете Европы ряда международных договоров, в том числе, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ратифицированных Протоколов к ней (далее – ЕКПЧ, Конвенция)³. Тем самым, фактически завершилось 24-летнее пребывание Российской Федерации под юрисдикцией Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд). Но само это пребывание не могло не оставить свой след в российской юриспруденции, поскольку ЕСПЧ с момента учреждения демонстрирует высочайший уровень владения правом. Выработанные им за многолетнюю практику толкования Конвенции правовые позиции, его особый наднациональный статус — были факторами, во многом определявшими развитие российского гражданского законодательства, приведение которого в соответствие с европейскими стандартами считалось первоочередной задачей.

В настоящее время эта задача не утратила своего значения, лишь несколько сместив акценты на общемировые стандарты, поскольку согласно статье 7 ГК РФ⁴ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры продолжают оставаться составной частью российской правовой системы, а правила международных договоров (в их истолковании, не противоречащем Конституции РФ) сохраняют приоритет над национальным гражданским законодательством. В этом заключается *социально-политический аспект актуальности* темы.

¹ Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ Дата публикации: 15.03.2022.

² О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федер. закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Рос. газета. 2023. 2 мар.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Доктринальный аспект актуальности работы состоит в том, что цивилистические изыскания по оценке влияния правовых позиций ЕСПЧ на российское гражданское законодательство проводились мало. Исследование в этой сфере осложнено его межотраслевым характером, требуя обращения к общей теории права, теории международного, конституционного, процессуального права. Отсутствие единых подходов по многим правовым вопросам обуславливают сложность цивилистического познания. Сохраняют дискуссионность: осмысление юридической природы решений ЕСПЧ и содержащихся в них правовых позиций, разрешение коллизий между актами Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) и ЕСПЧ — по этим и многим другим вопросам пока не найдено приемлемого консенсуса, но выявлены актуальные подходы, применяемые ЕСПЧ, например, к защите репутации юридического лица, институционализации фактических брачных отношений, защите прав добросовестного приобретателя, к ограничению дееспособности лиц с психическим расстройством и др.

Автономное толкование терминов и понятий, используемых ЕСПЧ, например, «гражданские права и обязанности», «закон», «собственность», «частная жизнь» подняли на поверхность проблему отсутствия или иного подхода в их понимании в российском гражданском праве, что приводило к столкновению права конвенционного и национального. В настоящее время назрела необходимость таких исследований и в виду накопившегося объёма научных знаний. Недостаточное количество подобного рода изысканий автоматически актуализирует наше исследование.

Законодательный и правоприменительный аспекты. Согласно Концепции развития гражданского законодательства: «в условиях демократического правового государства свобода и многовариантность экономического поведения участников гражданского оборота с самого начала предопределили в новом гражданском законодательстве России многообразие опосредующих этот оборот правовых норм и используемых в нём правовых средств»¹. Это требует подробного анализа влияния

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

ЕСПЧ на реформируемое российское гражданское законодательство для выявления возможных противоречий с целью оптимизации законотворческой работы. Активные усилия в рамках Совета Европы в последние десятилетия побуждают также к сопоставлению состояния отечественного гражданского законодательства и эффективных европейских правовых позиций. Тем более, что в период нахождения под юрисдикцией ЕСПЧ Россия оставалась лидером по количеству обращений в её адрес, что свидетельствует о наличии системных проблем в практической реализации законодательно провозглашённых Россией прав человека.

Продолжающаяся реформа гражданского законодательства требует осознания наукой и практикой новых правовых категорий, институтов, понятий, сформулированных и успешно применяемых в европейской практике. Настоящее исследование позволит расширить горизонты познания и постичь истинные причины изменения нормативно-правовой базы. Ведь общественные отношения, например, с участием юридических лиц, в сфере защиты права собственности, не стоят на месте, они постоянно развиваются, эволюционируют, в том числе под влиянием зарубежного опыта. Меняется нормативная база и основанная на ней практика, происходит гармонизация и унификация национальных подходов и правовых доктрин.

Данное исследование актуально и анализом ряда вопросов, эффективно разрешённых в позициях ЕСПЧ, но не снискавших должного внимания у отечественного законодателя. Например, вопросов, касающихся круга объектов гражданских прав, который приобретает всё большую значимость с учётом возрастания роли таких нематериальных ценностей как информация, деловая репутация, цифровые права. Выявление возможных путей развития нашего гражданского законодательства на основе передового европейского опыта, но с учётом специфики российской правовой системы, социокультурных особенностей, позволяют найти более оптимальные способы постепенной интеграции в общемировое правовое поле. Детальный анализ подходов к регулированию защиты вещных, интеллектуальных, личных неимущественных прав, оценки развития правосубъектности физических и юридического лица соответствуют интересам российского общества и государства. Можно заключить, что изучение европейских правовых позиций позволит выявить общие

тенденции развития законодательства, правоприменения в западных правовых системах с дальнейшей разумной имплементацией в российскую правовую систему.

Наличие указанных проблем и приведённые выше аргументы предопределили актуальность и выбор темы исследования.

Степень разработанности научной проблемы. Исследуемая проблема пока недостаточно раскрыта в рамках гражданского права. Различные аспекты конвенционной системы защиты прав человека и основанной на ней деятельности ЕСПЧ исследовались в России активно, но основная часть работ касалась процедурных вопросов обращения в Суд, а также реализации субъектом права на международную защиту, много работ посвящено анализу воздействия правовых позиций ЕСПЧ на отечественное уголовное право, уголовный и гражданский процесс, другие отрасли.

Следует отметить наличие ряда диссертационных исследований по разным отраслям юридической науки, в частности:

- в аспекте международного и европейского права: Д. С. Насардинова («Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации», 2002 г.), В. А. Канашевского («Международные договоры РФ и акты гражданского законодательства: соотношение и взаимодействие разносистемных источников», 2000 г.), А. В. Деменевой («Юридические последствия постановлений Европейского Суда по правам человека для Российской Федерации», 2009 г.), О. В. Садчиковой («Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики», 2009 г.);

- в рамках общей теории государства и права: П. А. Лаптева («Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в правовой системе России (проблемы теории и практика взаимодействия)», 2006 г.), И. С. Метловой («Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права», 2007 г.), В. З. Абдрашитовой («Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского Суда по правам человека», 2008 г.), К. Ю. Аверьянова («Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России»,

2013 г.), И. В. Лаптевой («Правовая инфильтрация Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему (теоретическое исследование)», 2015 г.);

- в аспекте гражданского и арбитражного процесса: С. Ф. Афанасьева («Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство», 2010 г.), Э. В. Иодковского («Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве», 2014 г.), М. Я. Любченко («Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций», 2018 г.), А. Р. Султанова («Постановление Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации», 2022 г.);

- в аспекте уголовного права и процесса: П. В. Волосюк («Значение решений Европейского Суда по правам человека в уголовном праве России», 2007 г.), А. С. Симагина («Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней в системе источников уголовно-процессуального права России», 2011 г.);

- в рамках конституционного права: Л. Т. Бирюковой («Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики», 2004 г.), А. М. Николаева («Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации», 2012 г.);

- в рамках трудового права: М. В. Швецова («Судебные акты Европейского Суда по правам человека в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними правоотношений», 2003 г.).

Работы ряда зарубежных учёных (О. М. Арнардоттир, А. де Бенуа, А. Бланкенгель, А. Боднар, М. О'Бойл, М. Карсс-Фриск, У. Килкэли, Х.-Ю. Папир, М. де Сальвиа, Е. Танчев, К. Уорбрик, Д. Харрис, Л. Р. Хелфер, У.А. Шабас), в том числе, бывших и действующих судей ЕСПЧ (А. Брагьова, Х. И. Гаджиев, Л. Гарлицкий, Л. Лукайдес, А. Нуссбергер, Ф. Тюлькенс, Д. Шпильманн), посвящены

отдельным особенностям толкования ЕКПЧ и практики исполнения постановлений ЕСПЧ в зарубежных государствах.

Российскими учёными исследовались общие проблемы применения норм о защите прав человека, в том числе, в рамках соблюдения международных обязательств, проблемные вопросы функционирования международных органов по защите прав человека. Некоторые, но лишь отдельные аспекты темы настоящей диссертации были предметом исследований С. Ф. Афанасьева, П. Н. Бирюкова, Г. А. Гаджиева, Х. И. Гаджиева, М. Л. Гальперина, Д. И. Дедова, В. Д. Зорькина, А. С. Исполинова, Д. Т. Караманукяна, А. И. Ковлера, В. В. Лазарева, А. А. Максурова, Т. Н. Нешатаевой, Н. Н. Павловой, М. А. Рожковой, Л. В. Сагдеевой, В. В. Старженецкого, М. А. Филатовой К. Л. Чайки, М. Л. Энтина и других учёных.

К сожалению, перечисленные работы, несмотря на их безусловную научную ценность, не раскрывают в полной степени вопрос о влиянии правовые позиции ЕСПЧ на гражданское право России, который комплексно не изучался в отечественной цивилистической доктрине. В связи с этим выбранная тема представляется актуальной, востребованной с научной и практической точек зрения.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в разработке и обосновании целостного цивилистического представления механизма влияния европейских правовых позиций (на примере ЕСПЧ) на гражданское право России и выявлении возможных направлений развития и совершенствования отечественного гражданского законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- определить юридическую природу постановлений ЕСПЧ и установить их место в российской правовой системе,
- выявить определяющие признаки правовых позиций ЕСПЧ, как регуляторов гражданских правоотношений;
- определить механизм имплементации в ГК РФ правовых позиций ЕСПЧ, установивших дифференцированный статус дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами;

- определить с позиции общепризнанных принципов и норм международного права, выраженных в ЕКПЧ, целесообразность и объём легализации в России института фактических брачных отношений;

- выявить и проанализировать правовые позиции ЕСПЧ, определяющие границы правосубъектности юридических лиц при защите их интересов, а также возможность компенсации неимущественного вреда, причинённого их деловой репутации;

- выявить и проанализировать правовые позиции ЕСПЧ, определяющие пределы ответственности государства за вред, причинённый правомерными, но опасными для частных субъектов действиями государственных органов и их должностных лиц;

- определить содержание применяемого ЕСПЧ автономного понятия «собственность», а также критерии установления справедливого баланса публичных и частных интересов в делах об истребовании государством жилых помещений у их добросовестных приобретателей;

- выявить и изучить правовые позиции ЕСПЧ в сфере интеллектуальной собственности, определить возможности их использования в гражданско-правовом регулировании отношений по поводу новых и непоименованных объектов;

- определить степень соответствия конвенционному уровню гражданско-правовой защиты права гражданина на частную жизнь в соответствии с российским законодательством.

- сформулировать предложения по возможному изменению гражданско-правовых норм, регулирующих вопросы, затронутые в рассмотренных правовых позициях ЕСПЧ.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает совокупность частноправовых отношений, регулируемых нормами, подвергшимися влиянию европейских правовых позиций, сформулированных ЕСПЧ, в ходе реализации европейских стандартов защиты прав человека в сфере гражданского права. **Предметом** исследования являются положения ЕКПЧ; правовые позиции, выработанные ЕСПЧ по конкретным делам частно-правового характера в ходе толкования положений ЕКПЧ; нормы гражданского законодательства России, подвергшиеся

их воздействию либо нуждающиеся в таковом; воспринявшая правовые позиции ЕСПЧ российская судебная практика; работы российских и зарубежных учёных по заявленной теме.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Теоретическую основу исследования составили труды, аккумулировавшие в себе научный материал, который послужил исследовательской базой и позволил сохранить преемственность в развитии доктрины гражданского права.

В теоретическую основу работы положены труды таких цивилистов и теоретиков права как: С. М. Амосов, С. Ф. Афанасьев, А. Б. Бабаев, В. А. Белов, Е. Г. Белькова, П. Н. Бирюков, Я. Р. Веберс, Н. В. Витрук, В. Л. Вольфсон, А. С. Вороженич, Е. В. Гаврилов, Г. А. Гаджиев, Х. И. Гаджиев, М. Л. Гальперин, Е. М. Гинц, В. П. Грибанов, Д. И. Дедов, А. В. Деменева, В. М. Жуйков, О. В. Зайцев, С. Л. Зивс, В. Д. Зорькин, А. С. Исполинов, В. А. Канашевский, А. А. Карцхия, С. Д. Князев, А. И. Ковлер, О. Ю. Косова, О. А. Красавчиков, В. В. Лазарев, М. Н. Марченко, А. Г. Матвеев, И. А. Минникес, В. С. Нерсисянц, Т. Н. Нешатаева, Н. А. Пьянов, М. А. Рожкова, К. И. Скловский, А. В. Слепакова, А. Р. Султанов, Е. А. Суханов, М. К. Треушников, В. А. Туманов, М. А. Филатова, С. Ю. Филиппова, К. Л. Чайка, Б. Б. Черепашин, Е. А. Чефранова, Л. М. Энтин, М. Л. Энтин.

При написании работы использовались и научные труды зарубежных учёных, таких как: Х. Р. Андерсон, О. М. Арнардоттир, А. де Бенуа, А. Бланкенагель, А. Боднар, М. О'Бойл, А. Брагьова, А. Бьюз, Л. Гарлицкий, Э. Зеккель, М. Карсс-Фриск, Г. Кельзен, У. Килкэли, Р. Коуз, Р. Кутер, И. Маккай, У. Маттеи, А. Нуссбергер, Х.-Ю. Папир, Р. Познер, А. Ренгел, М. де Сальвиа, Е. Танчев, Ф. Тюлькенс, Г. Уинтер, Т. Улен, К. Уорбрик, М. Фирнис, Д. Харрис, Л.Р. Хелфер, У.А. Шабас.

Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод, который позволил проанализировать правовые позиции ЕСПЧ, механизм их имплементации в российскую правовую систему в период до выхода России из ЕСПЧ. В процессе исследования отдельных вопросов использовались такие формально-логические методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение

и аналогия, с помощью которых выявлены определяющие признаки правовой позиции, как регулятора гражданско-правовых отношений, сформулированы выносимые на защиту положения научной новизны. С помощью метода ретроспективного анализа были выявлены этапы развития взаимодействия ЕСПЧ и КС РФ в сфере защиты прав человека, определены сущностные характеристики эволютивного толкования положений ЕКПЧ. Сравнительно-правовой метод помог выявить отдельные аспекты влияния практики ЕСПЧ на гражданское право европейских стран, оценить эффективность рецепции некоторых гражданско-правовых институтов. Исторический метод помог выделить этапы развития правового регулирования в России фактических брачных отношений. Метод системного исследования позволил выработать критерии взаимного ограничения прав на частную жизнь и свободу выражения, дать правовую оценку проблемам, возникающим при защите прав человека в сфере интеллектуальной собственности. Действующее российское законодательство, практика ЕСПЧ и российских судов проанализированы с использованием формально-юридического метода. Для оценки необходимости внесения изменений в действующее гражданское законодательство был использован метод правового моделирования.

Информационную базу исследования составляют: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней, ратифицированные Россией; другие международные конвенции; постановления ЕСПЧ, принятые в отношении Российской Федерации, а также в отношении других государств-участников ЕКПЧ; рекомендации и практические указания Совета Европы; Конституция Российской Федерации; российские федеральные законы и иные нормативно-правовые акты; практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов округов; а также некоторые акты гражданского законодательства Франции и Германии.

Обоснованность и достоверность результатов исследования основана на применении методов научного познания, соответствующих диссертационной работе, и подтверждается широким использованием в качестве теоретической и методологической базы результатов научных изысканий отечественных и зарубежных

авторов, включая публикаций в недавних периодических изданиях, а также анализом и обобщением значительного количества материалов правоприменительной практики, прежде всего судебной, по всему спектру вопросов исследуемой темы.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну:

1. Обосновано, что наднациональный (субсидиарный) характер деятельности ЕСПЧ, а также специфика его постановлений (сочетающих прецедентный, правоприменительный и толковательный характер) не позволяет полноценно использовать категорию «источник права» для характеристики юридической природы как самих постановлений ЕСПЧ, так и охватываемых ими правовых позиций. Вместе с тем, регулирующее действие правовых позиций ЕСПЧ имеет место, что обусловлено формированием их: во-первых, в рамках прецедентной практики Суда, во-вторых, в результате эволютивного толкования Судом норм Конвенции. Это позволяет относить их к правовым регуляторам внутригосударственных гражданско-правовых отношений для стран – участников ЕКПЧ. Формальными источниками правовых позиций, как правовых регуляторов, выступают постановления ЕСПЧ (*положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 4, 32 паспорта научной специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки»*).

2. Обосновано, что постановления ЕСПЧ имеют правотворческую составляющую, выраженную в их нормативности, которая обеспечивается при помощи юридической категории «правовая позиция ЕСПЧ», содержащейся в окончательных постановлениях Суда. Под правовой позицией ЕСПЧ следует понимать — правило поведения, вырабатываемое данным судом в ходе эволютивного толкования норм ЕКПЧ и применяемое им в своей последующей практике, степень обязательности которого для каждого государства определяется его органом конституционного правосудия (*положение, выносимое на защиту, соответствует пункту 4 паспорта научной специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки»*).

3. Выявлен механизм влияния правовых позиций ЕСПЧ, которое в период действия ЕКПЧ в России выразилось в их имплементации, осуществляемой в форме инкорпорации (путём ратификации ЕКПЧ и признания юрисдикции ЕСПЧ) и

трансформации (в ходе конституционного толкования ЕКПЧ Конституционным Судом РФ). Основываясь на всей европейской практике, правовые позиции ЕСПЧ устанавливают содержательные ориентиры для правоприменителей и законодателей стран-участников ЕКПЧ, моделируя пути качественного реформирования национального законодательства в рамках конвенционных стандартов. Демонстрируя при необходимости критическую оценку национального закона, они успешно служат поводом его реформирования, при условии непротиворечия сложившейся системе национальных правовых институтов и социокультурных ценностей. В российском гражданском праве это проявилось, в частности: в закреплении нового критерия ограниченной дееспособности физического лица, в совершенствовании механизма защиты добросовестного приобретателя, а также в выявлении с целью последующего исправления: (1) пробелов в правовом регулировании (ответственность государства за вред, причинённый опасными правомерными действиями; признание фактических брачных отношений в случае объективной невозможности регистрации брака и др.) и (2) норм, требующих актуализации в связи с усложнением общественных отношений (усиление охраны информации о частной жизни гражданина; расширение свободы некоммерческого использования произведения в личных целях и др.) *(положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 3, 32 паспорта научной специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки»)*.

4. Обоснована необходимость закрепления следующего правового механизма, позволяющего легализовать фактические брачные отношения лиц, состоящих в них, но объективно не имеющих возможности зарегистрировать брак, что лишает должной защиты их имущественные и личные неимущественные права:

- признание фактических брачных отношений должно носить ограниченный характер, охватывая только исключительные случаи неоправданного оставления без справедливой правовой защиты лиц, состоящих или состоявших в таких отношениях, при условии объективной невозможности регистрации брака;

- факт нахождения мужчины и женщины в брачных отношениях должен признаваться в судебном порядке путём установления подтверждающих его

обстоятельств: совместное проживание не менее трёх лет к моменту обращения в суд (при наличии совместного ребёнка — не менее года) и ведение общего хозяйства;

- устанавливая факт нахождения в брачных отношениях, суд должен определить момент их возникновения и проверить соблюдение требований закона к действительности брака (*положение, выносимое на защиту, соответствует пункту 5 паспорта научной специальности 5.1.3. — «Частно-правовые (цивилистические) науки»*).

5. Обосновано, что для усовершенствования механизма защиты прав субъектов, претерпевших вред от правомерных, но опасных для частных лиц действий органов публичной власти по пресечению чьей-либо незаконной деятельности, в правоприменительной практике необходимо, исходя из примата гарантированных Конституцией РФ прав человека, руководствоваться принципом абсолютной ответственности государства. Вследствие этого, ответственность государства в вопросе последствий такого вреда должна быть на законодательном уровне расширена за счёт полного возмещения потерпевшему имущественного вреда во всех случаях его причинения правомерными действиями, направленными на пресечение незаконной деятельности, с возможностью регресса к лицу, незаконная деятельность которого подлежала пресечению (*положение, выносимое на защиту, соответствует пункту 12 паспорта научной специальности 5.1.3. — «Частно-правовые (цивилистические) науки»*).

6. Обосновано, что эволютивное толкование обусловлено, прежде всего, необходимостью защиты слабой стороны в гражданском правоотношении, в качестве которой ЕСПЧ рассматривает противостоящее государству лицо, чьё конвенционное право в силу различных объективных причин оказывается вне правовой охраны со стороны национального правопорядка. Выделено два способа реализации Судом метода эволютивного толкования: изменение своей прежней правовой позиции и расширительное толкование конвенционного права. Первый проявил себя, в частности: при защите прав акционеров, при определении границ правосубъектности юридического лица. Второй — при защите прав на имущество, на частную жизнь,

свободу выражения мнения и др. Суд, прибегая к методу эволютивного толкования в отсутствие для этого правового основания, фактически превышает свои полномочия, поэтому он обосновывает это необходимостью реализации целей Конвенции и делает это в исключительных случаях критического несоответствия сложившегося правоприменения современным условиям (*положение, выносимое на защиту, соответствует пункту 10 паспорта научной специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки»*).

7. Обосновано, что правовые позиции ЕСПЧ в сфере интеллектуальной собственности, определяющие границы уважения четырёх из базовых благ (собственность, частная жизнь, свобода и безопасность), могут быть положены в основу правового регулирования отношений по поводу новых или непоименованных объектов гражданских прав:

- расширительное толкование права на защиту собственности даёт возможность охватить всякий нуждающийся в защите правомерный экономический интерес правообладателя, что позволяет обеспечить правовой охраной любой новый или непоименованный в законе объект;

- необходимость достижения справедливого баланса конфликтующих интересов при реализации права на частную жизнь и на свободу выражения и доступа, требует их взаимного ограничения, которое во всяком случае должно соответствовать трём критериям: основываться на законе, исходить из законных целей и быть минимально необходимым;

- право на безопасность, являясь одним из главных условий обеспечения как частных, так и публичных интересов, обладает приоритетом перед противостоящими ему субъективными правами и свободами, что также требует их ограничения в соответствии с указанными критериями (*положение, выносимое на защиту, соответствует пункту 10 паспорта научной специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки»*).

8. Реализация принципа автономии личности предполагает установление справедливого баланса между конкурирующими ценностями (неприкосновенность частной жизни, доступ к информации и свобода слова). Исходя из этого,

обосновано, что защита частной жизни гражданина недостаточно обеспечивается российским гражданским законодательством, поскольку свободный сбор, хранение, распространение и использование о ней информации, ставшей ранее общедоступной либо раскрытой самим гражданином или по его воле, является неоправданно чрезмерным вмешательством в его частную жизнь, если указанные действия совершаются исключительно для удовлетворения обывательского интереса или извлечения прибыли. Баланс может быть установлен путём ограничения предусмотренного в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ исключения из общего правила — правомерными должны признаваться сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина без его согласия только в государственных, общественных или иных публичных интересах, в их истолковании Конституционным Судом РФ (*положение, выносимое на защиту, соответствует пункту 10 паспорта научной специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки»*).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в результате изучения прецедентной практики ЕСПЧ, затрагивающей отдельные гражданско-правовые вопросы, сформулированы и обоснованы теоретические положения, свидетельствующие о формировании целостного научного представления, в рамках которого: установлено место правовых позиций ЕСПЧ в российской системе источников гражданского права в качестве регулятора внутригосударственных гражданско-правовых отношений; обосновано наличие правотворческой составляющей в окончательных постановлениях ЕСПЧ, выраженной в их нормативности; выявлены способы и характер имплементации права ЕСПЧ в систему российского гражданского права; на основе практики ЕСПЧ с учётом социокультурной специфики российского общества определены условия и пределы легализации института фактических брачных отношений; выявлены цель, способы и условия применяемого ЕСПЧ эволютивного толкования положений ЕКПЧ для защиты слабой стороны в гражданском правоотношении; обоснована необходимость расширения пределов ответственности государства за вред, причинённый правомерными действиями государственных органов и их должностных лиц; обоснована

возможность использования в качестве основы для правового регулирования отношений по поводу новых или непоименованных объектов гражданских прав правовых позиций ЕСПЧ в сфере интеллектуальной собственности, определяющих границы уважения базовых благ (собственность, частная жизнь, свобода и безопасность); на основе правовых позиций ЕСПЧ выявлен дисбаланс между конституционными правами на доступ к информации и на защиту частной жизни при распространении информации о ней, предложен путь для его устранения.

Предлагаются следующие изменения в действующее законодательство:

1. изложить статью 16.1 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 16.1. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления

В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит полному возмещению.».

2. изложить второй абзац пункта 1 статьи 152.2 ГК РФ в следующей редакции: «Не являются нарушением правил, установленных абзацем первым настоящего пункта, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, в том числе, в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.».

3. изложить пункт 3.1 статьи 1081 ГК РФ в следующей редакции: «3.1. Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда по основаниям, предусмотренным статьями 16.1, 1069 и 1070 настоящего Кодекса, а также по решениям Европейского Суда по правам человека имеют право регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение.».

4. изложить первый абзац пункта 1 статьи 1273 ГК РФ в следующей редакции: «1. Допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты

вознаграждения воспроизведение гражданином исключительно в личных целях правомерно обнародованного произведения, за исключением:»

5. изложить статью 1281 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 1281. Срок действия исключительного права на произведение

1. Исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и пятидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора.

Исключительное право на произведение, созданное в соавторстве, действует в течение всей жизни автора, пережившего других соавторов, и пятидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом его смерти.

2. На произведение, обнародованное анонимно или под псевдонимом, срок действия исключительного права истекает через пятьдесят лет, считая с 1 января года, следующего за годом его правомерного обнародования. Если в течение указанного срока автор произведения, обнародованного анонимно или под псевдонимом, раскроет свою личность или его личность не будет далее оставлять сомнений, исключительное право будет действовать в течение срока, установленного пунктом 1 настоящей статьи.

3. Исключительное право на произведение, обнародованное после смерти автора, действует в течение пятидесяти лет после обнародования произведения, считая с 1 января года, следующего за годом его обнародования, при условии, что произведение было обнародовано в течение пятидесяти лет после смерти автора.

4. Если автор произведения был репрессирован и посмертно реабилитирован, срок действия исключительного права считается продленным и пятидесяти лет исчисляются с 1 января года, следующего за годом реабилитации автора произведения.

5. Если автор работал во время Великой Отечественной войны или участвовал в ней, срок действия исключительного права, установленный настоящей статьей, увеличивается на четыре года.».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость заключается в том, что сформулированные выводы дополняют и развивают имеющиеся в общей теории права, теории гражданского права,

сравнительном правоведении и других отраслевых дисциплинах разделы, посвященные имущественным и личным неимущественным правам человека и их защите. Проведённое изыскание расширяет научные представления о предмете исследования и составляет основу для дальнейшей работы автора по оценке влияния правовых позиций международных судов на российское гражданское право. Теоретические выводы и основанные на них рекомендации, содержащиеся в настоящем исследовании, направлены на повышение эффективности реализации норм Конституции РФ о правах человека и его основных свободах при защите гражданских прав в отечественной правоприменительной практике.

Практическая значимость исследования. Проведённый в работе комплексный анализ европейских стандартов защиты права собственности, иных имущественных, а также неимущественных прав юридических и физических лиц, сформулированные при этом практические рекомендации могут быть использованы в целях совершенствования российского гражданского законодательства и основанной на нём правоприменительной практики. Помимо этого, они могут быть использованы в учебном процессе при ведении частноправовых курсов: «Гражданское право», «Международное частное право», «Гражданско-процессуальное право», «Сравнительное правоведение», «Семейное право», «Жилищное право», «Вещное право», «Корпоративное право», «Право интеллектуальной собственности».

Практическая значимость данной работы позволит более эффективно решать вопросы имплементации правовых позиций других международных судов в российскую правовую систему, реализовать вытекающие из членства Российской Федерации в различных международных структурах преимущества для обеспечения прав человека в рамках внутригосударственных механизмов правовой защиты.

Апробация результатов исследования. Диссертация была выполнена и обсуждена на кафедре гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

Основные теоретические выводы, полученные в результате проведённого исследования, а также положения, выносимые на защиту, отражены в 19 научных статьях автора, в том числе, в 5 опубликованных в рецензируемых научных изданиях,

рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций на соискание учёной степени кандидата юридических наук.

Результаты настоящего исследования, а также положения, выносимые на защиту, излагались на международных и всероссийских научно-практических конференциях, среди которых: Международная молодёжная научно-практическая конференция «Россия-Монголия» (Улан-Батор, Монгольский государственный университет, сентябрь 2016 г.); Совместная XI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) и XII Ежегодная международная научно-практическая конференция Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, МГУ и МГЮУ, ноябрь 2016 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Правовое регулирование экономических отношений в Российской Федерации» (Иркутск, ИГУ, ноябрь 2016 г.); VIII Международная научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов «Механизм правового регулирования: вопросы теории и практики» (Саратов, СГЮА, февраль 2017 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Современные проблемы защиты прав человека в судебной и прокурорской деятельности» (Екатеринбург, УрГЮУ, апрель 2017 г.); летняя школа молодых учёных «Развитие российского права: влияние иностранного и международного права» МГЮА им. О. Е. Кутафина (Москва, МГЮУ, 2017 г.); XIX Ежегодная международная научно-практическая конференция и XV Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» «Конституция РФ и современный правопорядок» (Москва, МГУ и МГЮУ, ноябрь 2018 г.); Международный молодёжный научный форум «Ломоносов 2019» (МГУ, апрель 2019 г.); XI Ежегодная международной научно-практической конференция «Защита частных прав: проблемы теории и практики» (Иркутск, Байкальский государственный университет, декабрь 2022 г.) и других.

Перечень публикаций автора. Основные положения и выводы исследования апробированы в 19 работах автора, 5 из которых в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

I. В рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Яковлева С.П. Выход России из юрисдикции ЕСПЧ: итоги, последствия и перспективы для российского гражданского права / С.П. Яковлева // Власть закона. – 2022. – № 4. – С. 311-324.
2. Яковлева С.П. Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека на механизм защиты интересов добросовестного приобретателя жилого помещения в Российской Федерации / С.П. Яковлева // Российский юридический журнал. – 2019. – № 1. – С. 88-95.
3. Яковлева С.П. Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека на институционализацию фактических брачных отношений в семейном праве России / С.П. Яковлева // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 135-141.
4. Яковлева С.П. Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека на гражданско-правовой статус физического лица / С.П. Яковлева // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 44-49.
5. Яковлева С.П. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека / С.П. Яковлева // Baikal Research Journal (электронный научный журнал Байкальского государственного университета). – 2016. – Т. 7. – № 5. – С. 23-23. — URL: <http://brj-bguen.ru/reader/article.aspx?id=20932> (дата обращения: 02.12.2023).

II. В иных изданиях:

6. Яковлева С.П. Гражданско-правовая защита врачебной тайны / С.П. Яковлева // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы XI ежегод. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20-23 декабря 2022 г. / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2023. – С. 273-279.
7. Яковлева С.П. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека как регуляторы гражданских отношений / С.П. Яковлева // Межд. молодеж. науч. форум «Ломоносов-2019»: [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2019. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
8. Яковлева С.П. Защита интересов добросовестного приобретателя жилого помещения в России (влияние правовых позиций Европейского Суда по правам

человека) / С.П. Яковлева // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен [Электронный ресурс]: материалы межд. науч.-практ. конф. Иркутск, 26 окт. 2018 г. / отв. ред. Т. Л. Курас. ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019. – 1 электрон. опт диск (CD-ROM).

9. Яковлева С.П. Степень отражения правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российском гражданском законодательстве / С.П. Яковлева // Современные проблемы защиты прав человека в судебной и прокурорской деятельности: материалы всеросс. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20-21 апр. 2018 г. / под ред. В. М. Бозрова, Е. Р. Ергашева. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2017. – С. 337-344.

10. Яковлева С.П. Защита деловой репутации в сфере коммерческих отношений / С.П. Яковлева // Механизм правового регулирования: вопросы теории и практики: сб. тезисов междунар. науч. конф. Саратов, 28 фев. 2017 г. / под ред. Д. А. Красикова. – Саратов: СГЮА, 2017. – С. 112.

11. Яковлева С.П. Роль правовых позиций Европейского Суда по правам человека в формировании репутационного (нематериального) вреда юридических лиц / С.П. Яковлева // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы 11-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения». Москва, 22 нояб.-3 дек. 2016 г. / под ред. В. Н. Синюкова. – Москва: Проспект, 2017. – С. 223-226.

12. Яковлева С.П. Место и роль позиций Европейского Суда по правам человека в правовой системе России / С.П. Яковлева // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 5-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 мая 2016 г. / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 367-372.

13. Яковлева С.П. К вопросу о правовой инфильтрации позиций Европейского Суда по правам человека в гражданское законодательство России / С.П. Яковлева // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 6-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся в рамках Байк. юрид. форума, Иркутск, 21-

22 сент. 2017 г. / под ред. Ю. В. Виниченко, А. П. Ушаковой. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 243-248.

14. Яковлева С.П. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека как источник права России / С.П. Яковлева // Современные вопросы государства, права, юридического образования: материалы 12-й межд. науч.-практ. конф., Тамбов, 12 дек. 2016 г. / под ред. О. В. Белянской. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, ТРО ООО «Ассоциация юристов России», 2017. – С. 306–313.

15. Яковлева С.П. К вопросу о защите прав человека в России и Монголии: краткий сравнительно-правовой анализ / С.П. Яковлева // Международная молодежная научно-практическая конференция: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Россия-Монголия» – Улан-Батор, 5-10 сент. 2016г. – Иркутск, 2016. – С.231-232.

16. Яковлева С.П. Компенсация репутационного вреда юридическим лицам / С.П. Яковлева // Правовое регулирование экономических отношений в Российской Федерации: тезисы докл. ежегод. всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 12 нояб. 2016 г. / под ред. Т. Л. Курас. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – С. 81-84.

17. Яковлева С.П. К вопросу о компенсации нематериального репутационного вреда юридическим лицам / С.П. Яковлева // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V межд. науч.-практ. конф. Иркутск, 16-17 сент. 2016 г. / под ред. С. И. Сусловой, А. П. Ушаковой. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – С. 290-293.

18. Яковлева С.П. Решения Европейского Суда по правам человека как источник права / С.П. Яковлева // Общество. Право. Личность: вопросы взаимодействия в современном мире: сб. ст. междунар. науч.-практ. заоч. конф. Минск, 6–10 апр. 2015 г. / под ред. И. А. Маньковского. – Минск: Междунар. ун-т МИТСО, 2015. – С. 79–80.

19. Яковлева С.П. Практика Европейского Суда по правам человека при защите трудовых прав граждан в России / С.П. Яковлева // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 3-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 19–20 сент. 2014 г. / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 274–279.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ЕСПЧ КАК ПРАВОВОМ РЕГУЛЯТОРЕ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Понятие правовой позиции ЕСПЧ

Современная эпоха ставит перед Россией новые задачи по реформированию законодательства, совершенствованию средств и механизмов правовой защиты, решение которых сводится к отлаживанию эффективности правовой системы. Это развитие во многом основано на передовом юридическом опыте, собранном в разных странах и сфокусированном в международных договорах, среди которых важное место для европейских национальных правовых систем занимает ЕКПЧ, действенность которой успешно обеспечивается благодаря практике ЕСПЧ¹. Толкование конвенционных норм отражается в его правовых позициях, вырабатываемых по конкретным делам, и образует интеллектуально-юридическое содержание его решений. Факт последующего исполнения государством-ответчиком постановления ЕСПЧ сам по себе выражает его согласие на данное Судом толкование².

По мнению судьи ЕСПЧ Л. Гарлицкого, изначальная идея общеевропейской системы правосудия предполагала в целях обеспечения эффективной защиты прав человека и основных свобод в странах Европы непосредственное применение Конвенции внутригосударственными судами, в то время как перед самим ЕСПЧ ставились две основных задачи: (1) вспомогательная роль осуществления надзора, допускавшая вмешательство только при недостаточности внутригосударственных механизмов защиты прав и свобод, и (2) разработка единых стандартов защиты

¹ Сковородко А.В. Роль Европейского суда по правам человека в механизме защиты от бездействия органов публичной власти в России // Право. Журнал ВШЭ. 2016. № 3. С. 62.

² Ковлер А. И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации. М., 2019. С. 306.

прав и свобод, обязательных для всех государств – участников¹. Однако по мере увеличения числа установленных ЕСПЧ предписаний общего характера, его значимость постепенно расширилась по причине постоянного развития отношений с национальными судами, стремящимися защитить свою правовую систему от внешнего вмешательства. Это стремление обусловлено тем, что, как пишет В. В. Лазарев, «Конвенция — плод соглашения государств. Каждое государство вступало в него, имея своё понимание прав человека, привязанное к жизни своего народа, к развитию наций и народностей, права которых оно призвано обеспечивать»².

ЕСПЧ выступал для России наднациональным судебным органом, его деятельность, как и для других стран – участников Конвенции, носила субсидиарный характер (п. 1 ст. 35 ЕКПЧ), что уже являлось предметом специальных научных изысканий³. А. И. Ковлер выделяет две стороны субсидиарности ЕСПЧ — практическую (он не является «четвёртой» инстанцией и не может так же детально, как на национальном уровне, изучать обстоятельства дела) и теоретическую (он не поднимает входящие в компетенцию национальных судов правовые вопросы (например, толкование национального законодательства), хотя и учитывает их)⁴. По мнению судьи ЕСПЧ Ф. Тюлькенс, важность принципа субсидиарности в деятельности ЕСПЧ обусловлена необходимостью «уважать демократию и, в равной мере, продукты демократического процесса и легитимации национальных институтов». Автор выделяет ряд тезисов, подтверждающих этот принцип: (1) получение Судом полномочий и легитимности от суверенных государств, остающихся при этом

¹ Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2006. С. 9.

² Лазарев В. В. О судебном суверенитете национальных и межгосударственных органов правосудия // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2020. С. 73.

³ Аристова К. С. Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.

⁴ Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека. М., 2019. С. 138.

основными акторами международного права; (2) отсутствие у Суда полномочий на прямое вмешательство в правовые системы государств, обязанность уважать их автономность; (3) приоритет, по сравнению с Судом, национальных органов власти в выявлении и исправлении возможных нарушений прав человека в каждом конкретном случае; (4) возможность Суда благодаря данному принципу полно оценивать свои функции регуляторного суда, как их подразумевали авторы Конвенции¹.

Как отмечает О. В. Зайцев, «ни в конце прошлого века, ни в период последней реформы гражданского законодательства масштабной рецепции зарубежного права не произошло. Действительно, были заимствованы отдельные институты, но во многом это связано с отсутствием подобных правовых механизмов в советский период времени»². Но реалии таковы, что успешное сосуществование национальных и наднациональных правовых систем наблюдается повсеместно. И в этом смысле наша страна не исключение — ЕКПЧ определённым образом повлияла на российскую правовую систему, благодаря чему иная для нас правовая методология позволяет по-новому взглянуть, в том числе, и на внутригосударственные гражданские отношения через призму прав человека. Вступив в Совет Европы, Россия *«ipso facto* и без специального соглашения признала юрисдикцию ЕСПЧ в вопросах толкования и применения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Россией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации»³.

¹ Тюлькенс Ф. Некоторые аспекты философии европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и принцип субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 6. С. 79.

² Зайцев О. В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 145.

³ О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. № 14. Ст. 1514. Данный закон продолжает действовать, что порождает мнение о том, что основные положения ЕКПЧ до её денонсации не перестают быть составной частью правовой системы РФ, как и решения прецеденты ЕСПЧ, принятые до 15 марта 2022 г. По этой причине они продолжают рассматривать с оговорками в числе форм источников конституционного права (Ромашов П. А. Защита прав и свобод граждан РФ в связи с выходом Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека // Пермский юридический альманах. 2023. Вып. 6. С. 148).

ЕКПЧ приобрела юридическую силу для России с 5 мая 1998 года. Добровольное принятие обязательств по приведению правоприменительной практики и законодательства в соответствие с общеевропейскими принципами и нормами привело к тому, что стандарты Совета Европы в области защиты прав человека не без трудностей, но оказали определённое влияние как на законодательство, так и на правовую доктрину России в сфере как общей теории права¹, так и отдельных отраслей, в частности: конституционного права², уголовного права и процесса³, гражданского и арбитражного процесса⁴, трудового права⁵ и других отраслей.

Реформирование российского гражданского законодательства также происходит не без такого воздействия. Ежегодно, начиная с 2011 г., согласно Указу Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» формировался соответствующий доклад, который в целях выполнения постановлений ЕСПЧ предусматривал осуществление органами исполнительной власти сбора, обобщения,

¹ Лаптев П. А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в правовой системе России (проблемы теории и практика взаимодействия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006; Метлова И. С. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Аверьянов К. Ю. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Лаптева И. В. Правовая инфильтрация Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему (теоретическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

² Николаев А. М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012.

³ Волосюк П. В. Значение решений Европейского Суда по правам человека в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007; Симагин А. С. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней в системе источников уголовно-процессуального права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

⁴ Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2010; Иодковский Э. В. Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; Любченко М. Я. Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2018; Султанов А. Р. Постановление Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022.

⁵ Швецова М. В. Судебные акты Европейского Суда по правам человека в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

анализа и оценки информации с целью последующего принятия, изменения или признания утратившими силу законодательных и иных нормативных правовых актов¹.

Роль правовых позиций ЕСПЧ в практике Конституционного Суда РФ очень точно подметил его Председатель В. Д. Зорькин, указав, что «Конституционный Суд, подтверждая конституционность правовой нормы или устраняя отжившую норму, ... привлекает при этом в качестве дополнительного довода положения ЕКПЧ и учитывает её толкование, данное ЕСПЧ, тем самым ориентируя нормотворческий процесс в направлении соответствия современному пониманию прав и свобод, закреплённых ЕКПЧ и Протоколами к ней»².

ЕСПЧ уполномочен принимать следующие виды актов: решения о приемлемости или неприемлемости жалобы (ст. 45 ЕКПЧ); окончательное постановление (п. 2 ст. 42 ЕКПЧ); консультативное заключение по запросу Комитета министров (ст. 47 ЕКПЧ). Указанные виды актов, имеющие разные наименования, в настоящей работе именуются постановлениями. В структуре любого постановления ЕСПЧ можно выделить следующие элементы: «Процедура», «Факты («Обстоятельства дела»», «Вопросы права». В этих структурных элементах постановлений ЕСПЧ особо выделяется юридическая категория «правовая позиция» — она и является основным предметом настоящего исследования. Для раскрытия её сущности представляется необходимым произвести анализ существующих философских и правовых наработок, не только цивилистического, но и общетеоретического характера.

Среди научных воззрений на проблему определения понятия «правовая позиция» выделим следующие, наиболее значимые, на наш взгляд.

Этимологически категория «позиция» определяется в русском языке, в частности, как «точка зрения, мнение в каком-нибудь вопросе»³. В юридической науке она получила распространение не сразу. М. Н. Марченко отмечает, что правовая

¹ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 // Собр. законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

² Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 8.

³ Ожегов И. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2017. С. 524.

позиция «совершенно новая, вошедшая в научный обиход только в начале 90-х годов XX столетия, юридическая категория, неизменно ассоциируется лишь с конституционным правом, конституционной доктриной и, соответственно, с КС РФ»¹. В канве этой мысли Н. В. Витрук, рассуждая о правовых позициях КС РФ, называет их правовыми представлениями суда общего характера по итогам толкования Конституции РФ, которые снимают правовую неопределённость, являясь правовым фундаментом итоговых постановлений Конституционного Суда РФ². А. В. Гринева предлагает под правовой позицией рассматривать «оценку правовой реальности, систему правовых аргументов, лежащих в основе законотворческой, судебной и иной правоприменительной деятельности. В любом случае, это логико-языковая конструкция, выражающая отношение субъекта к правовым явлениям и процессам». Поскольку правовая позиция может исходить от разных субъектов правоприменения, она уточняет, что «Под правовой позицией суда следует понимать мыслительный акт, выраженный в текстовом системном изложении суждений судебной инстанции (судьи) о мотивах применения юридической нормы»³. В свою очередь Я. В. Бакарджиев, применительно к суду определяет правовую позицию как «юридически аргументированное мнение суда, высказанное в итоговом акте при рассмотрении конкретного дела или в результате обобщения судебной практики по определённому правовому вопросу, который не имеет в законодательстве однозначного юридического понимания или представляет собой пробел в правовом регулировании, разрешённый судом по аналогии»⁴. Обобщая разные аспекты понимания этой категории, И. В. Шульга считает, что «судебные правовые позиции следует понимать как связанные общей идеей единые системы суждений суда (судьи) относительно понимания и применения правовых норм, выраженные в

¹ Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2011. С. 129.

² Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.). Очерки теории и практики. М., 2001. С. 111.

³ Гринева А. В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7-8.

⁴ Бакарджиев Я. В. Казуальное решение суда: судебная практика, правовая позиция или судебный прецедент? // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3. С. 10.

постановлениях по конкретным делам и разъяснениях судебной практики»¹. В рамках такого подхода судебный акт выделяется в качестве объективной формы выражения правовой позиции суда.

Что касается европейских правовых позиций, то, по мнению Е. С. Алисиевич, они представляют собой «обобщение практики толкования ЕСПЧ прав и свобод человека, гарантированных ЕКПЧ, которое становится правовой основой решений ЕСПЧ соответствующих ситуаций, связанных с применением этих прав»². Продолжая данную мысль, К. Ю. Аверьянов определяет их как «создаваемые Европейским судом путём интерпретации положений Конвенции и Протоколов к ней международно-правовые нормы, которые формулируются в решениях по конкретным делам и распространяются впоследствии на аналогичные рассматриваемые Судом дела, а также служат обязательным образцом понимания Конвенции и Протоколов к ней для субъектов права государств – членов Совета Европы»³. Получается, в своем объёме данное понятие отражает выработанные ЕСПЧ подходы по толкованию конвенционных положений. В мотивировочной части каждого своего постановления ЕСПЧ оформляет свои правовые позиции, предваряя их устоявшимися выражениями-маркерами: «Суд напоминает...», «Суд вновь отмечает...», «Суд вновь повторяет...», «согласно сложившейся практике Суда...».

Разумеется, в контексте исследуемой темы ЕСПЧ не может ставиться в один ряд с национальными судебными инстанциями. Поэтому, рассуждая об источниках гражданского права, обновление которых отражает диалектическое развитие их системы и постоянно усложняющийся процесс дифференциации форм объективирования юридических норм, Г. А. Гаджиев отмечает среди таких источников и правовые позиции ЕСПЧ, обладающие особым атрибутивным признаком — новым

¹ Шульга И. В. Юридическая природа правовых позиций Верховного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 183.

² Алисиевич Е. С. Толкование норм конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 79.

³ Аверьянов К. Ю. Характеристика правовых позиций Европейского Суда по правам человека // Вестник международного института экономики и права. 2011. № 3 (4). С. 123.

качеством нормативности, отличающим их от традиционных источников права¹. Эта особая нормативность обусловлена надгосударственным характером ЕСПЧ.

Дальнейшие рассуждения требуют оценки прецедентного характера актов ЕСПЧ. Так, Д. Т. Караманукян по этому поводу отмечает, что «правовая позиция (*ratio decidendi*) — это часть акта ЕСПЧ, содержащая нормы права, на основе которых разрешается рассматриваемое дело». Автор отождествляет понятия «правовая позиция» и «*ratio decidendi*», тем самым придавая прецедентный характер постановлениям ЕСПЧ: «ЕСПЧ может обращаться к собственным правовым позициям для аргументации позиций, то есть следует правилу прецедента»². Соглашаясь с этим, следует уточнить, что такие постановления фактически представляют собой нормы ЕСПЧ, но в их динамике, отражающей изменения интерпретации этих норм сообразно развитию и изменению регулируемых ими общественных отношений. Показательным подтверждением этой идеи может служить сформулированный ЕСПЧ в одном из постановлений следующий вывод: «ЕСПЧ — это живой инструмент и должна интерпретироваться соответственно времени»³.

В литературе такой вид толкования именуется эволютивным (эволюционным, динамичным)⁴. По мнению Д. И. Дедова: «ЕСПЧ является эволюционным инструментом и должна применяться к современным реалиям (*present-day conditions*)». Суду требуется выработка собственных правил, которые позволили бы разрешать дела с учётом современных условий, не изменяя текст ЕКПЧ. Поэтому правовая позиция ЕСПЧ позволяет, с одной стороны, разрешать схожие дела с опорой на ранее сформированные правовые позиции, с другой — адаптироваться к реалиям

¹ Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права // Закон. 2006. № 11. С. 22.

² Права человека в России: история, теория и практика / отв. ред. Д. Т. Караманукян. Омск, 2015. С. 284-285.

³ ECHR. *Tyrer v. The United Kingdom*. Application no. 5856/72. Judgment of 25 April 1978. Para 31 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57587> (дата обращения: 02.12.2023).

⁴ Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека. С. 123; Коваленко С. И. Теоретико-практические аспекты эволюционного толкования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Европейского Суда по правам человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016. С. 10.

меняющихся отношений в обществе. Однако при этом следует признать, что проблема эволютивного толкования состоит в отсутствии методологии и научного обоснования¹. Отсюда справедлива критика М. Л. Гальперина, о том, что ЕКПЧ и Конституция РФ основаны на одних и тех же идеях, провозглашают схожими формулировками одни и те же права, что, однако, не исключает коллизий и даже конфликтов юрисдикций, поскольку смысл этих формулировок «искажается в результате применения так называемого эволютивного, расширительного толкования Европейского Суда по правам человека»². Также П. Н. Бирюков усматривает в использовании судьями ЕСПЧ эволютивного толкования «тенденцию превышать свои полномочия. Особенно это заметно по делам против России»³. Серьёзность возможных побочных эффектов широкого применения Судом эволютивного толкования обсуждали и европейские учёные, приводя ряд возражений: «выводимое таким методом право не соответствует самому согласованному с самого начала тексту договора; на страны возлагается больше обязательств, чем они готовы принять; ЕСПЧ должен в определённых вопросах следовать самоограничению»⁴, смысл которого, по мнению А. И. Ковлера, заключается в том, что «"эволютивное толкование" не позволяет создание Судом новых прав и свобод, т.е. прав и свобод, не защищенных существующим текстом»⁵. Учёный связывает это с судебским активизмом, ведущим к расширительному толкованию норм ЕКПЧ, объясняя это

¹ Дедов Д. И. Эволюционное толкование — результат эволюции познания действительности // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2018. Вып. 4. С. 33.

² Гальперин М. Л. Проблемы толкования норм международного и национального права // Тезисы к выступлению на конференции «Державинские чтения» (Казань, 2021 год) Электрон. версия печ. публ. — URL: https://www.hse.ru/data/2021/06/03/1440292323/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_2021.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

³ Бирюков П. Н. Статус «жертвы» в практике ЕСПЧ // Современные проблемы международного и евразийского правосудия / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2017. С. 67.

⁴ Гаджиев Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2020. С. 100.

⁵ Ковлер А. И. Явление судебного активизма: особые мнения судей Европейского суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2016. Вып. 2 С. 40.

особенностью самой нормы, которая «не является самоцелью, она необходима «лишь» для того, чтобы выявить суть того или иного права, которая вытекает из судебного толкования»¹. Таким образом, эволютивный подход к толкованию ЕКПЧ, способствуя гибкости правового регулирования, препятствует его определённости, что можно преодолеть только стараясь найти баланс между ними.

Резюмируя сказанное, выделим основные признаки, присущие правовой позиции ЕСПЧ: во-первых, она заключена в той части его постановления, которая именуется «Вопросы права»; во-вторых, она представляет собой фундамент, используемый судом для обоснования собственных выводов; в-третьих, что вытекает из предыдущего признака, ранее сформулированную правовую позицию ЕСПЧ использует в будущем при рассмотрении аналогичных дел; в-четвёртых, при таком использовании возможно эволютивное толкование положений ЕКПЧ.

Изложенное позволяет заключить, что содержащиеся в постановлениях ЕСПЧ правовые позиции, сформулированные в отношении конвенционных прав, являются обязательным элементом в механизме применения ЕКПЧ. Однако согласимся с М. Я. Любченко в том, что эти правовые позиции хоть и учитываются для уяснения содержания соответствующих положений Конвенции (наряду с её контекстом, объектом и целями) при осуществлении правосудия по гражданским делам национальным судом, при этом не являются для него юридически обязывающими², в том смысле, что государство само выбирает средства для устранения выявленного нарушения. Действуя как «мягкое право», они призваны воздействовать на национального законодателя и правоприменителя силой не принуждения, а побуждения, основанного на авторитете ЕСПЧ и его правовой аргументации.

Вывод. Правовые позиции, содержащиеся в постановлениях Европейского Суда по правам человека, наделяются им признаком нормативности, что позволяет рассматривать их как правила поведения, установленные ЕСПЧ в ходе толкования им

¹ Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 93-94.

² Любченко М. Я. Указ. соч. С. 10.

норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и используемые в дальнейшей правоприменительной практике.

1.2. Правовые позиции ЕСПЧ в системе источников гражданского права

Остановимся сперва на понятии и видах правовых регуляторов гражданских отношений. В первую очередь необходимо уяснить сущность понятия «правовое регулирование», точнее — «позитивно-правовое регулирование», как регулирование, осуществляемое при помощи права позитивного, в противовес регулированию естественно-правовому (осуществляемому посредством права естественного), находящемуся за рамками нашего исследования. Обзор мнений позволяет пунктирно выделить последующие направления аргументации и базовые идеи.

В. Д. Сорокин, рассматривая механизм правового регулирования, как один из видов общественного регулирования, указал следующие элементы, составляющие структуру предмета правового регулирования: «во-первых, статус субъекта права во всех его многочисленных модификациях; во-вторых, конкретные связи между субъектами права, приобретающие под воздействием юридических правил форму правовых отношений различной отраслевой принадлежности; в-третьих, «поведение без правоотношений», т.е. ситуации, предусмотренные запрещающими нормами российского права»¹. В свою очередь Н.А. Пьянов, перечисляя основные признаки правового регулирования, указывал, что оно: является видом социального и государственного регулирования; есть воздействие на общественные отношения; является воздействием, осуществляемым при помощи норм права (позитивного) и иных правовых средств; имеет своей целью упорядочение общественных отношений. Опираясь на эти признаки, он определил, что: «правовое регулирование – это осуществляемое при помощи норм позитивного права и других правовых средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения»².

¹ Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Изв. вузов «Правоведение». 2000. № 4. С. 35.

² Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права. Иркутск, 2010. С. 322.

Можно выделить основные виды (формы) правового регулирования: нормативное правовое регулирование (средствами являются нормы права), индивидуальное правовое регулирование (индивидуальные правовые средства). Правовое регулирование имеет целью определить модели гражданских правоотношений при помощи как норм права (нормативное), так и посредством правовых явлений иного порядка (индивидуальное). При этом нормативное и индивидуальное правовое регулирование не являются взаимоисключающими, поскольку их сосуществование обусловлено уровневой природой правового регулирования вообще: оформление казуса есть социальная реальность, которая требует выработки определённых социальных норм, переход на новый уровень регуляции казуса часто требует уже нормативной регламентации отношений. В этом и заключается диалектическая связь индивидуального и нормативного правового регулирования, и в этой связи, как подчеркивал И. А. Минникес: «суть правового регулирования заключается в переходе от казуса к норме»¹. При таком подходе правовые нормы следует рассматривать в качестве правовых регуляторов, поскольку они, «упорядочивая общественные отношения, воздействуя на субъектов, побуждая их к определённому образцу поведения, являются правовыми регуляторами»².

Таким образом, по своему характеру правовые регуляторы могут быть не только нормативными, но и индивидуальными. В гражданском праве типичной иллюстрацией такого индивидуального правового регулятора, обуславливающего динамику гражданского правоотношения, являются такие юридические факты, как гражданско-правовой договор (подп. 1 ст. 8 ГК РФ), судебное решение (подп. 3 ст. 8 ГК РФ), ненормативные акты органов государственной власти и местного самоуправления (подп. 2 ст. 8 ГК РФ).

Эти рассуждения справедливы для внутрироссийского гражданского права и традиционно присущих ему источников гражданско-правового регулирования.

¹ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: понятие и виды. Иркутск, 2009. С. 11.

² Нефедова Ю. Ю. Понятие и виды правовых регуляторов гражданских отношений и место среди них общепризнанных принципов и норм международного права // Вестник Пермского университета. 2013. № 4 (22). С. 220.

Специфика нашего исследования предполагает анализ регулирующего воздействия международного договора — ЕКПЧ — и основанных на его положениях правовых позиций ЕСПЧ. В связи с этим отметим, что в соответствии с п. 1 ст. 7 ГК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью российской правовой системы. Но как обоснованно отмечает А. С. Исполинов, «участие России в международных договорах не должно (а) приводить к нарушению прав человека и (б) не должно создавать угрозу основам конституционного строя. Правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе»¹.

Структура Гражданского кодекса РФ построена по пандектной системе, поэтому размещение статьи 7 ГК РФ в его общих положениях означает, что её правила распространяют свою силу как на отношения, отягощённые иностранным элементом, так и на внутригосударственные гражданско-правовые отношения. Надо также учесть, что процесс международной унификации частного права объективно охватывает все новые правовые институты, постепенно приводя к тому, что в международных договорах создаются правила, которые в дальнейшем, в рамках унификации, трансформируются в нормы внутрироссийского частного права, имея целью упорядочение отношений между субъектами уже на уровне отдельной национальной системы права. При этом текст ЕКПЧ с момента её принятия не изменялся.

Для целей исследования важно разграничить два понятия: «источник гражданского права» и «источник правового регулирования гражданских отношений». Кратко характеризуя каждое из них, отметим, что обычно под источником права понимается «внешняя форма объективизации правовой нормы. ... Норма права не существует и не может существовать вне источника права — оболочки бытия правовой нормы»², а непременным элементом наделения нормы признаком

¹ Исполинов А. С. Диалектика взаимодействия конституционного и международного правосудия на примере Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2018. Вып. 4. С. 328.

² Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 9.

общеобязательности является наличие государственного воздействия. Аналогичный подход у В. С. Нерсисянца, который под источником права в формальном смысле (т.е. под формой права) понимал «официально определённые формы внешнего выражения содержания права». Автор оперирует следующими категориями: «официально-властная (государственная) определённость форм», «официально определённые (институционализированные) формы закрепления и существования норм права»¹.

В теории источник права отличается рядом признаков: формализованная внешняя форма выражения вовне внутреннего содержания; закрепляемое через нормотворчество внутреннее содержание правила поведения; установление или санкционирование государством. Исходя из них, регулирование соответствующей группы общественных отношений определяется в качестве основной функции источника права, который, «есть внешняя форма объективизации правовой нормы, причем только объективизированная в определённой форме норма становится общеобязательной, правовой нормой, реализация которой обеспечивается соответствующими средствами государственного воздействия»². Таким образом, под источником права в юридическом смысле следует понимать способы или формы внешнего выражения и закрепления норм права, внешнюю форму позитивного права. При этом нормативно-правовые акты, как форма и источник права, среди прочих особенностей в конечном итоге всегда исходят от государства.

К источникам российского гражданского права относятся нормативно-правовые акты (ст. 3 ГК РФ) и обычаи (ст. 5 ГК РФ). Ряд авторов, опираясь на ст. 7 ГК РФ, добавляют к ним общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры³, с чем вряд ли можно согласиться, так как строго формально источниками внутригосударственного гражданского права могут быть лишь образованные по воле законодателя, формально выраженные национальные правовые нормы. Международные нормы применяются на территории России

¹ Нерсисянц В. С. Теория права и государства. М., 2013. С. 133.

² Зайцев О. В. Указ. соч. С. 247-248.

³ Российское гражданское право: Учебник / под ред. Е. А. Суханова. М., 2011. Т. 1. С. 84.

лишь в виду её участия в международных договорах. Именно поэтому, в силу участия России в ЕКПЧ и признания юрисдикции ЕСПЧ обязательной по вопросам её толкования и применения, правовые позиции ЕСПЧ были обязательными для применения при регулировании внутригосударственных отношений вплоть до выхода России из ЕКПЧ, и даже сохраняют это значение в отношении исполнения Россией постановлений ЕСПЧ, вступивших в силу включительно до 15 марта 2022 года.

В продолжение сказанного обоснованными представляются рассуждения В. А. Канашевского о том, что: «понятие «правовой регулятор» и понятие «источник права» являются разнопорядковыми категориями, имеющими различное функциональное назначение. Категория «источник права» призвана конструировать правило поведения в качестве правовой нормы и, следовательно, имеет жёсткую привязку к правовой системе конкретного государства либо к международной правовой системе. Категория «правовой регулятор» обозначает все объективное право, все действующее на территории государства правовые нормы...»¹. Исходя из такого подхода, при ближайшем рассмотрении, в рамках ст. 7 ГК РФ, положения ЕКПЧ являются именно правовым регулятором гражданско-правовых отношений. Однако в силу того, что после заключения в 1950 году она не изменялась, лишь дополняясь протоколами, ЕСПЧ вынужден, следуя объективным изменениям в обществе, осуществлять эволютивное толкование её норм в своих правовых позициях, создавая прецеденты ЕСПЧ. В этом смысле правовые позиции ЕСПЧ можно рассматривать как нормы ЕКПЧ в динамике. Этим обстоятельством и продиктована возможность также относить правовые позиции ЕСПЧ к правовым регуляторам гражданских отношений. Таким образом, рассматриваемая конструкция «правовая позиция», сформулированная ЕСПЧ в своём постановлении при толковании им положений Конвенции, является правовым регулятором гражданско-правовых отношений. В свою очередь, сами постановления ЕСПЧ выступают источником данного правового регулятора.

¹ Канашевский В. А. Международные договоры РФ и акты гражданского законодательства: соотношение и взаимодействие разносистемных источников: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 26.

Юридическая доктрина по-разному интерпретирует постановления ЕСПЧ: как прецедентную практику, прецедентное право, право ЕСПЧ, или даже как юриспруденцию¹. Такое разнообразие порождает необходимость остановиться, в основных чертах, на анализе и соотношении этих понятий.

В цивилистической процессуальной доктрине прецедентной практикой считается совокупность либо решений судов (прежде всего верховных) по тем или иным вопросам, либо принципиальных решений высших судебных инстанций по вопросам правоприменения². Её значение в том, что содержащиеся в таких решениях разъяснения по толкованию и применению правовых норм позволяют: проверить эффективность их действия, выявить в процессе судебного правоприменения пробелы законодательства, а также оценить актуальность совершенствования отдельных законоположений. Осуществляемые при этом анализ и обобщение практики выявляют основные закономерности и общие тенденции правоприменения, позволяют определить пути его совершенствования, и в конечном итоге обеспечить единство судебной практики. Принципиальное значение прецедентных судебных постановлений разъясняющего характера особенно усиливается в условиях неоднозначного понимания текущей правоприменительной практикой правовых норм, приводящего к принятию судами противоположных решений при схожих обстоятельствах. В таких случаях прецедентная практика призвана выступить образцом толкования и правоприменения, основанном на авторитете высших судов.

Прецедентная практика ЕСПЧ представляет собой «свод нормоустанавливающих решений ЕСПЧ, принимаемых в связи с конкретными жизненными обстоятельствами, выносимыми на его рассмотрение сторонами по конкретному делу, спору о нарушенном праве человека»³. Право ЕСПЧ, считает В. А. Туманов, представляет собой нечто среднее между прецедентным правом в его традиционном понимании и континентальной судебной практикой как определённой, устоявшейся,

¹ Обзор различных точек зрения о правовой природе решений ЕСПЧ см., например: Иодковский Э. В. Указ. соч. С. 26-31.

² Гражданский процесс: Учебник / под ред. М. К. Треушникова. 5-е изд. М., 2014. С. 53.

³ Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда РФ: Сб. док. / сост. Л. И. Брычева и др. М.: Юрид. лит., 2003. С. 8.

однообразной, последовательной позицией судов по тем или иным вопросам правоприменительной деятельности¹. Видимо, такое «усреднённое» понимание обусловлено разным словоупотреблением в текстах решений: в английском — термина «case law» («прецедентное право»), во французском — «jurisprudence» («судебная практика»). При этом, склоняясь больше к французскому варианту, зададимся закономерным вопросом: какие из решений ЕСПЧ следует считать прецедентными? По этому поводу Л. М. Энтин считает, что прецедентный характер приобретают лишь особо значимые судебные решения — формально обязательные лишь для спорящих сторон, они содержат норму, пригодную для многократного применения, что фактически делает их самостоятельным источником права². Однако вызывает сложности выработка оценочных критериев, позволяющих выделять среди прочих такие решения, которые представляют «особую значимость». В этом отношении интересен подход ЕСПЧ к определению приемлемости жалоб, которые по формальным основаниям можно было бы отклонить, но затрагиваемые в них принципиальные вопросы интерпретации Конвенции, или важные аспекты национального права не позволяли этого сделать. По признанию Председателя ЕСПЧ Д. Шпильманна, Суд в таких случаях выяснял: является ли нарушение предметом устоявшейся практики национальных судов, позволит ли рассмотрение жалобы прояснить важный вопрос национального права, сможет ли правовая позиция послужить ориентиром для национальных властей, подтолкнёт ли она их к принятию мер общего характера для разрешения структурной правовой проблемы³.

И. В. Воронцова, обсуждая возможность признания постановлений ЕСПЧ источниками гражданского процессуального права, допускает прямые ссылки на них российскими судами лишь при определённых условиях и лишь в случаях, когда не ставится вопрос о конституционности национальных норм, приведших к

¹ Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 105.

² Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / отв. ред. Л. М. Энтин. М., 2007. С. 113.

³ Шпильманн Д, Чернышова О. Мелочи сквозь увеличительное стекло? Причинение существенного вреда: обзор первых двух лет практики Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5. С. 132.

нарушению ЕКПЧ. Постановлению, вынесенному по вопросам гражданского процесса в отношении другой страны, вообще не придаётся значение такого источника. Но к ним, по мнению автора, относятся правовые позиции КС РФ, сформулированные в рамках конституционного механизма имплементации, предполагающего непосредственное применение норм ЕКПЧ Конституционным Судом РФ или применение им положений Конвенции в истолковании ЕСПЧ. Что касается правовой позиции, выраженной наднациональным судом, то она «должна учитываться при формировании и использовании международных стандартов правосудия»¹.

Можно заметить, что решения ЕСПЧ, относящиеся к первым двум десятилетиям его деятельности, как правило, более объёмны, чем в последующие годы, а их мотивировочная часть более детальна и аргументирована. Объясняется это стремлением ЕСПЧ именно в начале своей деятельности обеспечить единство понимания положений ЕКПЧ путём создания прецедентов, в которых были сформулированы принципы её единообразного применения, дано официальное толкование содержащихся в ней понятий и норм, выработаны подходы к формированию дальнейшей правоприменительной практики. Некоторых авторов это приводит к выводу о появлении нового источника права — международного судебного прецедента. Так, И. С. Метлова относит к ним решения ЕСПЧ, поскольку он, в процессе толкования и применения ЕКПЧ в рамках конкретного дела создаёт нормативные установки в виде своих правовых позиций, которые, в свою очередь, будучи составной частью этих решений, сами источниками права выступать не могут. Поскольку ЕКПЧ понимается автором в качестве первичного источника права, решения ЕСПЧ относятся к производным и в качестве ещё одной особенности имеют триединую природу, обусловленную: (1) нормативностью содержащихся в них правовых позиций, (2) наличием в них толкования ЕКПЧ, (3) их правоприменительным характером в отношении конкретного дела². Отметим, что автор, признавая решения ЕСПЧ прецедентами — источниками права, не считает их актами толкования или применения.

¹ Воронцова И. В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 14-15.

² Метлова И. С. Указ. соч. С. 10.

Между тем, автономное толкование положений Конвенции самим ЕСПЧ является эффективным средством достижения её целей, что обеспечивается: свободным и, как правило, расширительным толкованием прав и свобод, включая гарантии их обеспечения, а также уникальной возможностью ЕСПЧ корректировать свои прецеденты, не исключая даже их радикального изменения. Практически во всех государствах – участниках ЕКПЧ национальные суды применяют её нормы сквозь призму решений ЕСПЧ, повсеместно ссылаясь на них. Российские высшие судебные инстанции не стали в этом исключением. Обобщающий анализ постановлений ЕСПЧ позволяет выделить в них признаки актов толкования: они не создают новых, не отменяют и не изменяют действующих норм; содержат конкретизирующие разъяснения норм ЕКПЧ; исходят от авторитетного судебного органа; адресуются правоприменительным органам стран – участников ЕКПЧ; в силу своей официально-сти обязательны для этих стран в части интерпретации положений ЕКПЧ. Но при этом, в отличие от обычного акта толкования, постановления ЕСПЧ: содержат также разъяснения и общего характера; адресуются и сторонам дела (включая правоприменительные органы государства-ответчика); имеют самостоятельное значение и являются обязательными для применения государством – ответчиком по конкретному делу. Как акты толкования, они не являются формой и источником права.

Содержащиеся в окончательном постановлении ссылки на правила, выработанные и применявшиеся ЕСПЧ ранее, а также на правила, впервые конкретизирующие нормы ЕКПЧ, позволяют утверждать об их обязательности *erga omnes*¹, то есть для всех. Но обязательность эта неоднородна: правовая позиция, сформулированная в связи с рассмотрением конкретного нарушения ЕКПЧ, для государства-ответчика обязательна в аспекте и толкования (*res interpretata*), и применения (*res judicata*), для всех других государств-участников Конвенции — только в аспекте

¹ Arnardóttir O. M. *Res Interpretata, Erga Omnes Effect, and the Role of the Margin of Appreciation in Giving Domestic Effect to the Judgments of the ECtHR* // *The European Journal of International Law*, 2017, vol. 28, no. 3, pp. 819-843, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2934263> (дата обращения: 10.12.2023).

толкования (*res interpretata*)¹. При этом обязательность толкования, сочетаясь с «доктриной усмотрения», понимается лишь в самом широком смысле, означающем обязанность национальных властей «лишь принимать во внимание толкование Конвенции, данное ЕСПЧ в решениях против других стран»². Именно выраженное в постановлении ЕСПЧ толкование конвенционной нормы (которое обязаны учитывать все) помогает государству предпринять в рамках своего национального правопорядка необходимые шаги, направленные на точное соблюдение ЕКПЧ, приведение законодательства и практики его применения в соответствие с ней.

Постановления ЕСПЧ являются и правоприменительными актами, поскольку влекут для сторон дела определённые юридические последствия в виде признания либо непризнания нарушения государством норм ЕКПЧ, требующего устранения его последствий. Но в отличие, опять же, от обычного правоприменительного акта, решение ЕСПЧ имеет силу не только для строго определённой ситуации (конкретное государство обязано его исполнить), но и распространяется на аналогичные случаи в будущем (все государства обязаны соблюдать ЕКПЧ в её истолковании, отражённом в решении), то есть оно рассчитано на многократное применение, что необходимо для регулирующего воздействия. Так, в одном из дел³ заявитель пытался убедить Суд в том, что признание нарушения ЕКПЧ в его деле не создаёт прецедента для других дел. Возражая, Суд указал, что хотя его функция, согласно ст. 34 ЕКПЧ, и не сводится лишь к формулировке абстрактных умозаключений, а состоит в применении конвенционных положений к конкретным обстоятельствам конкретного дела, его постановления в большей или меньшей степени являются прецедентами, поскольку их невозможно составить так, чтобы исключить

¹ Об этом свойстве решений судов региональных интеграционных объединений писал К. Л. Чайка — см. его: Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. С. 194, 271.

² Исполинов А. С. Прецедент в международном праве (на примере Международного суда ООН, ЕСПЧ, ВТО и Суда ЕАЭС) // Законодательство. 2017. № 1. С. 82.

³ ECHR. *Pretty v. The United Kingdom*. Application no. 2346/02. Judgment of 29 April 2002 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-60448> (дата обращения: 02.12.2023).

применение сформулированных в них правовых позиций в последующих аналогичных делах. То есть, ЕСПЧ сам признаёт за своими решениями прецедентный характер.

Ещё один важный момент отмечает М. Энтин: хотя решения ЕСПЧ формально связывают лишь государств-ответчиков, в силу сформировавшегося в Европе международно-правового обычая и эволюции конституционных традиций стран континентальной Европы эти решения рассматриваются всеми государствами – участниками Конвенции и их судебными органами как имеющие прецедентное значение, как общий стандарт, следование которому является юридически обязательным¹. Это важно, поскольку решения ЕСПЧ дают эволютивное, расширительное толкование нормам ЕКПЧ, отражающее современное развитие общества, тенденции правового регулирования в странах – участницах ЕКПЧ. Следовательно, не отрицая правоприменительного эффекта решений ЕСПЧ, их все-таки нельзя отнести к правоприменительным актам в чистом виде.

Уяснение правовой природы постановлений ЕСПЧ осложнено тем, что ни ЕКПЧ, ни локальные акты ЕСПЧ её не определяют. Но общий анализ исследованного материала подводит к выводу о том, что фактически каждое решение ЕСПЧ содержит в себе толкование норм Конвенции, то есть даёт её нормативное толкование, кроме того, и несмотря на это, постановления ЕСПЧ являются правоприменительным актом и, вместе с этим, прецедентом толкования. Отсюда, природа правовых позиций ЕСПЧ представляется триединой, включающей в себя признаки акта толкования, правоприменительного акта и прецедента толкования. При этом ядром в таком понимании видится именно прецедентный характер решения ЕСПЧ.

Таким образом, рассматриваемую в работе конструкцию «правовая позиция», заключённую в постановлении ЕСПЧ, которая формируется при толковании им норм Конвенции, и следует признать правовым регулятором гражданско-правовых отношений, сочетающим в себе и нормативные, и индивидуальные признаки. Как правовой регулятор она отличается от источника права тем, что воздействует на

¹ Энтин М. Л. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза // Конституционное право. Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 3. С. 85.

внутригосударственные отношения не непосредственно, а опосредованно, как элемент «мягкого права», побуждая государство скорректировать национальный источник права или выбрать иные средства для устранения выявленного нарушения.

Вывод. Наднациональный (субсидиарный) характер деятельности ЕСПЧ, а также специфика его постановлений (сочетающих прецедентный, правоприменительный и толковательный характер) не позволяет полноценно использовать категорию «источник права» для характеристики юридической природы как самих постановлений ЕСПЧ, так и охватываемых ими правовых позиций. Вместе с тем, регулирующее действие правовых позиций ЕСПЧ имеет место, что обусловлено формированием их: во-первых, в рамках прецедентной практики Суда, во-вторых, в результате эволютивного толкования Судом норм Конвенции. Это позволяет относить их к правовым регуляторам внутригосударственных гражданско-правовых отношений для стран – участников ЕКПЧ. Формальными источниками правовых позиций, как правовых регуляторов, выступают постановления ЕСПЧ.

ГЛАВА 2. РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА ОСНОВЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ

2.1. Гражданско-правовой статус физического лица в правовых позициях ЕСПЧ

Установленный гражданским законодательством объём дееспособности гражданина не только характеризует возможные правоотношения с его участием, но и в целом демонстрирует содержание государственной политики в этой сфере. Для любой страны, провозгласившей себя правовым государством, это предполагает создание в обществе таких условий, которые превозносят человека, его права и свободы, как высшую ценность, которую государство обязано защищать.

Дееспособность определяется в п. 1 статьи 21 ГК РФ как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Эта законодательная формулировка основана, в том числе, и на многочисленных научных изысканиях ещё советского периода, когда некоторые учёные допускали отождествление или пересечение понятий правоспособности и дееспособности¹, другие же стремились их разграничить². Второй из этих подходов отражает современную трактовку, которая в содержание дееспособности включает сделкоспособность и деликтоспособность³. Отмечается также, что дееспособность предполагает наличие воли у лица, при этом не право наделяет субъекта данной волей, но право оценивает, принимает субъекта с той волей, которую он имеет⁴. Как видно, теоретические споры о понятии и содержании дееспособности имеют долгую историю и ещё не получили окончательного разрешения. В этой связи для целей настоящего исследования под

¹ Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 128, 135.

² Красавчиков О. А. Социальное содержание правоспособности советских граждан // Изв. вузов. «Правоведение». 1960. № 1. С. 12-25.

³ Белькова Е. Г. Гражданская дееспособность // Известия ИГЭА. 2007. № 1. С. 49.

⁴ Скоробогатова В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 18-19.

дееспособностью будем понимать одно из проявлений правосубъектности, без которой лицо не может быть полноценным субъектом правоотношения. Опираясь на законодательное определение (ст. 21 ГК РФ), в содержании дееспособности выделим как сделкоспособность, так и деликтоспособность.

Дифференцированный статус дееспособности лиц с психическими расстройствами. Поскольку важнейшими критериями, определяющими дееспособность лица, являются его воля и интеллект, в литературе особо рассматривается один из аспектов исследуемого вопроса – дееспособность лиц, страдающих психическими расстройствами¹. Показательным в этом отношении является Постановление ЕСПЧ от 2008 года по делу «Штукатуров против России», в котором подверглись анализу процессуальные и содержательные аспекты института недееспособности в Российской Федерации, а также последствия, которые влечёт для лица установление ему такого статуса².

По данному делу заявитель, страдавший психическим расстройством, неоднократно помещался на лечение в психиатрический стационар. В очередной такой раз его мать обратилась в суд с требованием о признании его недееспособным. Как человек с психическим расстройством он не был официально уведомлён о судебном разбирательстве, не был вызван на предварительное слушание. В отношении него была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, которая была поручена судом той же больнице, в которой он проходил лечение. По результатам экспертизы ему было диагностировано психическое расстройство, не позволявшее понимать значение своих действий и руководить ими.

Суд без участия заявителя, опираясь на выводы экспертов, признал его недееспособным. В результате по просьбе матери заявитель был помещён в психиатрический стационар, лишён контактов с внешним миром, встреч с юристом. Его жалобы

¹ Деменева А. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России // Международное правосудие. 2014. № 2. С. 21-43.

² ECHR. Shtukaturov v. Russia. Application no. 44009/05. Judgment of 27 March 2008 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-85611> (дата обращения: 02.12.2023).

о несогласии с госпитализацией возвращались без рассмотрения со ссылкой на его недееспособность, позволявшую ему действовать только через опекуна. Администрация больницы не организовала ему встречу с юристом даже по решению ЕСПЧ о применении обеспечительных мер в порядке правила 39 «Предварительные судебные меры» Регламента ЕСПЧ¹. Жалоба заявителя касалась правомерности признания его недееспособным с точки зрения, как процедуры (ст. 6 ЕКПЧ «Право на справедливое судебное разбирательство»), так и оснований для принятия такого решения — правомерности недобровольной госпитализации, несогласия с отсутствием процессуальной возможности отмены установленного статуса недееспособного, обжалования судебных решений.

Рассматривая жалобу в части обеспечения права на справедливое судебное разбирательство заявителя, не допущенного к участию в судебном заседании о признании его недееспособным, Европейский Суд по правам человека отметил двойную роль заявителя в судебном разбирательстве: заинтересованного лица и, одновременно, основного объекта исследования суда. При этом присутствие представителя психиатрической больницы и прокурора на судебном заседании не способствовало состязательности разбирательства. Отсюда, участие заявителя было необходимым как для обеспечения ему возможности представить свои доводы, так и для формирования объективного мнения суда о его психическом состоянии.

Из материалов следовало, что, несмотря на психическое расстройство, Штукатуров был относительно самостоятелен, в силу чего для судьи было важно иметь хотя бы короткий визуальный контакт с ним и получить его объяснения. Поскольку этого сделано не было, Суд признал нарушение ст. 8 ЕКПЧ о чрезмерном вмешательстве в частную жизнь заявителя в результате признания его полностью недееспособным. Акцент был сделан на том, что границы свободы усмотрения государства зависят от качества процедуры принятия решений. В законодательстве отсутствовал критерий, позволяющий установить степень снижения умственных

¹ Регламент Европейского суда по правам человека (Принят в г. Страсбурге 04.11.1998) (с изм. и доп. от 04.11.2019) // European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Rules_Court_RUS (дата обращения: 02.12.2023).

способностей, требующую полного лишения дееспособности, следовательно, гражданское законодательство не обеспечивало защиту душевнобольных от произвольного вмешательства в их право на уважение частной жизни. ЕСПЧ резюмировал, что в результате признания недееспособным заявитель стал полностью зависимым от своего опекуна почти во всех сферах жизни. Более того, опекун не давал согласия на обжалование, не допуская отмены недееспособности, которая, к тому же, была установлена на неопределённый срок. Было выявлено, что российское гражданское законодательство не содержит никаких возможностей установления промежуточных вариантов статуса, чтобы можно было выбирать между полной дееспособностью и полной недееспособностью, исходя из индивидуальных возможностей пациента и его психического состояния.

Действительно, российское гражданское законодательство не предусматривало «дифференцированных последствий» установления лицу статуса недееспособного. В результате права заявителя были ограничены в большей степени, чем это было необходимо для целей, указанных в ст. 8 ЕКПЧ. Заявитель возражал против своей госпитализации, инициированной опекуном, но не имел процессуальных возможностей воспрепятствовать ей, поскольку формально она была соблюдена в рамках ст. 28 Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании»¹, предусматривающей возможность госпитализации лица, признанного недееспособным, с согласия опекуна. Такая госпитализация считается добровольной, поэтому не требует постановления суда.

Дело Штукатурова послужило отправной точкой последующих изменений в российском законодательстве, регулирующем процедурные и содержательные аспекты института недееспособности совершеннолетних граждан. После решения ЕСПЧ Конституционный Суд РФ рассмотрел дело по жалобам Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной², в результате чего положение ч. 1 ст. 284 ГПК

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании: федер. закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

² По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 ГПК РФ и ч. 4 ст. 28 федерального закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и

РФ¹ было признано не соответствующим Конституции РФ. Ссылка на данное постановление КС РФ позволила на практике ещё до внесения изменений в законодательство восстанавливать срок на обжалование в ситуациях, когда решение о признании лица недееспособным принималось без его ведома и участия.

В связи с постановлением КС РФ возник также вопрос о соотношении гражданской и гражданской процессуальной дееспособности. Имея связанные предметы регулирования, они, вместе с тем, являются институтами разных отраслей права. КС РФ признал положение ч. 4 ст. 28 Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой данное положение предполагает помещение недееспособного лица в психиатрический стационар без судебного решения, принимаемого по результатам проверки обоснованности госпитализации в недобровольном порядке. Таким образом, независимо от того, стоит ли вопрос о госпитализации дееспособного или недееспособного лица, решение о недобровольной госпитализации принимается только судом. Поскольку в соответствии со статьями 22 и 46 Конституции РФ лишение свободы допускается только по решению суда, до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Во исполнение выше рассмотренных постановлений ЕСПЧ и КС РФ был принят Федеральный закон № 67-ФЗ от 6.04.2011². В результате изменений в ст. 116 ГПК РФ был предусмотрен порядок вручения повестки. Далее, для реализации принципа равенства сторон ст. 284 ГПК РФ в новой редакции стало содержать право гражданина, признанного недееспособным, обжаловать решение как лично, так и через выбранных им представителей. Таким образом, это право перестало зависеть полностью от волеизъявления опекуна, как и право недееспособного самостоятельно инициировать подачу заявления о признании его дееспособным. Изменения

М. А. Яшиной: постановление КС РФ от 27.02.2009 № 4-П // Собр. законодательства РФ. 2009. № 11. Ст. 1367.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 06.04.2011 № 67-ФЗ // Собр. законодательства РФ. № 15. Ст. 2040.

в закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» также коснулись введения судебного порядка помещения недееспособного лица в психиатрический стационар. Помимо этого, в законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ впервые появились специальные нормы (ст. 20) об особенностях реализации недееспособными гражданами права на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство.

Ссылаясь на выводы ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ в своём постановлении от 27.06.2012 № 15-П признал взаимосвязанные положения пп. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 ГК РФ не соответствующими Конституции РФ, так как при решении вопроса о признании гражданина недееспособным действующая система правового регулирования не предусматривает дифференциации последствий нарушения его психических функций, что не позволяет определить степень снижения способности понимать значения своих действий и руководить ими². Следствием этого стало введение дифференцированного статуса дееспособности для лиц с психическим расстройством — в ГК РФ появилась и с 2.03.2015 начала применяться новая категория совершеннолетних граждан, ограничиваемых в соответствии с гражданским законодательством в дееспособности вследствие психического расстройства³. Появилось дополнительное основание для ограничения судом совершеннолетнего гражданина в дееспособности (п. 2 ст. 30 ГК РФ) — в том случае, если он имеет психическое расстройство, вследствие которого может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. В отличие от случаев признания гражданина недееспособным вследствие психического расстройства, над таким гражданином устанавливается попечительство. Кроме того, ст. 30 ГК РФ дополнилась пунктом 3, который предусматривает основания для признания

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой: постановление КС РФ от 27.06.2012 № 15-П // Собр. законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4167.

³ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

гражданина, ограниченного в дееспособности в силу его психического расстройства, снова полностью дееспособным (если отпали соответствующие обстоятельства) или наоборот, недееспособным (если психическое состояние гражданина ухудшилось). Таким образом, именно в результате воздействия правовых позиций ЕСПЧ в российском законодательстве появилась новая правовая категория ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства гражданина.

Описанный механизм воздействия правовых позиций ЕСПЧ характеризуется тем, что они, отражаясь в его решениях, проникают в ткань системы законодательства России, в рассмотренном случае — в виде новелл Гражданского кодекса РФ о регулировании статуса ограниченно дееспособных физических лиц, связанных с этим изменений в процессуальном законодательстве, а также в ряде специальных законов. Кроме всего, для данного направления характерно и восприятие правовых позиций ЕСПЧ судебной практикой с дальнейшим их закреплением в национальном позитивном праве.

Таким образом, основанные на всей европейской практике правовые позиции ЕСПЧ устанавливают содержательные ориентиры правоприменителю и законодателю, моделируя пути качественного реформирования национального законодательства в рамках конвенционных стандартов. Демонстрируя критическую оценку внутреннего законодательства государств — членов Совета Европы, правовые позиции ЕСПЧ успешно служили поводом внесения в него изменений, не вступающих в конфликт со сложившейся системой национальных правовых институтов. Применительно к российскому гражданскому праву это проявилось в закреплении в ГК РФ нового критерия ограниченной дееспособности гражданина — психического расстройства, которое по своему характеру не может служить основанием для полной утраты гражданином дееспособности — для целей последующей дифференциации правовых последствий и градации ограничений субъективных гражданских прав в зависимости от психического состояния лица.

Институционализация фактических брачных отношений в России. В контексте вопроса о влиянии правовых позиций ЕСПЧ на гражданско-правовой статус физического лица представляется уместным затронуть и его семейный статус,

содержание которого во многом обусловлено формализацией наиболее устойчивых связей человека. Право, в силу своей функции главного социального регулятора, не должно препятствовать объективному развитию общества. Более того, по мере усложнения общественных связей оно призвано оперативно придавать им соответствующую времени адекватную правовую форму. Одним из направлений такого правового воздействия является институционализация фактических брачных отношений, издавна рассматриваемых в качестве альтернативы зарегистрированному браку. По этому поводу М. де Сальвиа отметил, комментируя ст. 8 ЕКПЧ, что «понятие «семейная жизнь» не ограничивается только отношениями, основывающимися на браке, и может распространяться на фактические семейные отношения»¹.

Количество пар, делающих свой выбор в пользу сожительства, неуклонно растёт, как в России, так и в других странах. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения 38 % респондентов высказались за то, чтобы фактические брачные отношения приравнять по правовым последствиям к браку зарегистрированному; 46 % опрошенных не возражают против сожительства². Таким образом, сложившиеся социальные реалии актуализируют вопрос законодательного закрепления за фактическими брачными отношениями определённых правовых последствий, в большей или меньшей степени аналогичных тем, что возникают в связи с официально зарегистрированным браком. Причины распространения в обществе таких взглядов на взаимоотношения мужчины и женщины могут быть разные: желание проверить себя и свои чувства в условиях совместной жизни; стремление обезопасить в будущем своё имущество от возможных посягательств сожителя; проецирование на будущие отношения негативного прошлого опыта, делающего сожительство более предпочтительным, ни к чему не обязывающим, способом отношений³. Однако именно нежелание создавать юридические

¹ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике её применения / под общ. ред. В. А. Туманова и Л. М. Энтина. М., 2002. С. 130.

² Брак и сожительство: ставим знак тождества? // ВЦИОМ Новости : сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923>. Дата публикации: 2.02.2018.

³ Чигрина Е. А. О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений // Известия ИГЭА. 2015. Т. 25. № 6. С. 1111.

последствия, обусловленные регистрацией брака, часто препятствует должной защите имущественных прав граждан, находившихся в фактических брачных отношениях.

Частной целью данного исследования является анализ возможного влияния правовых позиций ЕСПЧ на формирование практики регулирования отношений, которые в России принято называть «фактические брачные отношения» или «внебрачное сожительство», на перспективу их закрепления в семейном законодательстве, значит, появления нового института семейного права.

Начнём с того, что по действующему семейному законодательству, брак предполагает в качестве законного режима имущества супругов режим совместной собственности, если иное не установлено брачным договором (п. 1 ст. 33 СК РФ¹), поэтому в случае их спора о разделе имущества применяются правила ст. 38 СК РФ. Споры же о разделе имущества лиц, фактически находящихся в брачных отношениях, регулируются нормами ГК РФ о долевой собственности (ст. 252). Закономерным следствием проблемы такого разграничения являются споры разных лиц с пережившим сожителем в наследственных отношениях: согласно ст. 1142 ГК РФ², помимо детей и родителей наследодателя, к первой очереди наследников относится его законный супруг, сожитель же может претендовать на наследство только в качестве нетрудоспособного иждивенца или по завещанию. Неизбежны споры и в отношениях социального найма — из ст. 69 ЖК РФ³ следует, что лица, фактически состоящие в брачных отношениях, не будучи супругами, как правило, не признаются членами семьи нанимателя, следовательно, не имеют прав нанимателя.

С учётом вышесказанного, не углубляясь в морально-нравственную сторону вопроса, представляется необходимым выяснить, в каких случаях и в какой мере целесообразно с юридической точки зрения закрепление фактических брачных

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Гражданский кодекс Российской Федерации, часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

отношений в российском законодательстве, с учётом отечественного исторического опыта и современной зарубежной практики по данному вопросу.

В период с 1918 по 1926 год отечественное законодательство предусматривало лишь светскую форму брака¹, но с принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года² в семейном праве появились «фактические брачные отношения», которые признавались наряду с зарегистрированным браком по 1944 год³, когда сожительствующие пары получили возможность по взаимному согласию оформить брак в органах ЗАГС с включением в общую продолжительность этого брака периода их фактического совместного проживания до такой регистрации. Если фактический супруг погиб или считался пропавшим без вести на фронте во время Великой Отечественной Войны, то сожителю предоставлялось право на обращение в суд с целью установления факта совместной брачной жизни⁴. С 1944 года по настоящее время этот формальный критерий признания фактических брачных отношений является единственным, но сохраняет значение лишь для лиц, вступивших в фактические брачные отношения до 8 июля 1944 г. В советской доктрине высказывались мнения о возможном правовом урегулировании отношений сожительства, в виду их широкого распространения в обществе⁵.

По поводу зарубежного опыта уместно акцентировать внимание на международных обязательствах России, связанных с её членством в Совете Европы и признании юрисдикции ЕСПЧ, постановления которого, вынесенные в отношении России, имели как частное, так и общее правовое воздействие, требующее приведения

¹ Пункт 52 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: закон РСФСР от 16.09.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 76-77. Ст. 818.

² Кодекс о браке, семье и опеке: закон РСФСР от 19.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

³ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почётного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8.07.1944 // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

⁴ О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.11.1944 // Ведомости ВС СССР. 1944. № 60.

⁵ Иванов-Кулагин А. С. Правовой режим имущества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях // Изв. вузов. «Правоведение». 1977. № 2. С. 48. Подробный научный анализ данного вопроса проводился О. Ю. Косовой. См. её: «Фактические браки» и семейное право // Изв. вузов. «Правоведение». 1999. № 3. С. 105-120.

национального законодательства и основанной на нём правоприменительной практики в соответствии с правовыми позициями ЕСПЧ в вопросах толкования и применения ЕКПЧ. Для исключения её нарушений в будущем, а значит, гарантированности выполнения международного обязательства, отечественным судам предписывалось в рамках своей компетенции руководствоваться при вынесении решений правовыми позициями ЕСПЧ¹. Именно национальный суд первоначально включал правовую позицию ЕСПЧ во внутрироссийскую практику, после чего, если она оправдывала себя, становилось уместным её законодательное закрепление.

В прецедентной практике ЕСПЧ по данному вопросу выделяется принятое в 2004 году постановление «Прокопович против России»². В акте оценивалось рассмотрение российскими судами жилищного спора. Заявительница десять лет состояла в фактических брачных отношениях, проживая в квартире сожителя без регистрации, где они вели совместное хозяйство, приобретали имущество, куда доставлялась предназначавшаяся ей корреспонденция. После смерти сожителя заявительница была выселена из квартиры и лишена своего имущества. Районный суд по её иску счёл, что она право на спорную квартиру не приобрела, поскольку пребывала в ней временно; свидетельские показания соседей суд посчитал недостаточным доказательством для подтверждения ведения совместного хозяйства, в результате в иске было отказано. Последующие инстанции решение поддержали. ЕСПЧ признал в этом нарушение ст. 8 ЕКПЧ, выявив противоречие норм гражданского права России общепризнанному принципу уважения права на личную и семейную жизнь, и присудил выплатить компенсацию. Для целей данного исследования особо значима позиция ЕСПЧ о возникновении и наличии у заявительницы прочных связей с жилищем, из которого она была выселена — доказанный факт сожительства явился

¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ от 10.10.2003 № 5 // Рос. газета. 2003. 2 дек.; О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней: постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 21 // Рос. газета. 2013. 5 июля.

² ECHR. Prokopovich v. Russia. Application no. 58255/00. Judgment of 18 November 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-67538> (дата обращения: 02.12.2023).

достаточным основанием для признания у Прокопович значительных, длящихся связей с жилищем, а значит, возникновения у неё права на квартиру¹. Что важно подчеркнуть, не сам по себе факт длительного проживания в квартире послужил признанию права на неё, правовое значение Суд придал именно факту сожительства с собственником квартиры.

В другом деле «Финогенов и другие против России» ЕСПЧ посчитал возможным признать за заявителями, состоящих в фактических супружеских отношениях, статус жертвы для того, чтобы они могли обратиться с жалобой на гибель своих супругов-сожителей на основании ст. 2 ЕКПЧ на равных основаниях с заявителями, состоявшими в официальных браках с погибшими заложниками².

Правовая позиция ЕСПЧ, выраженная деле «Гаврикова против России»³, также косвенно подтвердила положение о том, что доказанное сожительство лиц является достаточным основанием для возникновения права на компенсацию морального вреда в связи со смертью сожителя. По мнению ЕСПЧ, как лица, состоящие в официальном браке, так и лица, которые проживают совместно, ведут хозяйство, воспитывают общих детей без регистрации брака, — имеют одинаковые права на получение компенсации морального вреда в случае смерти супруга или сожителя.

Одним из решений ЕСПЧ, рассмотревшим вопрос о нарушении Российской Федерацией права на жилище гражданина, явилось Постановление по делу «Евгений Захаров против России»⁴. В данном деле заявитель десять лет состоял в фактических брачных отношениях с Б., являвшейся нанимателем комнаты в коммунальной квартире по договору социального найма. После смерти сожительницы он был выселен из-за отсутствия регистрации. Позже он потребовал в суде признания за

¹ Ibid. Para 37.

² ECHR. *Finogenov and others v. Russia*. Applications nos. 18299/03 and 27311/03. Judgment of 20 December 2011 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-108231> (дата обращения: 02.12.2023).

³ ECHR. *Gavrikova v. Russia*. Application no. 42180/02. Judgment of 15 March 2007 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-79804> (дата обращения: 02.12.2023).

⁴ ECHR. *Yevgeniy Zakharov v. Russia*. Application no. 66610/10. Judgment of 14 March 2017 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-172073> (дата обращения: 02.12.2023).

собой права проживания в спорной комнате, которую занимал совместно с умершей сожительницей как член её семьи. Доводами истца были: ведение с Б. совместного хозяйства, ремонт комнаты за счёт своих средств, оплата погребения Б., отсутствие иного пригодного для проживания жилья. Районный суд удовлетворил иск, признав Захарова членом семьи нанимателя на основании статей 69 и 70 ЖК РФ. Областной суд по жалобе местных органов отменил решение, отказав Захарову в иске. В передаче надзорной жалобы в Судебную коллегия по гражданским делам ВС РФ ему было также отказано. Исчерпав все внутригосударственные средства правовой защиты, Захаров подал жалобу в ЕСПЧ, который установив нарушение ст. 8 ЕКПЧ, обязал Российскую Федерацию компенсировать Захарову моральный вред. ЕСПЧ обосновал позицию тем, что понятие «жилище» является автономной концепцией и не зависит от её понимания национальным законодательством. Факт совместного проживания Захарова с Б., в качестве её сожителя, а не временного жильца, позволяет говорить о признании его членом семьи Б. Регистрация в качестве проживающего сама по себе не свидетельствует о возникновении связи с конкретным жилищем. Из чего ЕСПЧ констатировал несоблюдение муниципальными органами баланса прав и непропорциональное вмешательство в право Захарова на жилище¹.

Аналогично в Постановлении ЕСПЧ по делу «Вальдгардт против России»² заявительница обжаловала нарушение права на уважение семейной жизни в связи с её выселением из квартиры умершего сожителя, с которым она прожила около двадцати лет. ЕСПЧ также признал жалобу приемлемой, установил нарушение ст. 8 ЕКПЧ со стороны России и постановил выплатить денежную компенсацию.

Анализ приведённых постановлений позволяет сделать вывод о том, что ЕСПЧ придаёт фактическому сожительству правовое значение, защищая вытекающие из него имущественные и личные неимущественные права. В то же время российский

¹ Ibid. Paras 36, 37.

² ECHR. Valdgardt v. Russia. Application no. 64031/16. Judgment of 6 February 2018 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-180559> (дата обращения: 02.12.2023).

законодатель его не признает, а российским судам приходится руководствоваться формальными критериями, что выводит фактические брачные отношения из сферы правовой защиты. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость защиты субъективных прав граждан, состоящих в таких отношениях, требуя их специального правового регулирования. Но для этого сами эти отношения, как реально существующие в обществе, должны быть признаны путём их законодательного закрепления, что позволит учесть и соблюсти интересы как общества в целом, так и его отдельных представителей.

В доктрине выделяется три модели, выражающих отношение к сожительству. Первая предполагает полное отрицание таких отношений, и, как следствие, оправдывает отсутствие законодательного оформления. Вторая противопоставляется первой и предлагает признать фактические брачные отношения в качестве самостоятельной разновидности семейных и применять к ним в ограниченном объёме правила, регулирующие брачные отношения. Третья предусматривает регулирование сожительства нормами гражданского права¹, в этом случае фактические брачные отношения наделяются статусом гражданских партнёрств.

Подобный подход можно увидеть, например, во Франции, где институт гражданского партнёрства был введён в 1999 году поначалу для однополых союзов, но позднее и среди разнополых пар. Партнёрство основывается на договоре о совместной жизни (гражданский договор солидарности (*Pacte civil de solidarité*)), которым признается договор, заключённый между двумя совершеннолетними лицами, разного или одного пола, с целью устройства совместной жизни. Титул XIII «О договоре о совместной жизни и сожительстве» ГК Франции достаточно подробно, в тринадцати статьях, регламентирует гражданское партнёрство². В Германии, как и в России, фактическое сожительство не узаконено, но, существует возможность заключения договора об имуществе между фактическими сожителями, который не

¹ Панин В. С. Фактические брачные отношения: проблемы теории, законодательства и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

² Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В. Н. Захватаев. М., 2012. С. 186.

создаёт юридических последствий для третьих лиц и государства, обладая внутренним эффектом только для его сторон. Фактические брачные отношения, согласно судебной практике Германии, наделяются статусом общества гражданского права (*Gesellschaft des bürgerlichen Rechts*)¹. Отметим, что брачное партнёрство в Германии поначалу могло быть установлено лишь в отношении однополых пар, но с 2017 года Германия легализовала однополые браки, тем самым приравняв разнополые и однополые союзы в правах и обязанностях².

И если идея однополых браков оправданно вызывает в России отрицательную реакцию (выразившуюся в однозначном закреплении брака на уровне Конституции РФ (ст. 72) как союза мужчины и женщины), то идея легального урегулирования имущественных отношений лиц, находящихся в фактических брачных отношениях, многими поддерживается³. Вместе с тем, при подготовке проекта Концепции совершенствования семейного законодательства вопрос легализации института внебрачного сожительства не рассматривался⁴. На доктринальном уровне предлагается на практике регулировать внебрачное сожительство посредством договора о фактическом сожительстве, признав для него родовым понятием договор о совместной деятельности (простого товарищества)⁵. Также предлагаются промежуточные формы квалификации и фиксирования незарегистрированного брака:

¹ Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М., 2005. С. 178.

² Гражданское уложение Германии: вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем. В. Бергманн. М., 2015. С. 505.

³ Альбикиов И. Р. Фактические брачно-семейные отношения мужчины и женщины: теория и практика правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8; Киминчижи Е. Н. Об имущественных отношениях сожительствующих лиц // Семейное и жилищное право. 2008. № 1. С. 7-10; Вартанян М. О. Фактические супружеские отношения в решениях Европейского Суда по правам человека и российской судебной практике // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 3-5.

⁴ Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7.07.2014 № 132-1/2014). Текст : электронный // СПС Консультант-Плюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129293&cacheid=09C3D1CEF7A117B9ED45C0F083EC6397&mode=splus&rnd=mVAY8A#BgVke4UmeYS8QEbx> (дата обращения: 02.12.2023).

⁵ Филиппова С. Ю. Гражданско-правовые средства достижения цели построения семьи путём фактических брачных отношений // Сем. и жил. право. 2010. № 3. С. 3-7.

квазибрачные отношения (например, фактические брачные отношения при наличии условий совместного проживания, ведения общего хозяйства, материальной и моральной поддержки и т.д.) и квазибрачные договоры (например, договоры об имуществе, договоры о материальной поддержке)¹.

Таким образом, вопрос об институционализации фактических брачных отношений в России назрел по нескольким причинам: во-первых, внебрачные отношения реально существуют в обществе и практикуются значительным количеством граждан; во-вторых, действующее законодательство не учитывает это обстоятельство, поэтому многие имущественные права таких граждан (в сфере наследственных, вещных, жилищных и иных отношений) не защищаются должным образом.

Проявлением актуальности данной проблемы стала предпринятая в 2018 году попытка закрепления в российском законодательстве института фактических брачных отношений — был разработан и внесён в Государственную Думу ФС РФ проект закона об изменениях в СК РФ, среди прочего, предусматривающих придание фактическим брачным отношениям статуса разновидности брака². Проект хоть и был отклонён, но, скорее, по техническим основаниям — из-за недостаточной проработанности вопроса. Действительно, изменения законодательства требуют качественного и всестороннего учёта доктрины, положений действующего законодательства и международных договоров. Поэтому российские суды, разрешая такого рода дела, за неимением иного применяют общепризнанные принципы международного права, закреплённые в международных договорах, участником которых является Россия. Иллюстрацией этому является апелляционное определение Верховного Суда Республики Бурятия³. В соответствии с материалами дела исковые

¹ Чефранова Е. А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С.10-11.

² О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации: проект федер. закона № 368962-7 (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.01.2018) // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения – 02.12.2023).

³ Апелляционное определение ВС Республики Бурятия от 12.12.2012 по делу № 33-2952. Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=37995&cacheid=54A092F24>

требования о выселении из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения были оставлены без удовлетворения. Позиция суда была обоснована тем, что проживание в жилом помещении более 14 лет при отсутствии другого жилья подтверждает наличие длящихся связей с конкретным местом жительства. В своём выводе суд опирался на Всеобщую декларацию прав человека (ст. 25)¹, Международный пакт о гражданских и политических правах (п. 1 ст. 12)², ЕКПЧ (ст. 8), а также на прецедентную практику ЕСПЧ.

Другим подтверждением актуальности рассматриваемого вопроса стало внесение 30 января 2024 года в Государственную Думу ФС РФ очередного законопроекта, предусматривающего возможность в судебном порядке установить факт состояния в брачных отношениях, если одно из лиц таких отношений погибло (признано безвестно отсутствующим или объявлено умершим) в связи с участием в специальной военной операции либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях её осуществления. Для признания указанного факта предлагается учитывать два условия: (1) совместное проживание мужчины и женщины не менее трёх лет или не менее одного года при наличии совместного ребенка и (2) ведение общего хозяйства. Установленный таким образом факт состояния в брачных отношениях будет являться браком, с внесением об этом сведений в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния. Предлагаемые в проекте новеллы имеют целью защиту интересов членов «фактической» семьи лиц, погибших во время специальной военной операции, поскольку в данном случае невозможно оформление брачного отношения на прошлый период, в связи с чем семьи лишаются «кормильца» при отсутствии в действующем законодательстве правовых средств и механизмов защиты их интересов³.

[8B38E2772EB0ED8F6D54007&mode=splus&rnd=mVAY8A#OSq2f4UIDxNaZLYi](https://www.gdpr.ru/8B38E2772EB0ED8F6D54007&mode=splus&rnd=mVAY8A#OSq2f4UIDxNaZLYi) (дата обращения: 02.12.2023).

¹ Всеобщая Декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос газета. 1998. 10 дек.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»: проект федер. закона № 539969-8 // Система обеспечения

Данный законопроект заслуживает одобрения, хотя он и небезупречен, поскольку отличается фрагментарностью предлагаемых новелл. Во-первых, он ограничивает круг наделяемых защитой субъектов только членами семьи погибших участников специальной военной операции и лиц, находившихся на территории её проведения, что оставляет вне правовой охраны членов семьи лиц, умерших в других местах страны, во-вторых, поскольку установленный судом факт состояния в брачных отношениях признаётся в проекте браком, предлагаемые условия установления этого факта (совместное проживание, ведение общего хозяйства), должны выявляться наряду с законодательными условиями действительности брака (добровольное согласие, достижение брачного возраста, отсутствие препятствующих браку обстоятельств), что не нашло отражения в проекте; в-третьих, реализуемая проектом легализация фактических брачных отношений обуславливается невозможностью регистрации брака с лицом, погибшим на территории проведения специальной военной операции, что оставляет вне правовой охраны иные случаи объективной невозможности регистрации брака (не только с погибшим, и не только в связи с СВО). Вместе с тем, основная идея законопроекта вполне созвучна рассмотренным правовым позициям ЕСПЧ.

Мужчина и женщина могут по разным причинам выбрать и практиковать сожительство, которому не предшествовала регистрация брака: кто-то осознанно, по разным мотивам предпочтя его зарегистрированным отношениям, а кто-то вынужденно из-за объективной невозможности их зарегистрировать. Конечно, любое игнорирование, как и незнание, юридических последствий такого выбора не освобождают человека от их наступления, но непредоставление сожителю (особенно пережившему) основанной на браке правовой защиты во втором из этих случаев выглядит явно несправедливо, что подчёркивается в правовых позициях ЕСПЧ, и что хотелось бы выделить. Также их анализ позволяет отметить ряд важных для последующих рассуждений моментов: (1) защита необходима, как правило, пережившему сожителю, то есть состоявшему ранее в фактических брачных отношениях с

умершим, что не исключает такую необходимость и для лица, состоящего в них в момент спора; (2) защита интересов сожителя охватывает и связанных с ним других членов такой «фактической» семьи; (3) в защите могут нуждаться субъективные права разной правовой природы и отраслевой принадлежности, имеющие как имущественный, так и неимущественный характер.

Видится два пути решения проблемы незащищённости фактических брачных отношений: (1) легализовать требующее защиты субъективное право за лицом, фактически состоявшим в брачных отношениях — в этом случае придётся отдельно затронуть каждую категорию таких прав; (2) легализовать отношения в целом, признав их браком или приравняв к нему — в этом случае статус супруга автоматически охватит все нуждающиеся в защите субъективные права и интересы. Оптимальным выглядит второй вариант, чем, видимо, объясняется его реализация в проекте федерального закона № 539969-8. Вместе с тем, поскольку такой подход к решению проблемы предполагает введение дополнительного основания возникновения брачных отношений, это не должно носить вседоступный характер, создавая благодатную почву для злоупотреблений. Поэтому возможность легализации фактических брачных отношений должна иметь ограниченный характер и видится оправданной только в исключительных случаях, отличающихся: с одной стороны, необходимостью защитить интересы лица, фактически состоявшего (или состоящего) в таких отношениях, а также связанных с ним членов «фактической» семьи, с другой — объективной невозможностью для него официально зарегистрировать брак, что может быть связано со смертью сожителя или другими обстоятельствами¹.

Легализация фактических брачных отношений требует придания сожительству мужчины и женщины юридической значимости, что предполагает его соответствие всем признакам отношений, основанных на зарегистрированном браке: стремление к созданию семьи и совместной жизни, рождение детей, их совместное воспитание

¹ Так, Н. А. Гуляева в качестве примера такого обстоятельства приводит «невозможность расторжения предыдущего брака по причине, не зависящей от супруга» — Гуляева Н. А. Семейно-правовое регулирование отношений между ребёнком и другими членами семьи, не являющимися его законными представителями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12, 19.

и образование и т.п. Следует согласиться с авторами законопроекта, в том, что это соответствие может быть подтверждено фактическим наличием определённых формальных условий, подтверждающих указанное стремление сожителей: совместное проживание не менее трёх лет (или не менее одного года при наличии совместного ребенка) и ведение общего хозяйства — именно этими критериями обосновывает защиту и ЕСПЧ (не считая сроки, которые он считает избыточным критерием). Однако помимо них установление судом факта нахождения в брачных отношениях должно включать также проверку соблюдения предусмотренных законодательством (статьи 12, 14, 15 СК РФ) условий действительности брака: добровольное согласие мужчины и женщины¹, достижение ими брачного возраста, отсутствие каких-либо препятствующих браку обстоятельств.

Целью предлагаемых нововведений является защита интересов не только самого лица, фактически состоявшего в брачных отношениях, но и членов его «фактической» семьи. Речь может идти о защите имущественных и личных неимущественных интересов, связанных с участием в различных правоотношениях, в частности:

- семейных (наделение статусом члена семьи и установление вытекающих из него семейных, жилищных прав и обязанностей (ст. 2 СК РФ, п. 2 ст. 69 ЖК РФ));
- вещных (установление режима общей совместной собственности в отношении нажитого имущества (ст. 256 ГК РФ, ст. 34 СК РФ) и права проживания в качестве члена семьи собственника (ст. 292 ГК РФ, ст. 31 ЖК РФ) или нанимателя жилого помещения (ст. 69 ЖК РФ));
- наследственных (возможность наследовать сожителю в первой очереди при наследовании по закону (ст. 1142 ГК РФ));
- обязательственных и иных имущественных (получение выплат деликтно-правового (ст. 1088 ГК РФ) и социально-правового характера (ст. 10 федерального закона «О страховых пенсиях»²) в связи со смертью кормильца);

¹ Отсутствие прямо выраженного согласия в данном случае может быть заменено установлением факта добровольности, то есть отсутствия в отношении них какого-либо принуждения.

² О страховых пенсиях: федер. закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6965.

- личных неимущественных (получение на хранение как память об умершем его государственных наград и документов к ним (пункты 47, 47(1), 50 Положения о государственных наградах Российской Федерации¹), право на компенсацию морального вреда в случае смерти сожителя (ст. 151 ГК РФ)).

Таким образом, в вопросе закрепления института фактических брачных отношений в российском законодательстве требуется изучение как иностранного опыта создания механизма правового регулирования подобных отношений, так и досконального изучения и учёта российской специфики. При этом зарубежные научные разработки нужно не просто осмыслить, но сделать это во взаимосвязи с нашими правовыми традициями, с тем чтобы появление нового института не стало чужеродным элементом в отечественной правовой материи.

Вывод: в настоящее время в России фактические брачные отношения находятся вне сферы адекватного правового регулирования. Подобная ситуация не учитывает существующих в динамично развивающемся обществе социальных тенденций и образует пробел в законодательстве, оставляя без должной защиты имущественные и личные неимущественные права граждан, состоящих в таких отношениях. Данный пробел, помимо предусмотренных в ст. 6 ГК РФ способов аналогии в правоприменении, может быть эффективно восполнен восприятием российским законодателем правовых позиций ЕСПЧ, отражающих общепризнанный принцип международного права — принцип уважения права на личную и семейную жизнь. На его основе фактические брачные отношения нуждаются в легализации, закрепляющей следующий механизм:

- признание фактических брачных отношений должно носить ограниченный характер, охватывая только исключительные случаи неоправданного оставления без справедливой правовой защиты лиц, состоящих или состоявших в таких отношениях, при условии объективной невозможности официального оформления брака;
- факт нахождения мужчины и женщины в брачных отношениях должен признаваться в судебном порядке путём установления подтверждающих его

¹ Положение о государственных наградах Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 // Собр. законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

обстоятельств: совместное проживание не менее трёх лет к моменту обращения в суд (при наличии совместного ребёнка — не менее года) и ведение общего хозяйства;

- устанавливая факт нахождения в брачных отношениях, суд должен определить момент их возникновения и проверить соблюдение требований закона к действительности брака.

2.2. Юридическое лицо как жертва нарушения прав человека в правовых позициях ЕСПЧ

Важно отметить, что субъектами обращения в ЕСПЧ могут быть не только физические, но и юридические лица. Этот вопрос был непосредственно рассмотрен в диссертации Е. Е. Юркиной¹, однако сделано это было с позиций международного права. Не умаляя значимости исследования учёного, справедливо отметившего затруднительность пользования всеми закреплёнными в Конвенции правами для юридических лиц в силу специфики их правосубъектности, остановимся на некоторых таких проблемных моментах с точки зрения цивилистической науки.

Согласно ст. 34 ЕКПЧ («Индивидуальные жалобы»), «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав...». Такая формулировка выделяет ряд отношений, специфика правового регулирования которых российским законодательством требует их тщательного учёта. К ним, в частности, можно отнести: особенности правосубъектности юридических лиц при обращении с жалобами в ЕСПЧ; определение и компенсация нематериального вреда, причинённого юридическим лицам; связанная с этим оценка их деловой репутации.

Правосубъектность юридического лица при обращении в ЕСПЧ. Полномочиями выступать от имени организации обладает её единоличный руководитель

¹ Юркина Е. Е. Рассмотрение жалоб юридических лиц в Европейском Суде по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

(директор, председатель и т. п.), наделённый ими учредительными документами (уставом). Его компетенция определяется национальным законодательством. При введении процедуры банкротства представительские и управленческие полномочия переходят к специально назначенному субъекту — арбитражному управляющему, при ликвидации — ликвидатору. Участники юридического лица, как правило, не уполномочены совершать от его имени какие-либо действия, равно как и представлять его где-либо, включая, национальные и международные суды. Так, согласно ст. 59 АПК РФ, «дела организаций ведут в арбитражном суде их органы, действующие в соответствии с федеральным законом, иным нормативным правовым актом или учредительными документами организации»¹.

ЕСПЧ также придерживался данного правила, впервые сформулировав его в 1995 году в деле «Агротексим и другие против Греции»². Заявителями в нем выступили акционеры компании, правление которой решило застроить с целью эксплуатации свою территорию, но власти города приняли меры по отчуждению земли. Заявители посчитали, что этими мерами была нарушена ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ «Защита собственности» (далее — ст. 1 Протокола № 1)³. По мнению представителя государства, акционеры могут рассматриваться в качестве жертв нарушения, поскольку оно вызвало падение курса акций компании, а значит и уменьшение стоимости совокупного участия акционеров. Однако ЕСПЧ не поддержал саму идею, позволяющую акционеру заявлять требования в связи с нарушением права собственности компании.

Для корпоративных отношений весьма характерны объективные и субъективные противоречия интересов отдельных акционеров и менеджмента компании. Эта же причина затрудняет и определение субъекта требования в споре. ЕСПЧ исходит из общепринятого подхода о представительстве от имени юридических лиц,

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

² ECHR. Agrotexim and Others v. Greece. Application no. 14807/89. Judgment of 24 October 1995 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=002-9454> (дата обращения: 02.12.2023).

³ К Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Протокол № 1 от 20.03.1952 // Собр. законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

принимая жалобы от их уполномоченных учредительными документами органов либо уполномоченных законом ликвидаторов (при ликвидации компании) или арбитражных управляющих (при ее банкротстве). Проявлением этого стало общее правило о непринятии к рассмотрению жалоб от акционеров (независимо от размера имеющегося у них пакета акций), из-за отсутствия у них статуса «жертвы нарушения»¹. Таким образом, не изменяя общепринятому подходу, ЕСПЧ не исключил для себя возможность его обойти, проигнорировав правосубъектность юридического лица, если это потребуется в силу исключительности обстоятельств, оставляющих жертву без должной защиты. Также следуя традиционному подходу, ЕСПЧ не рассматривает жалобы материнских компаний на нарушение прав в отношении компаний, им дочерних — в силу самостоятельной правосубъектности последних². Согласно традиционному подходу, наше законодательство, также не дает участнику юридического лица права обращения в суд от имени организации.

Традиционный подход очевидно обусловлен сущностью юридического лица, но его недостаток видится в том, что он не учитывает всего разнообразия вариантов взаимосвязи интересов компании и её участников. В то время как для ЕСПЧ, в силу его предназначения, главным является защита именно человеческого субстрата юридического лица, а не самой организации, суть которой — юридическая фикция.

Поэтому рассмотрение в ЕСПЧ подобных жалоб отличается тем, что в требующих того случаях он позволяет себе отступить от описанных общих правил, игнорируя тем самым правосубъектность юридического лица. Для этого ЕСПЧ опирается на концепцию общего права о «протыкании корпоративной вуали», однако используя её наоборот — не для привлечения к ответственности лиц, контролирующих компанию, а для признания за ними права защищать ее интересы, так как они являются и их интересами, которые ЕСПЧ в таких случаях фактически и защищает.

¹ Примером такого правоприменения может служить дело: ECHR. Pokis v. Latvia. Application no. 528/02. Judgment of 5 October 2006 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=002-3097> (дата обращения: 02.12.2023).

² К таким отношениям могут по аналогии применяться положения, сформулированные по делу: ECHR. Vatan (People's Democratic Party) v. Russia. Application no. 47978/99. Judgment of 7 October 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-23378> (дата обращения: 02.12.2023).

То есть, ЕСПЧ признает за участниками организации право защищать её интересы, когда национальное законодательство позволяет это лишь лицам, уполномоченным учредительными документами или законом. Примером этому служат дела, в которых ЕСПЧ поддержал право как единоличного¹, так и не только единоличного² участника обжаловать меры, принятые по отношению к компании. Во всех случаях это было обосновано тем, что нарушения прав компании напрямую влекут негативные финансовые последствия и для участника. ЕСПЧ исходил из исключительного характера таких ситуаций, позволившего признать жертвой не саму компанию, а её участника. Как отмечает Д. В. Афанасьев, в итоге ЕСПЧ признает прямой интерес в предмете жалобы у акционера-заявителя, доля бизнеса которого в компании решающим образом страдала от обжалуемых нарушений. Если бы он был лишён возможности обратиться в ЕСПЧ в интересах банка, его право, гарантированное в ст. 34 ЕКПЧ, превратилось бы в абстрактное и иллюзорное³.

Ещё одной важной особенностью рассматриваемых в ЕСПЧ корпоративных дел является признание приемлемости жалобы со стороны мажоритарных акционеров в случае конфликта интересов у них с арбитражными управляющими. В этом отношении прецедентным можно считать дело «Кредитный и индустриальный банк против Чешской Республики»⁴, в котором мажоритарный акционер обжаловал отказ в доступе компании в национальные суды и назначении в отношении неё временной администрации. Такое право на обжалование ЕСПЧ признал за акционером ввиду особых обстоятельств, позволяющих расширительно толковать фигуру юридического представителя юридического лица.

¹ ECHR. *Nosov v. Russia*. Application no. 30877/02. Judgment of 20 October 2005 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-71779> (дата обращения: 02.12.2023).

² ECHR. *Camberrow MM5 AD v. Bulgaria*. Application no. 50357/99. Judgment of 1 April 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-23856> (дата обращения: 02.12.2023).

³ Афанасьев Д. В. Защита права акционеров при банкротстве (Практика Европейского Суда по правам человека) // Корпоративный юрист. 2009. № 4. С. 54.

⁴ ECHR. *(The Credit and Industrial Bank v. the Czech Republic)*. Application no. 29010/95. Judgment of 21 October 2003 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61381> (дата обращения: 02.12.2023).

Примерами другого рода установленных ЕСПЧ исключений, также игнорирующих общие правила о правосубъектности юридического лица, стали: (1) принятие жалоб от компаний, уже ликвидированных; (2) прекращение рассмотрения жалоб, поданных до ликвидации компании. Подтверждением является дело «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России»¹. Российское право придерживается принципиально иного подхода — согласно п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ: «арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что организация, являющаяся стороной в деле, ликвидирована».

Е. Е. Юркина отмечает ещё одну особенность практики, сформированной ЕСПЧ в отношении права на свободу объединений — признание за ними возможности быть заявителем жалобы в ЕСПЧ даже если за таким объединением национальное законодательство не признаёт статуса юридического лица².

Изложенное позволяет констатировать применение в России иного подхода к регулированию вопросов защиты прав акционеров. Если в практике ЕСПЧ акционерам предоставляется, при наличии исключительных обстоятельств, право обжаловать решения о ликвидации компании, то российское законодательство не оставляет места для подобного рода прав и даже не выделяет для этих целей фигуру участника, полностью контролирующего компанию. Это не позволяет достичь того уровня защиты прав основных или единственных участников, который обеспечивается Конвенцией. Более того ЕСПЧ рассматривает поданные в интересах компании жалобы мажоритарных участников, если её уставный орган или ликвидатор (арбитражный управляющий) организации не в состоянии защищать её права. А отказ национальных судов в рассмотрении жалоб на действия арбитражных управляющих (ликвидаторов) ЕСПЧ закономерно квалифицирует как отказ в доступе к правосудию (п. 1 ст. 6 ЕКПЧ).

¹ ECHR. ОАО Neftyanaya Kompaniya YUKOS. Application no. 14902/04. Judgment of 20 September 2011 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-106308> (дата обращения: 02.12.2023).

² Юркина Е. Е. Указ. соч. С. 12.

Как видно, ЕСПЧ считает недопустимым отказ национальных судов в рассмотрении жалоб как на действия ликвидаторов и арбитражных управляющих, так и на само введение ими в компании процедур ликвидации или банкротства, поскольку иное ведёт к нарушению государством ст. 6 ЕКПЧ («Право на справедливое судебное разбирательство») и ст. 1 («Защита собственности») Протокола № 1. В этой части, как отмечают некоторые авторы¹, отечественное гражданское законодательство требует определённой корректировки.

Вывод. ЕСПЧ на основе концепции «снятия корпоративной вуали» может отступить от правила о представительстве от имени юридического лица и проигнорировать тем самым его правосубъектность. Он также считает возможным принимать к рассмотрению жалобы ликвидированных компаний и не прекращать рассмотрение жалобы, даже если юридическое лицо ликвидируется после подачи жалобы в его интересах. Во всех этих случаях усматривается стремление ЕСПЧ защитить конкретные человеческие интересы, «скрытые» за интересами организации. Подобные подходы в европейских правовых позициях к трактовке правоспособности юридического лица заслуживают пристального внимания со стороны нашего законодателя, поскольку способны повысить эффективность и расширить возможности защиты прав участников корпоративных отношений.

Защиты деловой репутации юридического лица путём компенсации нематериального вреда. В условиях рыночной экономики повышается значение правового оформления института деловой репутации. Она традиционно рассматривается в качестве неимущественного блага. Вместе с тем, экономический оборот демонстрирует, что для субъектов предпринимательской деятельности она также является важным активом, который успешно подвергается стоимостной оценке, что усиливает важность её эффективной правовой защиты. Подтверждением этому служит ряд недавних диссертаций, посвящённых гражданско-правовой защите права на деловую репутацию субъектов предпринимательства². Вместе с тем,

¹ Афанасьев Д. В. Указ. соч. С. 56.

² Никуличева Н. Ю. Право юридических лиц на деловую репутацию и его гражданско-правовая защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2004; Аюпов О. Ш. Защита деловой

основной задачей настоящего исследования является рассмотрение незакреплённого в российском гражданском законодательстве правового феномена «нематериальный вред, причинённый юридическому лицу», что в свете анализа отдельных правовых позиций ЕСПЧ позволит оценить возможность и целесообразность его фиксации как гражданско-правового института.

Самостоятельная научная ценность рассматриваемого вопроса не позволяет подробно остановиться на юридической характеристике деловой репутации, поэтому за основу возьмём определения, уже нашедшие своё место в законодательстве и доктрине. В качестве общеупотребимого термина «репутация» определяется, как «приобретаемая кем-чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-чего-нибудь»¹. «Деловую репутацию» статья 150 ГК РФ относит к нематериальным благам, защита которых в силу их специфики предполагает применение особых способов, предусмотренных в ст. 152 ГК РФ. Согласимся с одним из авторов, определившим деловую репутацию юридического лица, как «образ, формирующийся в сознании людей путём общественной оценки профессиональных и иных социально-значимых качеств»².

В статье 10 ЕКПЧ («Свобода выражения мнения») говорится о защите репутации и связанных с ней прав лиц, хотя само понятие не раскрывается. При этом ЕСПЧ сформировал такой подход к пониманию правосубъектности юридических лиц, который даёт возможность компенсации им нематериального вреда. Формулируя свои правовые позиции по этому вопросу, ЕСПЧ задействует термины «нематериальный вред» или «нематериальные убытки».

Е. В. Гаврилов — автор, пожалуй, наиболее глубоко в российской цивилистике исследовавший тему защиты деловой репутации юридических лиц посредством компенсации нематериального (репутационного) вреда — обнаружил, что в наиболее полном виде правовая позиция ЕСПЧ о нематериальном вреде юридических

репутации юридического лица от диффамации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013; Мордохов Г. Ю. Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017.

¹ Ожегов И. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 647.

² Аюпов О. Ш. Указ. соч. С 10.

лиц была сформулирована в 2000 году по делу «Компания Комингерсол С. А. против Португалии»¹, в котором суд исходил из того, что Конвенция не ограничивает право юридических лиц на компенсацию нематериального вреда за умаление их деловой репутации, а должна при этом толковаться и применяться так, чтобы обеспечить эффективную защиту прав всех участников экономического оборота².

В российской практике по данному вопросу в 2003 году отчётливо высказался КС РФ в деле Шлафмана, указав, что «отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причинённых умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего своё собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причинённого гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения»³. Таким образом, Конституционный Суд РФ прямо подтвердил возможность нематериального вреда применительно к юридическим лицам, логичным продолжением чего стало положение п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 о том, что: «... при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (ст. 152 ГК РФ), но и в силу ст. 1 закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию ЕСПЧ, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего ст. 10)...»⁴.

¹ Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц: монография. М., 2022. Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19026&cacheid=EEFCE6FBD9BCA261573D0A1FF2380679&mode=splus&rnd=N0RiBA#hWCod4UMTwrCFm331>. Дата публикации: 8.08.2021. Режим доступа: по подписке.

² ECHR. *Comingersoll S.A. v. Portugal*. Application no. 35382/97. Judgment of 6 April 2000 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58562> (дата обращения: 02.12.2023).

³ Определение КС РФ от 04.12.2003 № 508-О // Вестник КС РФ. 2004. № 3.

⁴ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 4.

Указанные правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ были восприняты судебной практикой, при этом нематериальный вред, причинённый деловой репутации юридического лица, стал именоваться репутационным. Иллюстративным стал спор между «Коммерсантъ» и «Альфа-Банк», в котором банк потребовал опровержения опубликованных порочащих его деловую репутацию сведений и возмещения репутационного вреда. Суды усмотрели причинение вреда деловой репутации, выразившегося в оттоке клиентов банка и уменьшении его депозитной базы. Решением суда, подтверждённым в апелляции и кассации, в пользу банка был взыскан репутационный вред¹. Таким образом, правовые позиции ЕСПЧ повлияли на формирование внутригосударственной системы, позволяющей компенсировать нематериальный вред, причинённый деловой репутации юридического лица, что в цивилизованном рыночном обороте представляется очевидным.

Однако в 2013 году ситуация резко изменилась — ст. 152 ГК РФ в части защиты деловой репутации юридических лиц сменила редакцию²: при сохранении возможности применять правила о защите деловой репутации граждан к её защите у юридических лиц было исключено применение к ним положений о компенсации гражданину морального вреда. Тем самым, для юридических лиц не только прекратилась возможность компенсации морального вреда (что логично вытекает из его природы), но и стала затруднительной отличная от возмещения убытков денежная компенсация за ущемлённую репутацию.

Новелла вызвала сомнения, в том числе, из-за её противоречия международным обязательствам России, способствовавшим успешному применению компенсации юридическим лицам репутационного вреда (при всей сложности его правовой квалификации) в практике арбитражных судов. С 2013 года, в силу

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.10.2004 по делу № А40-40374/04-89-467. Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=73224&cacheid=878218AEDF4FAF06C4A2531432A8E1E&mode=splus&rnd=mVAY8A#R1wye4UheKfOT1JQ> (дата обращения: 02.12.2023).

² О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

непоименованности в законе ни самого репутационного (неимущественного) вреда, ни возможности его компенсации при посягательстве на деловую репутацию юридического лица, применение такой компенсации может быть основано лишь на положениях ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, ст. 6 и п. 2 ст. 150 ГК РФ, с учётом существа нарушенного неимущественного права и характера последствий его нарушения. Поскольку нематериальный вред не сводится лишь к моральному (понимаемому как физические и нравственные страдания человека), возможность его компенсации юридическому лицу не означает компенсацию морального вреда. С учётом этого, правовая позиция КС РФ также подтверждает актуальность такой компенсации даже при новой редакции ст. 152 ГК РФ. Представляется, что указанный непоименованный способ защиты (компенсация юридическому лицу неимущественного вреда, причинённого посягательством на его деловую репутацию), возникший из прецедентной практики ЕСПЧ и поддержанный в правовой позиции КС РФ, обоснованно имеет основания к применению в судебной практике. Это побуждает определиться с его сущностью.

В доктрине есть несколько подходов к решению данного вопроса. Ряд учёных с сомнением относятся к введению в российское законодательство понятия «нематериальный вред», допуская его применение лишь к спорам в рамках ЕСПЧ¹. Сторонники иного подхода, опираясь на практику КС РФ и арбитражных судов, отождествляют неимущественный и репутационный вред, считая, что он, в отличие от морального вреда, причиняется не субъекту, а объекту права (деловой репутации), неимущественный характер которого оправдывает требование денежной компенсации². Ещё один подход предполагает, помимо относящегося только к физическим лицам морального вреда, введение в отношении юридических лиц «нового» понятия для неимущественного вреда, причинённого деловой репутации, который компенсируется альтернативно с убытками, но отличается от репутационного вреда,

¹ Скловский К. И. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 95.

² Защита деловой репутации в случаях её диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений) / под общ. ред. М. А. Рожковой. М., 2015. С. 149-151.

охватывающего убытки¹. Изложенное позволяет утверждать, что нематериальный вред, причинённый умалением деловой репутации юридического лица, отличен от вреда морального, но не сводится только лишь к вреду репутационному.

Для сравнения приведённых подходов с практикой ЕСПЧ обратимся к исследованию Е. В. Гаврилова, который, рассмотрев её в качестве источника правового регулирования компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам в России, выделил следующие правовые позиции ЕСПЧ: юридические лица способны испытывать нематериальный вред и вправе требовать его денежную компенсацию; факт выявленного нарушения может являться достаточной компенсацией; необходимо доказать факт и основание нематериального вреда, размер его денежной компенсации, а также причинную связь между фактом нарушения и умалением деловой репутации; учитывается критерий существенности нарушения, а также получение компенсации до обращения в ЕСПЧ; нематериальный вред юридического лица может иметь различные формы и может быть связан с эмоциональными страданиями его сотрудников, неудобствами, испытываемыми руководством; компенсация присуждается только по требованию организации-заявителя, которая вправе просить определить размер компенсации на усмотрение ЕСПЧ².

Поскольку «деловая репутация» свойственна профессиональной сфере, она характеризует, в первую очередь, субъектов предпринимательства. Её уровень предопределяет успешность любой их деятельности. В отличие от прочих видов репутаций (семейной, политической, социальной и др.) она считается нематериальным благом не только физических, но и юридических лиц. Но даже будучи нематериальным благом она имеет очевидную, весьма значительную, экономическую ценность, напрямую влияя на прибыльность деятельности компании. На этой основе в зарубежной практике давно сформировался подход, позволяющий учитывать права на деловую репутацию в составе имущества компании и допускающий передачу

¹ Скларова Я. В. Возмещение убытков как способ защиты деловой репутации // Убытки и практика их возмещения / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2006. С. 487.

² Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц.

(переход) прав на неё. В западных странах эта нематериальная часть имущества обозначается понятием «goodwill» (или «клиентела»), охватывая, в частности, бренд компании, сформированную её продукцией репутацию, сложившиеся деловые связи, лояльность клиентуры и т.п. — всё это отражается на специальном счёте в рамках финансовой отчётности. Российская бухгалтерская практика, как следует из п. 55 Положения по ведению бухгалтерского учёта и бухгалтерской отчётности¹, также позволяет зафиксировать деловую репутацию организации в качестве её нематериального актива, напрямую влияющего на доходность бизнеса.

В пункте 1 Постановления «О защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» Пленум Верховного Суда РФ справедливо разграничил неотчуждаемые право гражданина на защиту чести, достоинства и репутации (профессиональной, служебной, семейной, социальной) и право на деловую репутацию, представляющее собой общественное мнение о физическом или юридическом лице, основанное на оценке его профессионализма, деловых качеств и поведения в сфере предпринимательства: «...право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности»².

Как экономический актив предпринимателя его деловая репутация подвержена денежной оценке. Вред, вызванный распространением порочащих репутацию сведений (репутационный вред), безусловно, отрицательно влияет на результаты деятельности и является гражданским правонарушением, что порождает самостоятельную обязанность по компенсации такого вреда. Вместе с тем, умаление деловой репутации может также привести и к убыткам, подлежащим возмещению по общим правилам. Подтверждение этому являются сформированные КС РФ по делу Шлафмана правовые позиции, суть которых сводится к следующему: применимость конкретного способа защиты деловой репутации должна определяться

¹ Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учёта и бухгалтерской отчётности в Российской Федерации: Приказ Минфина РФ от 29.07.1998 № 34н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 23.

² Постановление Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3.

исходя из самой природы юридического лица; неурегулированность законом компенсации нематериального вреда не препятствует её применению для защиты деловой репутации юридического лица; умаление деловой репутации способно причинить юридическому лицу материальные и нематериальные убытки — оба вида подлежат компенсации; нематериальные убытки юридического лица есть нематериальный вред, отличный по содержанию от морального вреда, причинённого гражданину; содержание нематериального вреда вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения. Очевидно значительное сходство с правовыми позициями ЕСПЧ, на которые КС РФ неоднократно прямо сослался.

Поскольку деловая репутация является ценным экономическим активом, ЕСПЧ признаёт её разновидностью имущества, давно применяя для её защиты положения ст. 1 Протокола № 1, защищающей собственность¹. Профессор У. Р. Шабас объясняет это тем, что «право на мирное пользование имуществом» является единственным правом в Конвенции, официально распространяемым на корпоративные структуры². Соответствие такого подхода общей концепции российского гражданского права вытекает из ряда действующих норм. Так, п. 2 ст. 1027 ГК РФ о коммерческой концессии, предусматривает право использования пользователем в своей предпринимательской деятельности деловой репутации правообладателя; ст. 1042 ГК РФ позволяет стороне договора простого товарищества вносить в качестве вклада в общее дело, помимо прочего, свою деловую репутацию. К сожалению, такой подход к пониманию деловой репутации не нашёл пока отражения в положениях ГК РФ об объектах гражданских прав, обновлённых законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ. Между тем, учитывая отсутствие в ст. 128 ГК РФ определения понятия «имущество» и открытость перечня охватываемых им объектов гражданских прав, можно заключить, что это понятие включает всё, что объективно

¹ ECHR. *Van Marle and Others v. Netherlands*. Application nos. 8543/79, 8674/79, 8675/79, 8685/79. Judgment of 26 June 1986 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-57590> (дата обращения: 02.12.2023).

² Schabas W. A. *The European Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 969.

обладает экономической (денежно-стоимостной) ценностью для участников гражданского оборота и способно выступать его объектом, то есть допускает отчуждение и/или переход от одного лица к другому. Отсюда, опираясь на приведённые доводы, логичным представляется отнесение деловой репутации к имуществу, а не к нематериальным благам.

По подсчётам Е. В. Гаврилова, отражённым в его исследовании, к 2022 году ЕСПЧ вынесло «более 100 постановлений, по итогам которых юридическим лицам присуждена компенсация нематериального вреда («в чистом виде»)¹. Согласимся с учёным в том, что «следует не отрицать существование данной компенсации в российской правовой системе (по мотиву того, что она является «чуждой» для нашей страны; входит в компенсационный механизм самого ЕСПЧ; и т.п.), а воспринять это как пробел или коллизию в российском праве. Целесообразно исследовать указанную категорию на предмет самостоятельности, обоснованности и допустимости использования в отечественном праве, а в случаях необходимости найти ей российский аналог или адекватную замену»².

В контексте рассмотренного вопроса хотелось бы также акцентировать внимание на устаревшей трактовке сущности юридического лица, как юридической фикции, что не соответствует современным европейским тенденциям. Так, Т. Н. Нешатаева справедливо отмечает, что: «...увлечение нормативизмом (позитивизмом) тесно связано с переоценкой фикций – коллективных образований юридических лиц, государств, объединяющих людей. Между тем с историко-философской точки зрения последнее лишь этап в развитии правовых идеологий и теории права в целом»³. Согласно правовым позициям ЕСПЧ, юридическое лицо это, прежде всего коллективное объединение, и, прежде всего, объединение физических лиц (участников, представителей менеджмента и др.), которые, следует признать, также претерпевают разной степени страдания и неудобства, несут имущественные и

¹ Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц.

² Там же.

³ Нешатаева Т. Н. Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательную и правоприменительную практику. М., 2013. С. 51.

неимущественные потери при нарушении прав их компании. Именно поэтому ЕСПЧ в своей практике распространил на компании действие ЕКПЧ.

Подводя итог о трансформации взглядов на правосубъектность юридического лица, отметим основанный на практике ЕСПЧ факт признания нематериального (репутационного) вреда юридических лиц российской судебной практикой, что связано, однако, не с закреплением этого признания в позитивном праве, а с применением норм международного права, являющихся частью российской правовой системы. Правовые позиции КС РФ, выраженные по делу Шлафмана, сохраняют актуальность и при новом изложении ст. 152 ГК РФ, но думается, они должны получить прямое законодательное закрепление. Оптимальным было бы включение в статью 152 ГК РФ права юридического лица, помимо возмещения убытков, в том числе вызванных умалением его деловой репутации, требовать компенсации причинённого его деловой репутации неимущественного вреда.

Вывод. Рассмотрение российского гражданского законодательства сквозь призму европейских правовых позиций, отражающих не только саму принципиальную возможность, но также основание и условия, критерии оценки и стандарты доказывания, форму и характер компенсации нематериального вреда юридическому лицу, позволяет обнаружить одно из актуальных направлений совершенствования отечественного частного права — улучшение действующих механизмов гражданско-правовой защиты прав корпорации и её участников за счёт выработки правовой конструкции, которая позволяет компенсировать отличный от убытков и морального вреда нематериальный вред, причиняемый посягательством на деловую репутацию юридического лица.

2.3. Государство, как субъект деликтной ответственности, в правовых позициях ЕСПЧ

Прежде чем рассуждать о возмещении вреда, правомерно причинённого государством, очертим всю область регулирования российским законодательством ответственности государства за вред, причинённый частным лицам.

В настоящее время основой для компенсации ущерба, причинённого неправомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, является ст. 53 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействиями) органов государственной власти или должностных лиц». Это конституционная норма конкретизируется в гражданском законодательстве: согласно ст. 16 ГК РФ гражданину или юридическому лицу возмещаются убытки, причинённые в результате незаконных действий или бездействий органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц соответствующих органов. Принятие второй части ГК РФ¹ позже первой позволило законодателю разработать правила об ответственности государства в специальных нормах: ст. 1069, ст. 1070 ГК РФ размещены в главе 59 ГК РФ, что соответствует деликтной природе этих отношений. Статья 1069 ГК РФ содержит общую норму об ответственности за вред, причинённый в результате неправомерных действий или бездействия органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц. В свою очередь, ст. 1070 ГК РФ предусматривает специальные случаи, в том числе, безвиновной ответственности государства за вред, причинённый как физическому лицу (в результате незаконных: осуждения; привлечения к уголовной ответственности; применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде; привлечения к административной ответственности в виде административного ареста), так и юридическому лицу (в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности). Кроме прочего, ст. 1070 ГК РФ предусматривает принятие специального закона, устанавливающего порядок возмещения вреда в перечисленных пунктом 1 данной статьи случаях, который пока не принят, в связи с чем, согласно Определению КС РФ от 21.04.2005 № 242-О, для регулирования охватываемых данным пунктом отношений продолжает применяться советское

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

законодательство¹, хотя и во взаимодействии с положениями главы 18 УПК РФ и положениями статьи 1070 и § 4 главы 59 ГК РФ².

Таким образом, регулирование указанными нормами ответственности за вред, причинённый государственными органами и органами местного самоуправления, а также ответственности за вред, причинённый действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, являлось недостаточным, не отражающим всю палитру возможных случаев причинения частному лицу вреда, связанного с деятельностью государства — остался вне правового регулирования вопрос о возмещении имущественного вреда, причинённого правомерными действиями. Между тем такого рода требования часто возникают в различных ситуациях столкновения частных и публичных интересов (в связи с изъятием имущества для государственных нужд, правомерным односторонним отказом от договора, правомерными действиями по пресечению преступных действий т.п.).

Хотелось бы отдельно остановиться на получивших правовую оценку в практике ЕСПЧ случаях причинения вреда в результате действий государственных органов и их должностных лиц, направленных на пресечение преступных проявлений, в частности, в ходе борьбы с терроризмом.

Ярким примером такой ситуации, отражающим неадекватность действующего правового регулирования деликтной ответственности государства перед частными лицами, может послужить дело, в котором 29 февраля 2000 года сотрудниками милиции был расстрелян автомобиль супруга истицы, ошибочно принятого ими за лицо, совершившее нападение на автоколонну МВД РФ. В результате супруг истицы погиб. В удовлетворении требования о возмещении вреда в конечном итоге было отказано, поскольку повлекшие смерть действия сотрудников милиции в

¹ О возмещении ущерба, причинённого гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей: Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981, утв. Законом СССР от 24.06.1981 // Ведомости ВС СССР. 1981. № 21. Ст. 741.

² Определение КС РФ от 21.04.2005 № 242-О // Конституционный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33617.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

сложившейся обстановке суд признал правомерными — совершенными при выполнении задач в ходе контртеррористических операций на территории региона¹.

В данном деле, во-первых, вызывает сомнения данная судом квалификация, в которой ошибочность действий правоохранителей была оценена в контексте правомерности (объективного условия ответственности), а не вины (субъективного условия). Во-вторых, представляется, что правомерность в вопросе причинения вреда частному лицу должна пониматься узко, что предполагает, одновременно, не только соответствие причинивших вред действий закону (не нарушено объективное право), но и управомоченность на причинение вреда частному лицу законом либо самим потерпевшим² (не нарушено субъективное право лица). Исходя из чего, закон, конечно, позволяет, например, спецназовцу применять оружие для нейтрализации террориста (само такое действие правомерно), но никак не управомочивает его на «сопутствующие жертвы» (причинение вреда которым не может считаться правомерным), за которые государство должно ответить. Причём, как представляется: во-первых, именно государство, поскольку действия представителя власти должны рассматриваться, как действия наделившего его полномочиями самого государства; во-вторых, именно ответить (т.е. возместить по принципу эквивалентности — в полном объёме), а не «загладить ущерб» (т.е. компенсировать по принципу адекватности, не всегда позволяющему покрыть понесённый ущерб).

Данный пример демонстрирует стремление суда «выгородить» государство в ситуации, когда оно должно отвечать за ошибки своих уполномоченных властью лиц, поскольку не обеспечило такой уровень регулирования, который бы исключал подобные ошибки. Встречающиеся в практике подобные случаи неприемлемы для государства, провозгласившего себя правовым, поэтому в России был принят и в

¹ О взыскании морального вреда, причинённого потерей кормильца: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.09.2015 № 22-КГ15-4. Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=440267&cacheid=9D6A32734B5C3BF96E3B82C8C649FE5E&mode=splus&rnd=mVAY8A#gxUye4UaSbnFxoXI> (дата обращения: 02.12.2023).

² С учётом того, что просьба или согласие потерпевшего на причинение ему вреда сами по себе не должны противоречить закону, как, например, в случае эвтаназии.

2013 году вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3, 4 части первой ГК РФ», в рамках которого по рассматриваемому вопросу была введена новелла в части компенсации ущерба, причинённого правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия. В соответствии со ст. 16.1 ГК РФ такой ущерб, причинённый личности или имуществу физического лица либо имуществу юридического лица, стал подлежать компенсации «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом». Характеризуя правовую природу данной компенсации, согласимся с мнением, что речь здесь идёт о мерах защиты прав потерпевшего, а не об ответственности государства¹.

Положительно, в целом, оценивая нововведение, отметим следующее. Во-первых, заслуживает одобрения принятие такой общей нормы именно на уровне ГК РФ, поскольку это «возвышает» её над всем разноотраслевым законодательством, регулирующим действия представителей власти в любых сферах жизни. Во-вторых, логика нормы представляется правильной, поскольку причинение кому-либо ущерба, по общему правилу, является правонарушением, следовательно, иное (т.е. правомерность ущерба) возможно только в качестве исключения из общего правила и, как любое исключение, оно должно быть прямо предусмотрено законом. Однако, в-третьих, новелла не решает проблему полностью, так как она предусматривает лишь социальную защиту потерпевшего (которая уместна только для случаев прямо управомоченного законом причинения ущерба²), а не ответственность государства перед потерпевшим (которая справедлива и обоснована, если правомерное действие представителя власти причиняет вред, прямо не охватываемый целью этого действия³). Наконец, она лишь отсылает к законам, предусматривающим как сами возможные случаи компенсации, так и порядок её осуществления.

¹ Шевченко Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. 2017. № 3. С. 67-74.

² Например, при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 279 ГК РФ).

³ Например, когда полицейский, стреляя в террориста, ранит удерживаемого им заложника.

Довольно типичной, и не только для России, является ситуация, в которой представители государственных правоохранительных органов правомерно действуя в той или иной опасной ситуации, создают повышенный риск причинения ущерба лицам, прямо не причастным к созданию такой ситуации. Все такие случаи охватываются статьей 16.1 ГК РФ, однако обязательство по возмещению возможного при этом вреда предусмотрено только в ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму»¹, в случае его причинения при пресечении террористического акта. Контртеррористические действия, хотя и могут быть отнесены к деятельности всех правоохранительных государственных органов, не исчерпывают всех видов их действий, потенциально опасных для лиц, случайно оказавшихся в поле таких действий. Однако в настоящее время в других российских законах, регламентирующих деятельность таких органов, не предусмотрена охватываемая статьей 16.1 ГК РФ компенсация. Имеются лишь нормы об освобождении самого сотрудника, причинившего вред в результате правомерного применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники и т.п., от обязанности его возмещать (например: ч. 9 ст. 18 закона «О полиции»², ч. 14 ст. 18 закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»³, ст. 28 закона «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»⁴). С этими нормами, конечно, можно согласиться, поскольку, сотрудник государственных силовых структур, применяя оружие или спецсредства для пресечения преступления, должен думать лишь о том, как в рамках предоставленных ему полномочий выполнить боевую задачу. Но с чем согласиться нельзя, так это с тем, что государство, «прикрываясь» правомерностью действий своего сотрудника, освобождает от ответственности себя.

¹ О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства. 2011. № 7. Ст. 900.

³ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.

⁴ Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 04.08.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

Появление новеллы статьи 16.1 ГК РФ явилось следствием предварительного анализа и научной проработки предложений, отраженных в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Логика изменений сводилась к следующему. Статья 15 ГК РФ о возмещении убытков раскрывает один из универсальных (предусмотренных ст. 12 ГК РФ) способов защиты гражданских прав, представляющий собой форму ответственности за гражданское правонарушение; ст. 16 ГК РФ регулирует частный случай возмещения убытков, причинённых неправомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. Однако разработчики Концепции развития гражданского законодательства РФ указали на необходимость закрепления общих норм, устанавливающих механизм определения размера имущественных потерь в результате правомерных действий государства, что обусловлено усложнением общественных отношений. Согласимся — от того, как отлажен механизм возмещения причинённого государством имущественного и неимущественного вреда (в т.ч. причинённого правомерными действиями), можно судить о степени развитости гражданского общества, истинной ценности личности для такого государства.

В рамках настоящего диссертационного исследования рассматриваемый вопрос интересен, прежде всего, тем, что принятые в отношении России постановления Европейского Суда по правам человека также выявили структурную проблему в отечественном законодательстве, касающуюся отсутствия правового оформления механизма возмещения вреда, причинённого правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. Политико-правовые основания данной проблемы можно свести к следующему.

Положения Концепции развития гражданского законодательства РФ в исследуемом вопросе, получив законодательное оформление в ст. 16.1 ГК РФ, отразили не только насущную потребность подобного правового регулирования в обществе (в связи с усложнением гражданского оборота), но и стали транслятором правовых позиций ЕСПЧ. И говоря о международных обязательствах России в

рассматриваемом ключе, следует особо отметить такие постановления ЕСПЧ, как: «Финогенов и другие против России», «Тагаева и другие против России»¹.

Первое из этих дел в ЕСПЧ было инициировано двумя жалобами, поданными в апреле 2003 г. (П. А. Финогеновым и другими лицами) и в августе 2003 г. (З. П. Чернецовой и другими лицами). Обстоятельства дела сводились к следующему: 23 октября 2002 г. в Москве, в театре на Дубровке, террористы захватили заложников. В течение трех дней они удерживались в заминированного здании театра. Оперативным штабом, объединявшим представителей различных государственных органов, с целью спасения заложников была организована контртеррористическая операция, в рамках которой через вентиляционную систему в здание был подан газ, позволивший нейтрализовать террористов. Однако в ходе операции погибло 125 заложников (прямо на месте, во время перевозки или в больнице). По этому факту поначалу было возбуждено уголовное дело, но в дальнейшем планирование и проведение спасательной операции было решено не расследовать. Последовавшие за этим обращения родственников погибших о возбуждении уголовного дела, а также иски о компенсации морального вреда были отклонены.

Опираясь на статьи 2 и 3 ЕКПЧ, заявители в обоих делах жаловались на то, что их родственники пострадали или скончались из-за действий государственных спецслужб. Заявители, которые сами являлись заложниками, жаловались на то, что их жизнь была поставлена под угрозу или что их здоровью был причинён вред, а также на то, что расследование не было эффективным. Заявители в обоих жалобах требовали возмещения морального вреда, включающего: (1) моральные страдания тех, кто утратил своих близких родственников, (2) моральные и физические страдания тех, кто являлся заложником (включая длительную подверженность отравлению газом), (3) моральные страдания, связанные с неэффективностью официального расследования и неравенством во время гражданского судопроизводства, в

¹ ECHR. *Finogenov and others v. Russia*; ECHR. *Tagayeva and Others v. Russia*. Application no. 26562/07. Judgment of 13 April 2017 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-172660> (дата обращения: 02.12.2023).

котором они принимали участие. Также, некоторые заявители требовали дополнительной компенсации за потерю кормильца (или потенциального кормильца)¹.

Возражения Российской Федерации сводились к тому, что деятельность государственных органов в деле «имела правовые основания»², в то время как требования заявителей являются чрезмерными. Более того, заявителям не может быть присуждена компенсация за то, что они были захвачены в заложники, поскольку власти не несли ответственности за этот факт. К тому же, по утверждению властей России, многие заявители уже получили компенсацию по данному основанию на национальном уровне. Что касается потери потенциального кормильца, — что эти требования являлись предположительными, «тогда как ЕСПЧ может присуждать компенсацию только за фактические финансовые потери»³.

Сформулированная в результате рассмотрения дела позиция ЕСПЧ опиралась на следующие выводы: «ситуация выглядела очень тревожной, поскольку хорошо вооружённые, преданные своему делу сепаратисты захватили заложников и выдвинули нереальные для исполнения требования. Первые дни переговоров не принесли никаких видимых результатов, вдобавок гуманитарная ситуация (физическое и психологическое состояния заложников) ухудшалась и делала заложников ещё более уязвимыми. Суд согласился, что существовала реальная серьёзная и непосредственная угроза массовой гибели людей, и что власти имели все основания полагать, что вооружённое вторжение будет «меньшим злом». Таким образом, решение властей прекратить переговоры и штурмовать здание при данных обстоятельствах не противоречит ст. 2 ЕКПЧ»⁴. Применение газа при штурме здания ЕСПЧ также посчитал пропорциональным и не нарушающим ст. 2 ЕКПЧ. Однако при этом Суд выявил нарушение требований Конвенции в части неадекватного планирования и

¹ ECHR. *Finogenov and others v. Russia*. Para 286.

² О борьбе с терроризмом: федер. закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3808; Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS № 90 (Заклучена в Страсбурге 27.01.1977) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 202.; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Заклучена в Нью-Йорке 17.12.1979) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С.99-105.

³ ECHR. *Finogenov and others v. Russia*. Para 287.

⁴ *Ibid.* Para 226.

проведения спасательной операции, а также отсутствия эффективного расследования со стороны властей этой операции — государство не исполнило свои позитивные обязательства с точки зрения ст. 2 ЕКПЧ. В порядке применения ст. 41 ЕКПЧ суд присудил выплатить каждому заявителю компенсацию морального вреда.

Комментируя правовую позицию ЕСПЧ в постановлении «Финогенов и другие против России», следует учесть: в соответствии с законодательством, принятым после рассматриваемых событий и уже действовавшим на момент вынесения постановления ЕСПЧ, гражданин может обратиться в суд с требованием о компенсации морального вреда, причинённого в результате террористического акта, непосредственно к лицу, совершившему теракт (ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму»), поскольку законодательство (статьи 151, 1099-1101 ГК РФ) не предусматривало и не предусматривает в таких случаях компенсации морального вреда за счёт средств федерального или регионального бюджетов, о чем свидетельствует также немногочисленная судебная практика¹.

Таким образом, действующий в России подход не в полной мере соответствует правовой позиции ЕСПЧ. В рассмотренном постановлении, исходя из прежних правовых позиций, Суд указывает на обязанность государства производить выплаты компенсаций за вред, причинённый даже в условиях чрезвычайного положения или войны. Последнее требование не ставит обязательным условием наличие ошибок со стороны государства, поскольку его ответственность носит абсолютный характер, основанный на теории риска. То есть, государство обязано возместить вред лицам, претерпевшим его в результате действий неустановленных лиц или террористов, поскольку государство не выполнило своего обязательства по поддержанию общественного порядка и безопасности, обязанности по защите личной жизни

¹ Кассационное определение ВС Чеченской Республики от 14.06.2011 по делу № 33-474/11. Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=3162&cacheid=792E02F01E05B90055470AD181422F4E&mode=splus&rnd=mVAY8A#GC62f4UEBjugc91n> (дата обращения: 02.12.2023) — дело по иску о компенсации морального вреда, причинённого при проведении контртеррористических операций, было направлено на новое рассмотрение, поскольку суд, удовлетворяя иск, не учёл, помимо прочего, что компенсация морального вреда за счёт средств бюджетов РФ или её субъекта в данном случае не предусмотрена.

и имущества граждан¹. Такая компенсация за вред производится на основе доктрины социального риска, которая не зависит от установления вины государства.

В дополнение к сказанному отметим, что в Европе рассматриваемые отношения с 1983 года охватываются положениями Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений². И хотя Россия в ней не участвует, заслуживают внимания некоторые её положения, в частности, в её преамбуле указано: «из понятий справедливости и общественной солидарности, необходимо рассмотреть положение жертв умышленных насильственных преступлений, подвергнувшихся покушению на их физическое состояние или здоровье, или лиц, которые находились на попечении погибших в результате преступления полагая, что необходимо разработать и внедрить систему возмещения государством ущерба пострадавшим на той территории, где были совершены эти преступления, особенно в тех случаях, когда преступник не известен или не имеет средств». Из ст. 2 этого акта следует, что при невозможности возмещения убытков из других источников, государство должно взять это на себя для двух категорий: для лиц, которым был нанесён серьёзный урон физическому состоянию в результате умышленных насильственных преступлений и здоровью; для иждивенцев погибших.

В 2002 году Совет Европы принял «Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом»³. Главная их цель — способствовать борьбе государства с терроризмом, используя весь имеющийся у него арсенал (в т. ч. правовых средств). Стоит отметить характерный для демократического государства акцент на правовых гарантиях, а также на возможность сочетания императивов защиты общества и охраны прав и основных свобод. Указанные в акте принципы

¹ ECHR. Ayder and others v. Turkey. Application no. 23656/94. Judgment of 8 January 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61560> (дата обращения – 6.01.2023).

² Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений ETS № 116 (Заклучена в Страсбурге 24.11.1983). Россия не участвует. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С.81-85.

³ Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом (Утверждены 11.07.2002 на 804-м заседании Комитета Министров Совета Европы) // Совет Европы и Россия. 2003. № 1. С. 32-35.

направлены именно на оказание государствам помощи в нахождении такого баланса и могут служить практическим руководством для проведения политики, принятия законодательства и осуществления антитеррористических мероприятий, которые отвечали бы одновременно требованиям эффективности и уважения к правам человека.

В соответствии с данным актом, несмотря на выход России из СЕ, представляется необходимым воспринять следующие основополагающие правила возмещения вреда: во-первых, исходя из императивной обязанности государства защищать своё население от возможных актов терроризма, необходимо, чтобы государство, руководствуясь соображениями справедливости и социальной солидарности, заботилось о предоставлении жертвам террористических актов возможности получения возмещения ущерба (п. «g» Руководящих принципов); во-вторых, необходимо, чтобы государство, подтверждая свои обязательства по борьбе с терроризмом, соблюдало международные акты в области прав человека (п. «j»).

Особо отметим, что согласно международному праву, исходя из понимания и ценности прав человека в демократическом обществе, со стороны государства должен подлежать возмещению вред, не только причинённый правомерными действиями органов власти в сфере борьбы с терроризмом, но даже (что представляется избыточным) причинённый противоправными действиями лиц, совершивших террористический акт. В обоих случаях обязанность государства осуществлять подобные компенсации, обосновывается его неспособностью поддержать общественный порядок, защитить права частных лиц и их собственность. Между тем, также в обоих случаях у государства должно сохраняться право регресса к лицам, незаконная деятельность которых потребовала принятия антитеррористических мер.

Правомерные действия государственных органов по предотвращению терактов очевидно могут причинять и моральный вред наравне с самим терактом. Но в ст. 18 закона «О противодействии терроризму» закреплено осуществление государством лишь дифференцированных компенсационных выплат. Их размер зависит только от степени тяжести вреда здоровью, причинённого в результате неправомерных действий террористов или правомерных действий по пресечению

террористического акта. Членам семей лиц, погибших от теракта, положена единовременная выплата 1 млн. рублей на каждого погибшего в равных долях каждому члену семьи, гражданам, получившим тяжкий или средней тяжести вред здоровью — 400 тыс. рублей, лёгкий вред — 200 тыс. рублей на человека¹. Персонифицированный расчёт суммы компенсаций в зависимости от причинённого террористическим актом вреда в России не производится. Представляется, что при компенсации ущерба, причинённого во время проведения контртеррористической операции, речь должна идти не только о социальной защите в чрезвычайной ситуации, но и о возмещении ущерба, причинённого государством. При этом компенсационную выплату нельзя считать исполнением со стороны государства обязательства по возмещению вреда, причинённого правомерными действиями государственных органов. Тем не менее, согласимся, что возмещение следует производить в части, не покрытой выплаченной компенсацией, которая подлежит зачёту в сумму возмещения государством вреда во избежание неосновательного обогащения потерпевшего².

Согласимся с высказанным в литературе со ссылкой на ЕСПЧ мнением, что «любое государство обладает дискреционными полномочиями, что не означает неограниченную свободу действий»³. Приведённые рассуждения могут быть подкреплены ещё и тем, что сущность государства «раскрывает его природу и назначение, его содержание и функционирование»⁴, она есть нечто неизменное и устойчивое, находящее свое выражение в социальном назначении государства вне зависимости от трактовки и интерпретации подходов к его сущности (так, классовый подход

¹ См.: п. 5 Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинён ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причинённого при пресечении террористического акта правомерными действиями: утв. Постановлением Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 1 (ч. II). Ст. 106.

² Гинц Е. М. Возмещение вреда, причинённого правомерными действиями государственных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10.

³ Романовский Г. Б., Романовская О. В. Права человека и борьба с терроризмом: зарубежный опыт. М., 2021. С. 39.

⁴ Пьянов Н. А. Указ. соч. С. 53.

характерен для марксистской теории государства; надклассовый включает в себя несколько теорий в понимании сущности государства, например теорию элит, теорию «плюралистической демократии» и т.д.). И все же при любом подходе, рассматривая сущность государства, как организованного общества (широкое понимание) или как политической организации (узкое понимание), очевидно, что она у любого государства тесно связана с его социальным назначением и его функциями. Развивая эту мысль и транслируя её на сегодняшний день, отметим, что многие риски человеческого существования распределены обществом благодаря таким явлениям, как: совместное проживание на едином пространстве, создание государственного аппарата и социальных институтов, уплата различных видов сборов и налогов и т.п. Это создало основы для социального и имущественного поддержания отдельных индивидов, нуждающихся в компенсации имущественного и неимущественного вреда, возникшего в результате катастроф, стихийных бедствий, терактов и т.п. Поэтому государство на протяжении истории своего поступательного развития старалось всячески ограничить собственную ответственность, «прячась за спины» непосредственных причинителей вреда или, при их отсутствии, минимизируя выплаты потерпевшим.

В настоящее время закреплённое в Конституции РФ социальное назначение государства, состоящее в перераспределении материальных благ в обществе на основе принципа социальной справедливости, для успешной его реализации требует выработки новых правил, соответствующих не только изменяющимся общественным отношениям, но и принципам общей теории права, международного права. Поэтому представляется, что рассмотренная проблема может быть решена в два этапа. На первом из них предлагается корректировка общей нормы ст. 16.1 ГК РФ путём внесения в неё изменения: заменить словосочетание «подлежит компенсации», на «подлежит полному возмещению». При этом, с целью перенесения конечных негативных имущественных последствий на лицо, в связи с незаконными действиями которого произведено возмещение, п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ предлагается дополнить, изменив слова «предусмотренным статьями 1069 и 1070 настоящего Кодекса» на «предусмотренным статьями 16.1, 1069 и 1070 настоящего Кодекса». На втором

этапе потребуются введение в каждый закон, регламентирующий основания правомерного применения сотрудниками государственных силовых структур физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и т.п., специальной нормы об обязанности государства полностью возместить вред, причинённый такими правомерными действиями. Поскольку речь идёт о возмещении вреда, причинённого правомерными действиями, вина непосредственного причинителя вреда при этом учитываться не должна.

Вывод. Правовое регулирование компенсации вреда, причинённого правомерными действиями органов власти и их должностных лиц, в его существующем виде не может быть признано справедливым и достаточным. Для усовершенствования его механизма представляется правильным руководствоваться принципом абсолютной ответственности государства, являющимся общепризнанным принципом международного права и имеющим приоритет применения в случае конфликта национальных и международных норм (в силу ст. 7 ГК РФ). Данный принцип позволит государству, в рамках его социального назначения, наилучшим образом защитить права человека, исходя из примата прав человека, гарантированных Конституцией РФ.

Ответственность государства на основе этого принципа в вопросе последствий такого вреда должна быть на законодательном уровне расширена за счёт полного возмещения потерпевшему имущественного вреда во всех случаях его причинения правомерными действиями органов власти и их должностных лиц при пресечении любой незаконной деятельности (не только террористического акта), с возможностью регресса к лицу, незаконная деятельность которого подлежала пресечению.

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ НА ЗАЩИТУ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

3.1. Защита прав на имущество в правовых позициях ЕСПЧ

Объём права собственности в толковании ЕСПЧ. Институт права собственности — один из факторов, предопределяющих развитие экономических отношений в обществе. В долгосрочной перспективе именно он, в конечном итоге, способствует увеличению в обществе общего уровня жизни. Вместе с тем, полемический и отчасти противоречивый характер данного института объясняется тем, что право собственности, как никакое другое субъективное право, несмотря на его абсолютный характер, подвергается многочисленным ограничениям с целью обеспечения общественных интересов. Задача любого государства в этой связи сводится к обеспечению баланса этих интересов с защищаемыми законом интересами частными.

Поскольку гарантии реализации права собственности предусмотрены не только в национальных правовых порядках, но и на международном уровне, это стало причиной значительного числа решений ЕСПЧ, затрагивавших вопросы защиты собственности. В рамках судебного механизма Совета Европы они уже были предметом научных исследований¹. Между тем, сохраняется интерес к сформированным в правовых позициях подходам, определяющим содержание субъективного права собственности и соотношение понятий «собственность» и «имущество».

Защита собственности в ЕСПЧ реализована в статье 1 Протокола № 1, появившегося только через два года после принятия основного текста, что А. И. Ковлер объясняет расхождением понимания в странах рыночной экономики того времени «как об объёме понятия права собственности, так и о способах регулирования этого права»². Норма закрепляет три основных положения: общая гарантия права

¹ Старженецкий В. В. Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004; Максуров А. А. Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека. М., 2012; Сагдеева Л. В. Право на защиту собственности в актах Европейского Суда по правам человека. М., 2014.

² Ковлер А. И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации. С. 263.

собственности; защита от лишения права собственности; гарантия права государств принимать меры по контролю над использованием собственности, необходимые для достижения общих интересов. Важно понимать, что эти положения работают в динамичном взаимодействии. А. Ю. Зезекало справедливо усматривает в них отражение имманентно присущего всей Конвенции поиска «справедливого баланса между требованиями общих интересов общества и требованиями защиты основных прав человека»¹.

Характерно, что заявители в жалобах часто ссылаются на нарушение одновременно права собственности и права на справедливое судебное разбирательство, установленного в ст. 6 ЕКПЧ², которая, предусматривая критерии приемлемости жалобы, является одной из ключевых в Конвенции. В её пункте 1 установлено, что «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Такая формулировка, по мнению судьи ЕСПЧ Л. Лукайдеса, порождает один из наиболее противоречивых вопросов прецедентного права ЕСПЧ: «каково значение понятия «гражданские права и обязанности», в отношении которых применимы требования о справедливом судебном разбирательстве»³. Критически анализируя разные доктринальные подходы, а также неопределённость подходов самого ЕСПЧ, он в своём особом мнении по одному из дел отмечает, что понятие «гражданские» должно толковаться как не имеющие уголовно-правового характера («non-criminal») ⁴. Такой широкий подход основывается на практике ЕСПЧ, которая, оправдывая свой прецедентный характер, общее понятие прямо не определяет, поскольку Суд предпочёл

¹ Зезекало А. Ю. «Олимпийская» виндикация через призму Европейской конвенции о защите прав человека. Комментарий к Постановлению ЕСПЧ по делу «Белова против России» (Belova v. Russia, no. 33955/08, 15 September 2020) // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 3. С. 12.

² Это справедливо подчёркивается в литературе: см., например, Юркина Е. Е. Указ. соч. С. 14.

³ Лукайдес Л. Справедливое судебное разбирательство. Комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2004. №2. С. 8.

⁴ ECHR. Maaouia v. France. Application no. 39652/98. Judgment of 5 October 2000 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-58847> (дата обращения: 02.12.2023).

квалифицировать его отдельно в каждом деле на основании его конкретных обстоятельств. Вместе с тем, его практика содержит, с одной стороны, много примеров, свидетельствующих об отнесении к этой категории прав и обязанностей не только гражданских в строгом смысле (из договора, гражданско-правового деликта), но и иных, имеющих частноправовой характер (из семейных, трудовых отношений), и даже некоторых из публично-правовой сферы (выдача и аннулирование государством лицензий и разрешений), с другой стороны, примеров прав и обязанностей выпадающих из сферы действия ст. 6 ЕКПЧ (по поводу налогообложения, иммиграции, гражданства и др.). Причём, толкование Судом понятия «гражданские» со временем развилось, как правило, в сторону расширения (например, для прав в сфере социальной защиты), распространяясь на случаи, где результат слушаний мог в конечном итоге оказаться решающим для гражданских прав и обязанностей¹.

Такая взаимосвязь и синхронность реализации прав на защиту собственности и на справедливое судебное разбирательство объясняются тем, что для защиты сперва используют все возможные способы на национальном уровне, после чего, исчерпав их, обращаются в ЕСПЧ с жалобой на нарушение права собственности, не обеспеченное защитой в национальном суде из-за дефекта судебной процедуры. Поэтому рассмотрим нарушения обозначенных норм вместе с анализом права на эффективное средство правовой защиты, закреплённое в ст. 13 ЕКПЧ.

Взаимосвязь статей 6 и 13 ЕКПЧ и ст. 1 Протокола № 1 подтверждает разъяснение ВАС РФ, который, анализируя европейскую практику по данным нормам, отмечает критический по отношению к национальным судам подход ЕСПЧ при защите имущественных прав и прав на эффективное правосудие, а также выделяет ключевые позиции ЕСПЧ по защите этих прав: частный (гражданско-правовой) характер имущественных прав; соблюдение баланса публичного и частного интереса при разрешении имущественного спора; необходимость обеспечения доступа к

¹ О постепенном расширении в практике ЕСПЧ понятия «гражданские права и обязанности» см.: Филатова М. А. Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской правовой системы // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012. С. 37-40.

суду; разрешение имущественного спора независимым и беспристрастным судом на основе принципа справедливого судебного разбирательства; обеспечение возможности быть заслушанным судом, разумности сроков и открытости разбирательства имущественного спора, публичности объявления судебного решения¹.

Для начала определим объём субъективного права, охраняемого в ст. 1 Протокола № 1. Существует два официальных текста ЕКПЧ (французский и английский), а также два несовпадающих варианта русского перевода статьи 1 Протокола № 1. В первоначальном из них, опубликованном в 1998 г., речь шла о праве каждого «беспрепятственно пользоваться своим имуществом», что близко по содержанию к английскому тексту. Опубликованная тремя годами позже редакция Конвенции содержала словосочетание о праве «на уважение своей собственности», что ближе к французскому². Из-за этого в отношении объекта прав произошло смешение понятий «собственность» и «имущество». Как отмечает М. А. Рожкова: «Такой перевод искажает значение право-положений, сформулированных ЕСПЧ, и не позволяет уяснить их истинный смысл и оценить значение». Смешение значений двух рассматриваемых понятий приводит её к выводу о наличии прогрессивного (расширительного) подхода ЕСПЧ к толкованию понятия «имущество»³. В. В. Старженецкий поясняет это тем, что понятие «собственность» имеет автономное значение и не соответствует содержанию этого понятия в гражданском праве России⁴.

Использование принципа автономного толкования правовых понятий (в т.ч. «собственность») позволяет ЕСПЧ выработать общую правоприменительную практику для гармонизации национальных правовых механизмов. Юрисконсульт ЕСПЧ, профессор М. де Сальвиа также пишет, «понятие «собственность» имеет автономное значение, которое не сводится к праву собственности на физические

¹ Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие: Информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 2.

² Савельева Е. Г. Защита права собственности в рамках международных региональных организаций (на примере Совета Европы и Организации американских государств) // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 88.

³ Рожкова М. А. К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ЕСПЧ // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 63.

⁴ Старженецкий В. В. Указ соч. С. 46.

вещи и которое не зависит от формальных классификаций по внутреннему праву: некоторые другие права и выгоды, образующие имущество, например, права требования могут быть также рассмотрены как «права собственности» и, значит, как «собственность» для ст. 1 Протокола № 1...»¹. Таким образом, для корректности выводов относительно практики применения указанной статьи термин «собственность» в её содержании следует понимать как «имущество», учитывая всё разнообразие субъективных прав, которые могут иметь место в отношении него.

Восприятие смысла понятия «имущество» в европейских правовых позициях необходимо, поскольку в разных юрисдикциях в него включаются разные элементы. Как отметил ЕСПЧ в одном из дел, понятие «имущество» в ст. 1 Протокола № 1 имеет автономное значение, не ограниченное правом собственности на физические товары, и не существенно, следует ли рассматривать сохранение титула как право собственности или вещное обеспечительное право². По мнению В. Д. Зорькина, этим понятием в его конституционно-правовом смысле, опирающемся на эту норму, и его толкованием в решениях ЕСПЧ, «охватывается также любое имущество, связанное с реализацией права частной и иных форм собственности, в том числе имущественные права, включая полученные от собственника права владения, пользования и распоряжения имуществом, если эти имущественные права принадлежат лицу на законных основаниях; права требования»³. Аналогично А. И. Ковлер, называя собственность «многоликим понятием», подтверждает включение в него Судом движимого и недвижимого имущество, материальных и нематериальных прав (акции компаний и интеллектуальная собственность), прав требования из договоров, судебных решений и иных оснований, прав пенсионного и иного социального характера, законных ожиданий, упущенной выгоды,

¹ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 969.

² ECHR. *Gasus Dosier- und Fördertechnik GmbH v. the Netherlands*. Application no. 15375/89. Judgment of 23 February 1995. Para 53 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-57918> (дата обращения: 02.12.2023).

³ Зорькин В. Д. Конституционный Суд и развитие гражданского права // Российский судья. 2012. № 3. С. 8-9.

приватизируемого жилья¹. Соответствующий подход встречается и в прецедентной практике ЕСПЧ — в деле «Компания «Пэффген ГмбХ» против Германии»², в котором обжаловались судебные приказы, запрещающие использование доменных имен, нарушающих права требования третьих лиц — правовая позиция ЕСПЧ основывалась на том, что исключительное право на использование доменов также представляет собой «имущество» в силу присущей ему экономической ценности.

Анализ приведённых позиций ЕСПЧ позволяет утверждать, что в его практике под правом собственности понимается «любое законное право», а под собственностью — «любой объект, имеющий экономическую ценность». То есть, понятия «собственность» в европейском праве основано «на ценностной, а не на вещной концепции права собственности»³, как это принято в российском гражданском праве⁴. Вероятно, восприятие европейской практикой ценностной концепции обусловлено популяризацией экономического анализа права. Экономический взгляд на основные институты частного права распространился благодаря изданной в 1960 году работе Р. Коуза⁵. Развёрнутую аргументацию возможности применения экономического анализа ко всем областям права, в свою очередь, привёл Р. Познер⁶. Позднее учёные, проводившие экономический анализ правовых норм и институтов (собственности, договоров, обязательств из причинения вреда и др.) аргументировали его целесообразность для определения их назначения и роли, что сказалось и на понимании сущности «собственности» и «права собственности» в позициях ЕСПЧ (большинство его судей имеют представление о правовых институтах, базирующееся на знаниях экономической теории из курса «Право и экономика»)⁷.

¹ Ковлер А. И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации. С. 263.

² ECHR. Paeffgen GmbH (I–IV) v. Germany. Applications nos. 25379/04, 21688/05, 21722/05, 21770/05. Judgment of 18 September 2007 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191471> (дата обращения: 10.12.2023).

³ Нешатаева Т. Н. Защита собственности в Европейском Суде по правам человека и арбитражных судах РФ // Арбитражная практика. 2006. № 3. С. 89.

⁴ Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 79.

⁵ Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993.

⁶ Познер Р. Экономический анализ права. Т. 1. СПб., 2004. С. 30.

⁷ Маккай И. Право и экономика для континентальной правовой традиции. М., 2019. С. 261; Кутер Р., Улен Т. Право и экономика. М., 2018. С. 99; Уинтер Г. Вопросы права и экономики. М., 2019. С. 17.

Экономический анализ имущественно-правовых отношений не чужд и российской правовой науке, где, например, М. И. Клеандров справедливо обосновывает тенденцию расширительного понимания категорий «собственность» и «имущество» неумолимой поступью научно-технического прогресса¹. Поскольку частная собственность является одним из основных элементов рыночной экономики, очевидно, что «функционирование рынка и его реакция на развитие права играют решающую роль в свете политико-правового анализа, выработки и толкования нормативно-правовых актов»².

Основные признаки ценностной концепции в европейской традиции сводятся к следующему: институт собственности и её защита распространяются на экономические интересы, в том числе любое имущество, охватывающее материальные и нематериальные блага; для разных объектов собственности устанавливаются разные правовые режимы, а не присущая вещной концепции триада правомочий; возможность существования абсолютного права в отношении объекта из относительного правоотношения, что исключается вещно-правовой концепцией.

Таким образом, понятие «имущество» в контексте ЕКПЧ имеет автономное значение, не совпадающее с тем, какое придаётся ему той или иной национальной правовой системой. В ст. 1 Протокола № 1 это понятие трактуется широко, позволяя выделить несколько составляющих его групп. Первая группа включает материальные объекты — движимое и недвижимое имущество, то есть собственность в «классическом» понимании. Примером служит дело, в котором ЕСПЧ квалифицировал транспортное средство заявителя как «собственность» по смыслу ст. 1 Протокола № 1 и что власти, отказавшись выполнить формальности по регистрации, нарушили его право на уважение имущества³. Вторую — образуют нематериальные активы, имеющие экономическую ценность (интеллектуальная собственность,

¹ Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. М., 2022. С. 199-200.

² Маттеи У., Суханов Е. А. Указ.соч. С. 78.

³ ECHR. Arutyunov v. Russia. Application no. 5552/06. Judgment of 18 December 2018 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-188371> (дата обращения: 02.12.2023).

деловая репутация, доля рынка, акции, патенты, право на пенсию и т. д.)¹. Соответственно, в одном из дел ЕСПЧ отметил, что право на гудвил (деловую репутацию и деловые связи) охватывается правом, защищаемым в ст. 1 Протокола № 1: «это во многом имело характер частного права и представляло собой актив и, следовательно, «имущество» по смыслу первого предложения статьи 1»². Аналогично в другом деле ЕСПЧ указал, что: «акции, принадлежащие заявителю, несомненно, имели экономическую ценность и представляли собой «имущество» по смыслу статьи 1 Протокола № 1»³. Третью — составляют права, законные интересы, требования экономического и имущественного характера. Эта группа, вплотную примыкая ко второй, может рассматриваться как её разновидность. К специфическим компонентам собственности эта группа позволяет отнести законное ожидание наступления определённых обстоятельств, что также может быть признано имуществом⁴.

Понятие «законное ожидание» предполагает получение определённой имущественной выгоды или актива в будущем (например, неполученные доходы, выручка от продажи билетов⁵). ЕСПЧ уточнил, что «требование» может представлять собой «имущество» по смыслу ст. 1 Протокола № 1, если оно достаточно установлено и может быть принудительно исполнено⁶. В качестве примера «законного ожидания», признаваемого имуществом по смыслу ст. 1 Протокола № 1, ЕСПЧ

¹ Карсс-Фриск М., Жеребцов А. Н. Меркулов В. В., Эртель А. Г. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 1, Протокол № 1. Право на собственность. М., 2002. С. 9.

² ECHR. *Van Marle and Others v. Netherlands*. Paras 39-41.

³ ECHR. *Sovtransavto Holding v. Ukraine*. Application no. 48553/99. Judgment of 25 July 2002. Para 91 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-60634> (дата обращения: 02.12.2023).

⁴ ECHR. *Pine Valley Developments Ltd. and others v. Ireland*. Application no. 12742/87. Judgment of 29 November 1991 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57711> (дата обращения: 02.12.2023).

⁵ ECHR. *Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*. Application no. 13427/87. Judgment of 9 December 1994 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57913> (дата обращения: 02.12.2023).

⁶ ECHR. *Petrushko v. Russia*. Application no. 36494/02. Judgment of 24 February 2005. Para 27 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-68407> (дата обращения: 02.12.2023).

рассматривает выплаты или имущественные права, присужденные или признанные решением государственного или третейского суда¹.

От «законного ожидания» (*legitimate expectation*) ЕСПЧ отграничивает категорию «надежда на признание имущественного права» (*hope of recognition of a property right*), которая не является «имуществом» по смыслу ст. 1 Протокола № 1. Так, в одном из дел ЕСПЧ счёл, что заявитель имел лишь надежду на получение имущества (гипотетическую возможность на имущественное право), неопределённость которой не позволяла говорить о наличии у него «законного ожидания»². То есть, «законное ожидание» — это требование (право), способное к принудительному исполнению, в силу его подкреплённости конкретной правовой нормой или судебным актом. В отличие от него «надежда на признание имущественного права» является лишь правовой возможностью, не настолько обоснованной и определённой, чтобы быть исполнимой принудительно.

Из сказанного очевидно, что ЕСПЧ, определяя имущество, не привязывается к его пониманию в какой-либо правовой системе, а признаёт им любые активы, имеющие экономическую (товарную) ценность. В отечественной литературе также отмечается, что не все объекты гражданских прав, перечисленные в ст. 128 ГК РФ «являются объектами права собственности в цивилистическом его понимании, однако представляется, что конституционные нормы, затрагивающие право собственности, являются достаточно широкими, чтобы охватить весь спектр прав, которые пользуются защитой статьи 1 Протокола № 1»³.

Итак, согласно подходу ЕСПЧ, критериями квалификации имущества являются: (1) его экономическая ценность, выражаемая в денежной оценке, а также (2) реальность его существования и (3) принадлежность лицу, заявляющему о нарушении

¹ ECHR. *Burdov v. Russia* (№ 2). Application no. 33509/04. Judgment of 15 January 2009 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-90671> (дата обращения: 02.12.2023).

² ECHR. *Zhigalev v. Russia*. Application no. 54891/00. Judgment of 6 July 2006 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-76251> (дата обращения: 02.12.2023).

³ Комаров С. А. и др. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации. СПб.; Рязань, 2014. С. 232.

права. При этом действие ст. 1 Протокола № 1 не распространяется на имущество, которое будет приобретено в будущем, или на право его приобретать: «...будущие доходы являются имуществом только в случае, когда они уже были получены, или в их отношении существует право требования, которое может быть заявлено в судебном порядке. Часть ущерба, который основан на уменьшении стоимости предприятий, и который, фактически заключается в ущербе от потери будущих доходов, не входит в сферу действия ст. 1 Протокола № 1»¹. Для попадания в сферу защиты ЕКПЧ, не обязательно, чтобы имущество, субъективные права на которое нарушены, признавалось таковым национальным законодательством. По мнению некоторых авторов, «результатом такого автономного толкования может стать постепенный переход от понятия права собственности к широкой концепции имущественных прав, включающих всю совокупность интересов экономического блага»².

Рассмотренный подход, основанный на принципе автономного толкования, иллюстрирует унифицированное международно-правовое регулирование отношений собственности, закрепившееся в практике ЕСПЧ. Учёт такого регулирования национальными правовыми системами необходим, но восприятие его маловероятно. Поэтому значение автономных правовых понятий, сформулированных ЕСПЧ, в том, что они позволяют ему справляться с неоднозначностью объёма и содержания отдельных правовых понятий в национальных системах законодательства.

В качестве промежуточного **вывода** отметим, что понимание института собственности в российском гражданском праве имеет много общего с толкованием в прецедентной практике ЕСПЧ, но имеются и качественные отличия, обусловленные, прежде всего, несовпадением подходов к пониманию права собственности — отечественный подход исходит из вещной концепции и является более узким по сравнению с ценностной концепцией, используемой ЕСПЧ при автономном толковании положений Конвенции. Однако именно автономное толкование позволяет

¹ Де Сальвиа М. Указ. соч. С. 969.

² Уржумов И. П. Европейские стандарты защиты имущественных прав и их применение в России // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2006. № 1. С. 70.

ЕСПЧ, унифицируя правоприменительную практику, обеспечить защиту прав и интересов лиц, представляющих разные правовые системы, что на национальном уровне позволяет более критически оценивать используемое правовое регулирование отношений собственности, стремясь к его совершенствованию.

Понятие «законное ожидание» в практике ЕСПЧ. В российской правовой доктрине нет прямого аналога этого понятия, по смыслу ст. 1 Протокола № 1 оно характеризуется как актив, в том числе, право требования, предусмотренный национальным законодательством и подкреплённый судебным решением. Российские суды используют эту конструкцию, опираясь на правовые позиции ЕСПЧ¹. Однако единого подхода к пониманию этой категории у нас так и не сложилось.

Анализ дефиниции «законное ожидание» уместно начать с подхода, выработанного в английском праве, где оно понимается как правомерное, законное, оправданное ожидание. Это понятие (*legitimate expectation*) возникло в английском административном (публичном) праве в силу того, что интересы лица защищаются в суде на основе принципов разумности, справедливости. По мнению М. Стюарта, «законные ожидания возникают в ситуациях, общей чертой которых является то, что истец ссылается не на право в строгом смысле, а на факт, который создал у него ожидания, что он получит право, следуя определённой линии поведения, но привёл к разочарованию»². Английский адвокат Т. Лэнг, отмечает, что законные ожидания могут возникать: как результат точного и определённого заверения, данного публичными властями в индивидуальном деле; как результат ясного указания в регламенте либо иной общей меры; как результат заблуждения, созданного действием органа власти или учреждения; как результат разумного ожидания, созданного

¹ О включении квартиры в наследственную массу, признании права собственности в порядке наследования: Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 13.10.2009 № 5-В09-95. Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=121332&cacheid=CDC9A3B5013BEA834D2ECF6D9FA5C5E6&mode=splus&rnd=mVAY8A#vzjxe4UfXf89H0qA> (дата обращения: 02.12.2023).

² Цит. по: Барбук А.В. Защита законных ожиданий и прямое применение международного права // PORTALUS.RU : Всероссийская научная библиотека : сайт. Москва. — URL: https://portalus.ru/modules/belorussianlaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1095934347&archive=0411&start_from=&ucat=&. Дата публикации: 23.09.2004.

действием сообщества в конкретной ситуации, особенно если ожидание является избирательным, то есть дающим понимание, что лишь определённые группы будут пользоваться выгодами¹. Австралийский учёный П. Тэйт подчёркивает, «чтобы ожидание являлось «законным» в требуемом смысле, должны существовать позитивные основания, достаточные для признания его объективно оправданным...»². На наш взгляд, такой подход вполне может быть использован в случае рецепции института защиты законных ожиданий. Отметим, что в анализируемом понятии присутствует слово «ожидание» («expectation»), с использованием которого в английской доктрине также связана категория «право ожидания» (right of expectation).

Согласимся с Е. А. Останиной в том, что классическим можно признать определение, согласно которому: если собственник устанавливает ограниченное вещное право (particular estate) и той же сделкой назначает третье лицо, правомочное вступить во владение вещью, когда срок существования ограниченного вещного права истечёт, то названное третье лицо приобретает право ожидания, которое отличается от любого другого права именно тем, что оно даёт возможность владения не в настоящий момент, а в будущем. Отсюда, право ожидания – это юридически обеспеченная возможность приобрести право собственности при наступлении события без посредства обязанного лица³. Надо отметить, что российские авторы активно пытаются выявить признаки этого института в отечественном правовом поле. Так, В. А. Белов, рассматривая содержание регрессных вексельных обязательств, заключил, что это относительные правоотношения особого рода, содержанием которых является юридически обеспеченная возможность активного субъекта рассчитывать на совершение своим контрагентом (пассивным субъектом) действий, направленных на достижение определённой цели, но не требовать их совершения. Эти правоотношения он назвал «правами ожидания»⁴.

¹ Цит. по: Барбук А.В. Указ. соч.

² Там же.

³ Останина Е. А. О соотношении понятий «Секундарное право» и «Право ожидания» // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 29(244). Право. Вып. 29. С. 49.

⁴ Белов В. А. Юридическая природа прав ожидания (гарантийных правоотношений) // Законодательство. 2008. № 7. С. 13.

Итак, в английском праве имеется конструкция, именуемая «законное ожидание», но несущая собственный юридический смысл. Продолжая анализ, из схожих категорий гражданско-правовых форм определим секундарное право, как наиболее приемлемую форму для описания правовой природы «законного ожидания».

Подробно исследовавший секундарные права А. А. Кравченко выделяет четыре основных взгляда на их природу: «1) элемент динамической правоспособности; 2) возможность, существующая наряду с субъективным правом; 3) субъективное право; 4) правомочие в составе субъективного права»¹. В результате их анализа он склоняется к доминирующей позиции, «в соответствии с которой секундарное право/правомочие рассматривают в качестве особого субъективного гражданского права/правомочия»². Немецкий цивилист Э. Зеккель, определяет его, как «субъективное (конкретное) частное право, содержанием которого является возможность установить (преобразовать) конкретное юридическое отношение посредством односторонней сделки», что близко указанной доминирующей позиции. Учёный поясняет: «конкретное юридическое отношение, которое связывается с осуществлением секундарного права, может быть правоотношением, специальным правом господства (и коррелирующим ему связанностью, обременением, долгом, ответственностью) либо в свою очередь новым секундарным правом, или возможностью, или обременением, или свойством лица или вещи»³. Также он предложил именовать указанные права «Gestaltungsrechte», что буквально означает «правообразовательное», «правообразующее» право.

Можно сказать, что в российской науке секундарные права понимаются в смысле Gestaltungsrechte — права на преобразование. Однако, в отличие от традиционно понимаемого субъективного гражданского права (мера дозволенного поведения субъекта гражданского правоотношения, в котором, обычно, выделяются

¹ Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 55.

² Там же. С. 58.

³ Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. Т. 7. С. 211.

правомочия на собственные действия, правомочия требования, правомочия на защиту¹), его нарушить нельзя, невозможно как-либо юридически воспрепятствовать его осуществлению управомоченным лицом. Из этого можно заключить, что секундарное право является самостоятельной гражданско-правовой формой, которая отличается от субъективных прав, реализуется в рамках гражданского правоотношения и характеризуется состоянием связанности, бесправия.

На основании приведённой дефиниции, наиболее приемлемой моделью представляется идея вывести «законное ожидание» в практике ЕСПЧ при защите права собственности за рамки категории субъективных прав и считать его особым правовым явлением – секундарным правом. Учитывая разнообразие общественных отношений, такой подход имеет под собой реальные основания. Автономное толкование ЕСПЧ позволяет обеспечить гибкость правового регулирования, возможность быстрого реагирования на изменения в структуре общества: появление новых видов имущественных отношений, возникновение новых продуктов деятельности человека в сфере интеллектуальной деятельности.

Таким образом, расширение российской концепции права собственности через имплементацию международных стандартов регулирования этого института представляется избыточным, её развитие на национальном уровне видится в переосмыслении уже имеющихся в доктрине правовых конструкций для понимания применяемых ЕСПЧ правовых понятий (например, «законное ожидание»). Обозначенный подход позволяет задействовать отечественный научный потенциал, что хоть и косвенно, но является фактором совершенствования российской правовой системы, в целом, и российского гражданского законодательства, в частности.

Выводы. Во-первых, автономное толкование ЕСПЧ, обеспечивая гибкость правового регулирования, ведёт к унификации правоприменительной практики, что позволяет защищать права и интересы лиц, представляющих разные правовые системы. Он даёт возможность ЕСПЧ быстро реагировать на структурные изменения

¹ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. М., 2011. С. 113.

в обществе: появление новых видов отношений, возникновение новых продуктов деятельности человека, в том числе, в сфере интеллектуальной деятельности.

Во-вторых, правовая конструкция «законное ожидание» при защите права собственности согласно ст. 1 Протокола № 1 является секундарным правом, которое характеризуется признаками связанности, претерпевания.

В-третьих, проведённый анализ демонстрирует процесс унификации российского гражданского законодательства, несмотря на качественные различия систем (германской, романской и общего права). Его поддержание предполагает критическое восприятие опыта стран из разных правовых систем. О сближении свидетельствуют: попытки переосмысления права собственности, развитие доктринальных представлений о секундарном праве и праве ожидания, законодательное оформление в России английского института заверений, немецкой конструкции преддоговорной ответственности и др. Объясняется это отнесением систем к общей западной правовой традиции, внутренние генетические связи в которой основаны на едином древнеримском прошлом и установившемся следом за ним правопорядке.

Защита прав (интересов) добросовестного приобретателя. Реализуя конституционное право на жилье (ст. 40 Конституции РФ), многие российские граждане становятся собственниками жилых помещений путём их приватизации¹. Далее эти помещения нередко отчуждаются, насыщая рынок жилой недвижимости. В результате заключаемых при этом сделок, при наличии в них какого-либо порока, возникает проблема обеспечения баланса интересов первоначального собственника и всех последующих приобретателей такой недвижимости. Ещё со времён римского права эта проблема разрешалась преимущественно в пользу собственника, что в своё время повлияло на вектор регулирования в российском гражданском праве².

Если порок в приватизационной сделке, истцом часто выступает публичный собственник, ответчиком — конечный приобретатель недвижимости в цепочке сделок.

¹ О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации: Закон РФ от 4.07.1991 № 1541-1 (ред. от 11.06.2021) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.

² Черепяхин Б. Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправляемого отчуждателя // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: Сб. статей. М., 2001. С. 254.

Виндикационный иск публичного собственника основан на ст. 301, п. 1 ст. 302 ГК РФ, устанавливающих следующую систему защиты: если имущество возмездно приобретено у неуправомоченного отчуждателя, о чём добросовестный приобретатель не знал и не мог знать, собственник вправе его истребовать от приобретателя, если имущество выбыло из владения собственника или лица, которому оно было передано собственником, помимо их воли. Бинарный характер данной системы создаёт проблему обеспечения баланса интересов публичного собственника и добросовестного приобретателя от неуправомоченного лица. Поскольку основным доводом публичного собственника при виндикации является то, что имущество выбыло от него помимо (например, из-за мошенничества в ходе приватизации), ответчик (добросовестный приобретатель) оказывается перед судом более слабой стороной — обширная судебная практика по этой категории дел демонстрирует, что российские суды чаще становились на сторону публичного собственника. Поэтому граждане-добросовестные приобретатели недвижимости, исчерпав все внутригосударственные средства правовой защиты, были вынуждены обращаться в ЕСПЧ.

Анализируемые правоотношения отличаются особым субъектным составом (публичный собственник противостоит гражданину), что предопределяет специфику механизма защиты права собственности. Отсутствие специальных норм, определяющих особый статус публичного субъекта, приводят к нарушению интересов частного субъекта. Нормы Гражданского кодекса РФ рассчитаны на отношения равных, но когда в них задействовано публично-правовое образование, правила должным образом «не срабатывают», осложняя защиту.

Эффективность разрешения споров о защите права собственности во многом зависит от того, как законодательство учитывает частные и публичные интересы, и проблема возникает, если не закреплён их баланс. Его важность в регулировании гражданских отношений подчёркивал ВАС РФ, выделяя позиции ЕСПЧ, применяемые при защите имущественных прав и права на правосудие¹. Поскольку общепризнанные принципы международного права являются частью правовой системы

¹ Информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341.

РФ и относятся к правовым регуляторам гражданских отношений, принцип баланса публичных и частных интересов, разработанный ЕСПЧ в ходе эволютивного толкования ст. 1 Протокола № 1, также должен рассматриваться в качестве правового регулятора внутригосударственных гражданских отношений.

Проследим влияние прецедентной практики ЕСПЧ на развитие российского законодательства и основанной на нём судебной практики в вопросе обеспечения баланса интересов, с одной стороны — публичного собственника жилого помещения, с другой — его добросовестного приобретателя от неуправомоченного лица. В качестве ключевого прецедента отметим постановление ЕСПЧ по делу «Гладышева против России»¹, в котором он признал нарушение ст. 1 Протокола № 1 «Защита собственности», а также ст. 8 «Право на уважение частной и семейной жизни». Обстоятельства дела таковы. Заявитель Гладышева купила квартиру у В., который, в свою очередь, приобрел её у Е., которая ранее её приватизировала. Жилищный департамент, собрав информацию об обмане со стороны Е., обратился в суд с иском о признании недействительными договора приватизации и всех последующих сделок в отношении квартиры. Районный суд признал Гладышеву добросовестным приобретателем, но поскольку квартира была приватизирована обманным путём, значит, выбыла из владения города-законного владельца помимо его воли, лишил заявительницу права собственности на квартиру. Квартира была возвращена в собственность города, а заявительница выселена без какой-либо компенсации.

Правовая позиция ЕСПЧ по данному делу сводилась к тому, что «...любое вмешательство в собственность должно не только быть законным и преследовать законную цель, но и отвечать требованию соразмерности. ... должен быть достигнут справедливый баланс между требованиями общих интересов общества и требованиями защиты основных прав индивида... Необходимый баланс не будет достигнут, если соответствующее лицо несет индивидуальное и чрезмерное бремя»². При

¹ ECHR. Gladysheva v. Russia. Application no. 7097/10. Judgment of 6 December 2011 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-107713> (дата обращения: 02.12.2023).

² Ibid. Para 77.

этом требование законности публичного вмешательства, считает Д. И. Дедов, «предполагает, что внутреннее законодательство должно предусматривать определённую правовую защиту от произвольного вмешательства в имущественные права»¹. Из этого очевидно, что Гладышева понесла имущественные потери, несопоставимые с потерями публичного собственника. Поскольку она лишилась единственного жилья, потратила имеющиеся денежные накопления, что может говорить о существенном снижении социально-экономических показателей её жизни. При этом адекватная законодательная защита ей обеспечена не была.

ЕСПЧ отметил, что право собственности заявителя было признано недействительным в связи с мошенничеством в рамках процедур, проводившихся официальными органами в рамках осуществления полномочий государства, что сам факт подделки документов мог быть установлен как на стадии приватизации, так и при легализации последующих сделок в отношении квартиры. При таких обстоятельствах заявитель или кто-то, кто гипотетически мог приобрести спорную квартиру, не должны нести риск утраты владения в связи с недостатками регламентированных процедур или упущениями должностных лиц. Указав, что «риск совершения ошибки органом государственной власти должно нести государство, и эти ошибки не должны исправляться за счёт заинтересованного лица...»², ЕСПЧ пришёл к выводу, что лишение заявительницы права собственности возложило на неё чрезмерное индивидуальное бремя, а публичный интерес не был для этого достаточным оправданием. Относительно ст. 8 Конвенции ЕСПЧ отметил, что решение о выселении заявительницы было принято после лишения её собственности, без анализа пропорциональности принятого решения (о выселении). Поскольку жилищный департамент не имел списка очередников, нуждающихся в конкретной квартире, а заявительница напротив после выселения нуждалась во временном жилище, ЕСПЧ заключил, что права Гладышевой, гарантированные ст. 8 ЕКПЧ, не были учтены при обеспечении баланса интересов заявительницы и города.

¹ Дедов Д. И. Методология права 2.0. М., 2023. С. 472.

² ECHR. Gladysheva v. Russia. Paras 78-80.

Очевидно, что нарушенные когда-то публичные интересы, на чём основывался заявленный иск, не идут в сравнение с существующим правом собственности Гладышевой. И установленный в ходе приватизации факт мошенничества не должен был стать основанием лишения её права собственности, поскольку в обеспечении баланса интересов следовало руководствоваться критерием её добросовестности. И как справедливо отмечает по аналогичному поводу У. Килкэли, «когда дело касается экспроприации, у государства, есть большой предел усмотрения для того, как сохранить уважение к жилищу при различной природе вовлечённых политических, экономических и социальных вопросов»¹.

Из-за скопления дел в судах общей юрисдикции, а также жалоб россиян в ЕСПЧ в 2014 году Верховный Суд РФ изучил практику истребования жилых помещений от добросовестных приобретателей по искам публичных органов, по итогам чего был подготовлен Обзор², в основу которого легла практика ЕЕСПЧ. В акте прямо подчёркивалось, что отечественным судам, в силу лежащих на Российской Федерации международных обязательств, следует учитывать правовые позиции ЕСПЧ. Важнейшие выводы Обзора коснулись критериев добросовестности/недобросовестности приобретателя: (1) его осведомлённости о том, что к моменту совершения возмездной сделки в отношении спорного имущества со стороны третьих лиц имелись притязания, впоследствии признанные правомерными; (2) его осведомлённости о наличии записи о праве собственности отчуждателя в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним; (3) принятия приобретателем разумных мер для выяснения правомочий отчуждателя имущества.

Несмотря на разъяснения, содержащиеся в совместном постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22³ и

¹ Килкэли У., Чефранова Е. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 8 Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Прецеденты и комментарии. М., 2001. С. 85-86.

² Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 2.

³ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума ВС РФ № 10 и Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 // Рос. газета. 2010. 21 мая.

в Обзоре судебной практики от 01.10.2014, в отдельных случаях у судов возникали вопросы по применению положений ГК РФ, регулирующих указанную категорию отношений. В связи с чем, через год вышел ещё один Обзор судебной практики от 25.11.2015, разъяснявший дополнительно возникшие проблемные вопросы¹.

Постановление ЕСПЧ 2011 года по делу «Гладышева против России» стало первым в череде аналогичных решений. Поскольку российские суды на протяжении нескольких лет не учитывали позицию ЕСПЧ в вопросе баланса интересов публичного собственника и добросовестного приобретателя, в период с 2010 по 2017 год в ЕСПЧ поступил и был рассмотрен ряд жалоб по аналогичным спорам — о виндикации жилых помещений властями². Таким образом, одним из направлений влияния ЕСПЧ на национальное законодательство является прецедентное влияние решений ЕСПЧ. Насколько оно существенно для российского правоприменения?

Анализируя эволюцию правовых позиций высших судебных инстанций России по рассматриваемому вопросу, нельзя не упомянуть о позиции КС РФ по проблеме изъятия у гражданина (добросовестного приобретателя) жилого помещения, ранее ставшего выморочным имуществом, но выбывшего из публичной собственности в результате мошеннических действий³. Одной из её важных особенностей является то, что она выступила проводником правовых позиций ЕСПЧ, впервые сформулированных им по делу «Гладышева против России».

Данная проблема затрагивалась Конституционным Судом РФ ещё в 2003 году⁴. Тогда его позиция больше защищала интересы собственника (в том числе,

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.

² ECHR. Balakin v. Russia. Application no. 21788/06. Judgment of 4 July 2013 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-122261> (дата обращения: 02.12.2023); ECHR. Alentseva v. Russia. Application no. 31788/06. Judgment of 17 November 2016 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-168700> (дата обращения: 02.12.2023).

³ По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца: Постановление КС РФ от 22.06.2017 № 16-П // Вестник КС РФ. 2017. № 5.

⁴ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой,

публичного), чем добросовестного приобретателя. Практика судов общей юрисдикции формировалась аналогично, не разграничивая интересы публичного и частного собственника. Считается, что правовая конструкция ст. 302 ГК РФ обозначает приоритет интересов собственника над интересами оборота¹. И хотя в указанном акте не был окончательно разрешён вопрос о соотношении реституции и виндикации (КС РФ наделил добросовестного приобретателя «правом добросовестного приобретателя», не истолковав юридическую природу этого субъективного права и его соотношение с правом собственности), следует отметить его позитивное влияние.

Представляется, что позиции всех высших судебных инстанций России по данному вопросу приобрели созвучность именно под воздействием ЕСПЧ, о чём косвенно свидетельствует Постановление КС РФ от 22.06.2017. В нём, в отличие от прежнего подхода, отразилась идея о неравенстве, возникающем между собственником выморочного имущества (публично-правовым образованием) и его добросовестным приобретателем (гражданином), права которого должны обеспечиваться с опорой на требования осмотрительности и разумности при регулировании оборота выморочного имущества. Также не должны ущемляться права добросовестного приобретателя жилого помещения со стороны публичного собственника, при совершении ошибок государственных органов. Обозначенная позиция КС РФ очевидно согласуется с рассмотренным ранее подходом ЕСПЧ по делу «Гладышева против России» и др. — все риски, связанные с ошибками властных органов, должно нести государство, то есть устранение таких ошибок не должно производиться за счёт лица, которое приобрело имущество по возмездной сделке.

Не менее важно проведённое Конституционным Судом РФ разграничение интересов неперсонифицированного подразумеваемого выгодоприобретателя

А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева: Постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П // Вестник КС РФ. 2003. № 3.

¹ Подоплелова О. Г., Степанов Д. И. Добросовестные приобретатели против недобросовестного государства: дело Александра Дубовца в Конституционном Суде России. Комментарий к Постановлению от 22.06.2017 № 16-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 101-114.

выморочного имущества по договору социального найма жилого помещения и конкретного добросовестного приобретателя этого помещения. Действительно, правовую связь с объектом недвижимости имеет его приобретатель. Возможности выявления противоправных действий, которые привели к утрате владения публичным собственником помимо его воли, и возможности добросовестного приобретателя неравноценны. Для обеспечения баланса интересов сторон важно, что выморочное имущество поступает в собственность государства автоматически (в целях ликвидации его бесхозности), а не в результате активных действий (сделки) со стороны публичного органа. Конституционный Суд РФ подверг критике подход судов общей юрисдикции, не считавших акт государственной регистрации права критерием наличия воли публичного собственника.

Таким образом, Конституционный Суд РФ, изменив вектор механизма защиты права добросовестного приобретателя недвижимого имущества, выступил проводником правовых позиций ЕСПЧ, выраженных в деле «Гладышева против России». И если об этом влиянии на правоприменительную практику сказано достаточно, о влиянии на законодательство свидетельствует подготовленный Министерством экономического развития РФ проект федерального закона № 243975-7 «О внесении изменений в ст. 302 ГК РФ (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)»¹, которым предлагалось полностью запретить виндикацию у добросовестного приобретателя ранее приватизированного жилого помещения по искам властных органов. Целью было защитить права и законные интересы добросовестного приобретателя жилого помещения, стабилизировать гражданский оборот. Отмеченная в юридическом сообществе спорность такого подхода²,

¹ О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя): проект федер. закона № 243975-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08.08.2017) // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/243975-7#bh_histras (дата обращения – 02.12.2023).

² Заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 243975-7 «О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)»: Письмо Общественной палаты РФ от 16.10.2017 № 6ОП-2/2225 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/243975-7#bh_histras (дата обращения – 02.12.2023).

лишавшего органы власти возможности истребования имущества даже в случаях мошеннических действий с жилыми помещениями, привела к принятию компромиссного варианта — законом от 16.12.2019 № 430-ФЗ² статья 8.1 ГК РФ была дополнена пунктом 6 о презумпции добросовестности приобретателя недвижимости, полагавшегося при её приобретении на данные государственного реестра, а ст. 302 ГК РФ дополнилась пунктом 4, согласно которому суд должен отказать публичному субъекту в истребовании жилого помещения у добросовестного приобретателя-частного лица во всех случаях, если после его выбытия из владения истца истекло три года со дня внесения в государственный реестр записи о праве собственности первого добросовестного приобретателя. Такое корректирование механизма защиты права собственности добросовестного приобретателя-частного лица в споре с публичным субъектом явно демонстрирует влияние позиций ЕСПЧ на процесс совершенствования нашего гражданского законодательства.

Вывод. Правовые позиции ЕСПЧ стали толчком для совершенствования механизма защиты права собственности добросовестного приобретателя. Баланс интересов публичного собственника и добросовестного приобретателя – гражданина был обеспечен благодаря восприятию сначала высшими судебными органами РФ, а затем законодателем, европейских стандартов защиты права собственности добросовестного приобретателя жилого помещения. Безусловный положительный эффект подобного влияния на правоприменительную практику позволяет с оптимизмом следить за развитием российского гражданского законодательства.

Принадлежность общепризнанных принципов международного права к правовой системе Российской Федерации (ст. 7 ГК РФ) позволяет относить их к правовым регуляторам внутригосударственных гражданских отношений. Отсюда, видится правильным, что общепризнанный принцип баланса публичных и частных

¹ Заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 243975-7 «О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)»: Письмо Общественной палаты РФ от 16.10.2017 № 6ОП-2/2225 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/243975-7#bh_histras (дата обращения – 02.12.2023).

² О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2019. № 51 (ч. I). Ст. 7482.

интересов, применённый ЕСПЧ при эволютивном толковании ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, также должен считаться таким регулятором. Это оправдывает его отражения в Гражданском кодексе РФ, поскольку незакреплённость в позитивном праве данного принципа препятствует полноценной защите гражданских прав, в частности, прав добросовестного приобретателя приватизированного имущества в случае его виндикации публичным собственником.

3.2. Защита интеллектуальных прав в правовых позициях ЕСПЧ

Повсеместный научно-технический прогресс, рост разнообразия и многообразия связанных с ним общественных отношений объективно обуславливают бурное развитие законодательства об интеллектуальной собственности. Данная тенденция имеет глобальный, общемировой характер, однако в России ее осложняет фактор недостаточной разработанности этой отрасли гражданского законодательства — её долгожданная кодификация после длительных и острых научных дискуссий, не прекращающихся до сих пор, состоялась сравнительно недавно, поэтому многие теоретические и практические проблемы защиты прав в сфере интеллектуальной собственности остались нерешёнными. В дополнение к этому, взрывной характер распространения новых, прежде всего цифровых, технологий и связанное с этим появление новых сфер интеллектуальной деятельности человека (а теперь уже и искусственного интеллекта) ещё более усугубляет отставание правового регулирования от развития соответствующих общественных отношений.

Всё это очевидно оправдывает обращение к правозащитной практике Европейского Суда по правам человека, поскольку современное развитие правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности сопровождается усиливающимся влиянием на него института прав человека¹, потенциал которого позволяет выступать одновременно основанием, с одной стороны, для более

¹ Helfer L. R. Human Rights and Intellectual Property: Conflict or Coexistence? // Minnesota Journal of Law, Science & Technology, 2003, vol. 5, p. 47, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=459120> (дата обращения: 10.12.2023).

эффективной защиты интеллектуальных прав, с другой, — для их разумно оправданного ограничения. И в этой связи представляется, что опирающийся на принципы эволютивного и автономного толкования конвенционных положений взгляд ЕСПЧ на защиту интеллектуальных прав (именно с точки зрения защиты основных прав человека) способен обеспечить более сбалансированный подход в вопросах правовой охраны имущественных и личных неимущественных интересов как правообладателя, прежде всего автора, так и взаимодействующих с ним лиц, в том числе, пользователей результатов интеллектуальной деятельности, а также лиц, неимущественные интересы которых затрагиваются содержанием творческой продукции.

Рассуждая о результатах и потенциале влияния правовых позиций ЕСПЧ на российское гражданское законодательство об интеллектуальной собственности, необходимо, прежде всего, сопоставить понятия «право человека» и «интеллектуальное право» («право интеллектуальной собственности»). В научной литературе активно обсуждаются вопросы их соотношения, взаимодействия и конкуренции¹, поскольку данный сравнительный анализ представляется теоретической основой для совершенствования механизмов защиты обеих категорий прав.

Несмотря на то, что в ЕСПЧ нет упоминаний об интеллектуальной собственности, в ЕСПЧ иногда поступали дела, прямо или косвенно касавшиеся как субъективных прав на сами охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, так и субъективных прав, затрагиваемых их созданием и использованием. В силу своего изначального предназначения ЕСПЧ не стремится раскрыть содержание понятия интеллектуальной

¹ См., например: Ворожевич А. С. Исключительное право и фундаментальные права человека: возможно ли избежать конфликта? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 6. С. 77-91; Каминская Е. И. Авторские права как права человека // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 66-71; Шпильман Д. Авторские права и права человека // Международное правосудие. 2016. № 1. С. 122-134; Шугуров М. В. Коллизии прав человека и прав интеллектуальной собственности: международно-правовой аспект: монография. Саратов, 2018. 644 с.; Щербачева Л. В. Правовая природа соотношения авторского права и основных прав человека // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 82-85; Матвеев А. Г. Три проблемные точки пересечения прав интеллектуальной собственности и прав человека // ИС. Промышленная собственность. 2022. № 4. С.14-23.

собственности или сформировать перечень охватываемых этим институтом объектов, ориентируясь на условное общепринятое понимание интеллектуальной собственности, охраняемой на международном и национальном уровнях. Поэтому рассматривая такие дела, он разделил свои правовые позиции в зависимости от характера нуждающихся в конвенционной защите прав правообладателя и других лиц.

Так, для защиты имущественных по своему характеру исключительных прав на тот или иной объект интеллектуальной собственности ЕСПЧ сформировал практику применения ст. 1 Протокола № 1, в рамках которой, опираясь на выработанные им принципы эволютивного и автономного толкования, исходил из успешно апробированного им на различных объектах гражданских прав расширительного понимания термина «собственность», охватывая им не только вещи, но и имущественные права, в том числе исключительные, а также иные выгоды, в целом образующие активы лица, его имущество. Такой подход прослеживался в ряде дел, пусть и немногочисленных сравнительно с другими категориями, относительно прав, например: на товарный знак, на патент¹, на распространяемые в Интернете произведения², на публикацию перевода произведения³, на свободное воспроизведение произведения в личных целях⁴, на получение справедливого вознаграждения

¹ ECHR. *Smith Kline and French Laboratories Ltd v. the Netherlands*. Application no. 12633/87. Judgment of 4 October 1990 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-738> (дата обращения: 10.12.2023); ECHR. *Lenzing AG v. the United Kingdom*. Application no. 38817/97. Judgment of 9 September 1998 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-4408> (дата обращения: 10.12.2023).

² ECHR. *Neij and Sunde Kolmisoppi v. Sweden*. Application no. 40397/13. Judgment of 19 February 2013 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117513> (дата обращения: 10.12.2023).

³ ECHR. *SC Editura Orizonturi SRL v. Romania*. Application no. 15872/03. Judgment of 13 May 2008 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-86248> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴ ECHR. *Safarov v. Azerbaijan*. Application no. 885/12. Judgment of 1 September 2022 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-218927> (дата обращения: 10.12.2023).

за использование произведения¹ и даже на доменное имя², которое формально не относится к интеллектуальной собственности, но имеет экономическую ценность, приближающую его к охраняемым средствам индивидуализации. Анализ этих дел показывает, что решающее значение для защиты придавалось судом не характеру самого объекта, а наличию не пресечённого национальным правом порядком посягательства на связанную с этим объектом некую имущественную составляющую, подпадающую под широкое понимание собственности (имущества). Отметим, что эта составляющая присуща всякому объекту интеллектуальных прав, поскольку, согласно ст. 1226 ГК РФ, в отношении любого из них всегда возникает имущественное по своей природе исключительное право. Стоит подчеркнуть, что ЕСПЧ допускает принципиальную возможность наличия имущественных интересов, охватываемых понятием «собственность»: во-первых, в отношении объектов, не охраняемых в качестве интеллектуальной собственности (доменное имя), во-вторых, даже до возникновения интеллектуального права на объект, например, у субъекта, лишь подавшего заявку на регистрацию товарного знака, поскольку «компания-заявитель обладала комплексом имущественных прав, связанных с её заявкой» (например, из возмездного лицензионного соглашения, возмездной переуступка заявки на регистрацию товарного знака и т. п.)³. Кроме того, важным фактором, определяющим принадлежность исключительного права, в частности на товарный знак, ЕСПЧ признал соблюдение правил приоритета, игнорирование которых национальным судом было квалифицировано как нарушение конвенционного права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ)⁴.

¹ ECHR. SIA AKKA/LAA v. Latvia. Application no. 562/05. Judgment of 12 July 2016 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-164659> (дата обращения: 10.12.2023).

² ECHR. Paefgen GmbH (I–IV) v. Germany. Applications nos. 25379/04, 21688/05, 21722/05, 21770/05. Judgment of 18 September 2007 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191471> (дата обращения: 10.12.2023).

³ ECHR. Anheuser-Busch Inc. v. Portugal. Application no. 73049/01. Judgment of 11 January 2007. Pas. 76, 78 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-78981> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴ ECHR. Hiro Balani v. Spain. Application no. 18064/91. Judgment of 9 December 1994. Pa. 28 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-57910> (дата обращения: 10.12.2023).

Для защиты личных неимущественных прав правообладателя по делам, связанным с интеллектуальной собственностью, в ЕСПЧ сформировалась иная практика — основанная, прежде всего, на применении ст. 10 ЕКПЧ «Свобода выражения мнения»), именно которой, по мнению Д. Шпильманна, и защищается свобода творчества¹. В рамках практики её применения поднимались вопросы защиты, например: доброго имени автора², права на свободу выражения мнения автора³ либо информационного посредника⁴, а также права на целостность литературного произведения и его распространение⁵. При этом суд иногда отказывал в защите права на свободу выражения мнения, ссылаясь, в частности, на недопустимость нарушения авторских прав⁶, на бóльшую значимость общественного интереса в защите нравственности⁷. Анализ дел этой категории показывает активное применение ЕСПЧ закреплённого в ч. 2 ст. 10 ЕКПЧ теста на пропорциональность, позволяющего установить справедливый баланс между конфликтующими конвенционным правом (например, на обмен информацией в Интернете) и интеллектуальным правом (автора или правообладателя этой информации), которому порой также придавалось значение конвенционного (личное неимущественное право автора на обнаружение произведения в контексте свободы выражения мнения).

¹ Шпильман Д. Авторские права и права человека. С. 123.

² ECHR. *Melnichuk v. Ukraine*. Application no. 28743/03. Judgment of 5 July 2005 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70089> (дата обращения: 10.12.2023).

³ ECHR. *Ahmet Yildirim v. Turkey*. Application no. 3111/10. Judgment of 18 December 2012 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-214002> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴ ECHR. *Delfi AS v. Estonia*. Application no. 64569/09. Judgment of 16 June 2015 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-155105> (дата обращения: 10.12.2023).

⁵ ECHR. *Orban, de Bartillat and Editions Plon v. France*. Application no. 20985/05. Judgment of 1 January 2009 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-193640> (дата обращения: 10.12.2023); ECHR. *Akdaş v. Turkey*. Application no. 41056/04. Judgment of 16 February 2010 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-202025> (дата обращения: 10.12.2023).

⁶ ECHR. *Ashby Donald and Others v. France*. Application no. 36769/08. Judgment of 10 January 2013 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-213879> (дата обращения: 10.12.2023).

⁷ ECHR. *Perrin v. the United Kingdom*. Application no. 5446/03. Decision of 18 October 2005 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70899> (дата обращения: 10.12.2023).

Защиту личных неимущественных прав автора, но в бóльшей степени — прав иных лиц, пострадавших от действий прикрывающегося нормами ст. 10 ЕКПЧ правообладателя, ЕСПЧ обычно основывает на применении ст. 8 ЕКПЧ («Право на уважение частной и семейной жизни»), которая, опираясь на широкую трактовку судом понятия «частная жизнь», позволила, например, решать вопрос о правомерности использовании портрета и имени предка заявителя на товарном знаке¹, обнародования организацией кабельного вещания и СМИ видеозаписи и фотоизображения заявителя². По таким делам следует отметить, прежде всего, стремление суда провести для достижения справедливого баланса между конфликтующими интересами (открытость против конфиденциальности) тщательную проверку законности, необходимости и соразмерности имевшего место и проигнорированного государством-ответчиком вмешательства в отдельные аспекты частной жизни заявителей.

Данная практика определенным образом сказывается на понимании соотношения интеллектуальных прав и прав человека, на определении баланса противоположных по своей субъектной направленности интересов в сфере интеллектуальной собственности — интересов как автора, так и адресата обнародованного мнения, либо интересов правообладателя творческого контента и пользователя содержащейся в нем информации, либо также интересов патентообладателя и потребителя основанного на патенте материального продукта. Пока российская правовая доктрина не выработала единого подхода в этих вопросах, выявив лишь некоторые наиболее критические области пересечения интеллектуальных прав и прав человека³. Это связано с тем, что, с одной стороны, интеллектуальные права представлены в ст. 1226 ГК РФ как обобщающее понятие, не вполне логично раскрытое через триаду прав, которое в недостаточной степени учитывает международно-правовые аспекты, присущие общепризнанному в мире пониманию интеллектуальной

¹ ECHR. *Vorsina and Vogralik v. Russia*. Application no. 66801/01. Judgment of 5 February 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-23736> (дата обращения: 10.12.2023).

² ECHR. *Peck v. the United Kingdom*. Application no. 44647/98. Judgment of 28 January 2003 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-183526> (дата обращения: 10.12.2023).

³ Матвеев А. Г. Указ. соч. С.14-23.

собственности. С другой стороны, основные права человека, несмотря на их базирование на значительной исторической и теоретической основе, все больше подвергаются, особенно в последнее время, переосмыслению в связи с усложнением общественных отношений, появлением новых ценностей и актуализацией потребностей в их эффективной защите. На доктринальном уровне активно обсуждают не только необходимость совершенствования механизмов защиты «старых» прав¹, но и появление новых (информационных, коммуникативных, соматических, биотехнологических и др.)², пока слабо (и не всегда) охваченных законодательным регулированием и, следовательно, не защищённых.

При этом процесс появления новых прав объективен и его нельзя оценить однозначно. Согласимся с О. Ю. Малиновой в том, что: «С одной стороны, расширение круга признаваемых прав должно усиливать правовую защищенность личности. С другой — каждое «поколение» приносит с собой новую логику узаконивания притязаний, именуемых правами человека, и неизбежные конфликты «новых» прав со «старыми», в результате чего уровень защищенности может не возрасти, а снизиться»³. Что ещё важно отметить в рамках нашего исследования, большинство выявленных учёными проблем и тенденций связано с цифровизацией и другими подобными технологическими процессами, прямо или косвенно основанными на внедрении и использовании в различных сферах жизни человека именно результатов интеллектуальной деятельности, что актуализирует необходимость согласования между собой процессов правового регулирования обеих категорий прав.

¹ Довгань Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5. С. 109-125; Карцхия А. А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4. С. 33-38; Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право». 2021. Т. 21, № 1. С. 64-73.

² Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 122-146; Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4. С. 16-28.

³ Малинова О. Ю. «Поколения» прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института // Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации / под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб., 2003. С. 80-91.

Так, развитие технологий привело к возникновению новой категории прав человека — цифровых (digital rights)¹. Эта категория многогранна и не имеет пока единого понимания ни на международном, ни на национальном уровне². Сегодня в России цифровые права пока легализованы только в их частноправовом аспекте — в гражданском законодательстве, в ст. 141.1 ГК РФ, введенной с 1.10.2019³, опираясь на которую их можно определить как «названные в законе в качестве цифровых обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам, осуществление, распоряжение или ограничение распоряжения которыми возможны только в этой информационной системе без обращения к третьему лицу». На настоящий момент их разновидностями закон называет: цифровые финансовые активы (ч. 2 ст. 1 закона О цифровых финансовых активах⁴), утилитарные цифровые права (ч. 1 ст. 8 закона О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ⁵). И хотя такой законодательный подход позволяет толковать цифровые права расширительно, распространяя это понятие на любые субъективные гражданские права, зафиксированные в цифровой форме, всё-таки он не исчерпывается лишь сферой гражданского права. Тем более и природа цифровых прав публично-правовая. Согласимся поэтому, что: «Содержание цифровых прав и свобод человека гораздо шире и представляет собой целый комплекс прав, позволяющих человеку не только владеть определенными имущественными правами, но и реализовать себя как свободную личность (и в то же

¹ Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46.

² Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 7.

³ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

⁵ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2.08.2019 № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

время личность, осознающую свои обязанности и ответственность за ограничения и нарушение прав и свобод других) в киберпространстве»¹. К ним, в частности, относятся право на доступ в Интернет и вытекающие из него: право на поиск, получение и передачу информации; право на приватность и анонимность в интернете; право на забвение; право на защиту от нежелательной информации; право на защиту персональных данных и др. И хотя многие из этих прав нельзя назвать принципиально новыми правами человека, способы их закрепления, регламентации, обеспечения, соблюдения и защиты требуют существенного и адекватного обновления — действующее законодательство с этой задачей не справляется.

В этой связи, встаёт вопрос о необходимости реформирования авторского и патентного права, поскольку их существующее состояние не обеспечивает, а порой и прямо затрудняет, надлежащий доступ не просто к достижениям культуры и искусства (препятствуя праву на образование), но и к жизненно важным знаниям и информации (также — праву на здоровье), в значительной степени переместившимся в виртуальное пространство Интернета. Однако такое реформирование неизбежно потребует расширения доступности объектов интеллектуальных прав, что, особенно в случае с запатентованными объектами, обостряет конфликт между основными правами человека и экономическими правами правообладателей.

С цифровизацией связано и появление в нашей жизни такого явления как «искусственный интеллект» (artificial intelligence), который, обладая огромным потенциалом повышения уровня жизни человека, таит в себе и неосознанное пока нами множество рисков морального и юридического характера, откуда представляется очевидной прямая зависимость будущего человечества от создания баланса между технологическим развитием и защитой основных прав человека.

К международным стандартам, направленным на выработку и поддержание такого баланса, можно отнести и практику ЕСПЧ, которая определяет чёткие границы уважения четырёх базовых благ: (1) собственности, (2) частной жизни, (3) свободы и (4) безопасности. В условиях глобальной цифровизации

¹ Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Указ. соч. С. 23.

эффективными для защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации представляются его правовые позиции, согласно которым:

- исключительное право, как имущественная составляющая права интеллектуальной собственности, является экономически ценным активом, в силу чего подлежит защите в рамках ст. 1 Протокола № 1, несмотря на нематериальный характер объектов интеллектуальных прав, при этом субъекту защиты необходимо обладать правовым титулом, основанном на национальным правовом порядке;

- организация по коллективному управлению экономическими правами правообладателей, вытекающими из авторских прав, по смыслу ст. 1 Протокола № 1 является обладателем «имущества», в виде находящихся в управлении исключительных прав на произведения и вытекающих из них экономических интересов;

- доменное имя, как экономически ценный актив, подлежит защите в качестве имущества, охватываемого толкованием ст. 1 Протокола № 1, несмотря на то что оно не поименовано в законе в качестве объекта интеллектуальной собственности, в связи с чем заявителю для защиты необходимо обладать имущественным интересом, наличие которого выявляется из совокупности обстоятельств дела;

- имущественное право на объект интеллектуальной собственности, подлежащий обязательной регистрации, появляется у заявителя с момента её завершения, который определяется национальным правовым порядком, однако с момента подачи заявки на регистрацию объекта и до её окончания заявитель, не успев стать правообладателем, тем не менее может обладать имущественным интересом, охватываемым понятием «имущество» по смыслу ст. 1 Протокола № 1, что выявляется из совокупности обстоятельств дела;

- имущественный интерес, защищаемый нормой ст. 1 Протокола № 1, должен быть действительным, то есть включать «законные ожидания» получения актива, имеющие под собой достаточно оснований в национальном праве, но не охватывает «надежду» на приобретение имущества — достаточность таких оснований ЕСПЧ определяет характером имущественного интереса, наличием подтверждающей его

существование устоявшейся национальной судебной практики, совершёнными для получения актива приготовлениями, а также иными обстоятельствами дела;

- исключительно информационная направленность и отсутствие коммерческой цели воспроизведения произведения сами по себе важны, но не достаточны для квалификации «личных целей» воспроизведения, допустимого без согласия автора и выплаты ему вознаграждения;

- факт правомерного обнародования произведения и распространения его материальных носителей на доступном рынке не может рассматриваться как согласие автора на воспроизведение этого произведения и доведение его до всеобщего сведения в цифровой форме.

Рассуждая о соотношении интеллектуальных прав и прав человека, некоторые авторы, опираясь, в числе прочего, и на правовые позиции ЕСПЧ, приходят к убеждению о «признании субъективного права на интеллектуальную собственность в качестве основного права человека»¹. Например, В. Л. Энтин отмечает, что «свойственное странам континентальной Европы представление об авторском праве как о праве, тесно связанном с личностью автора и имманентно присущем человеку, как *homo sapiens*, сделало возможным рассматривать авторское право, как естественное право человека»². В обоснование данного подхода его сторонники, ссылаясь на практику ЕСПЧ, либо стремятся просто «подтянуть» субъективное право интеллектуальной собственности до уровня основных прав человека (подчёркивая важность его защиты, связь с достоинством и личностью автора), либо указывают на возможность конфликта между рассматриваемыми правами, разрешаемого судом путём применения теста на пропорциональность, что, по их мнению, позволяет относить право интеллектуальной собственности к правам человека.

¹ Усов Г. В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 16.

² Энтин В. Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. М., 2018. С. 5.

Такой подход справедливо критикуется¹, поскольку интеллектуальные права от прав человека традиционно обособляются (например, право автора на свободу творчества и исключительное право автора на созданное им произведение) и, в силу специфики своей правовой природы, даже могут с ними конфликтовать (например, право автора на отзыв произведения препятствует праву доступа каждого к содержащейся в нём информации, право на патентную защиту лекарственного препарата снижает его доступность, т.е. препятствует праву на здоровье и т.п.), что не позволяет ставить их на один уровень. К тому же ЕСПЧ, поддерживая в своих правовых позициях охрану интеллектуальных прав как охрану, прежде всего, прав на имущество, сам никогда прямо не приравнивал их к правам человека. Это обстоятельство, а также принципиальное различие ряда признаков рассматриваемых прав (частно-правовое регулирование, ограниченность во времени и пространстве, отчуждаемость, возможность лицензирования и принудительного лишения — для исключительных прав (составляющих основу интеллектуальных); публично-правовое регулирование, неограниченность временем или территорией, неотделимость от личности, неотчуждаемость ни по воле, ни принудительно — для основных прав человека) — не позволяют относить право на интеллектуальную собственность к охраняемым ЕКПЧ правам человека. Вместе с тем, связь между ними, безусловно, прослеживается: осуществление интеллектуальных прав их субъектом, с одной стороны, базируется на соблюдении его конвенционных прав человека, с другой — требует определённых ограничений, обеспечивающих как основные права человека других лиц, так и интересы общества и государства, в целом. Кроме того, отдельные элементы интеллектуальных прав могут защищаться как конвенционные права человека, что отчётливо демонстрируют правовые позиции ЕСПЧ.

Правами и свободами человека традиционно называют «наиболее общие, фундаментальные субъективные права — равные для всех меры возможного

¹ Сравнительный критический анализ указанных подходов подробнее см.: Глонина В. Н. Интеллектуальная собственность и основные права человека: какова роль Европейского Суда по правам человека на пути достижения баланса интересов? // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2018. Вып. 4. С. 299-308.

(свободного) поведения, имеющие основополагающее значение в системе субъективных прав в силу своего предельно общего характера. От их наличия и реализации зависит зачастую наличие иных субъективных прав»¹. В соотношении с основными правами человека интеллектуальное право предстаёт как субъективное гражданское право на объект интеллектуальной собственности. Действительно, у конкретного физического лица, например, создавшего произведение, имеется: с одной стороны, право на свободу творчества, обеспеченное ему нормой ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, с другой, интеллектуальное авторское право на его произведение, закреплённое за ним в ст. 1255 ГК РФ. Первое из этих прав относится к основным правам человека, принадлежащим каждому от рождения, второе — к субъективным гражданским правам, возникающим вместе с созданием объекта интеллектуальной собственности (произведения). Очевидно, что первое право, будучи имманентно присущим любому человеку в качестве элемента его гражданской правоспособности (ст. 18 ГК РФ), является юридической предпосылкой для обладания субъективными гражданскими правами, что позволяет конкретному автору создать произведение, а вместе с ним и способствует появлению у этого автора второго права — субъективного интеллектуального права, имущественная и неимущественная составляющие которого требуют разных подходов к их защите.

Как правило, защиту субъективных прав, связанных с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, ЕСПЧ обосновывает нормами ст. 1 Протокола № 1 (в части имущественных прав и интересов правообладателя) с учётом положений ст. 10 ЕКПЧ (в части личных неимущественных прав правообладателя) и ст. 8 ЕКПЧ (в части защиты третьих лиц от произвола правообладателя), что обеспечивает баланс между основными конфликтующими интересами:

- автора (создавать результат интеллектуальной деятельности) и общества (получать доступ к этому результату как к информации или как к воплощающему его материальному носителю);

¹ Лукьянова Е. Г. Институт прав человека в условиях новых вызовов // Современное право и государство в условиях новых вызовов: VIII Мальцевские чтения: мат. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23 апреля 2021 г. / под ред. Л. Е. Лаптевой, Е. Г. Лукьяновой. М., 2022. С. 27.

- автора (свободно выражать своё мнение) и общества (сохранять для каждого уважение и неприкосновенность личной и семейной жизни);

- автора (свободно распространять свои идеи) и государства (устанавливать определенные формальности и ограничения для обеспечения государственной безопасности и других общественно значимых интересов).

Как видно, в качестве прав человека ЕСПЧ защищает не интеллектуальную собственность в целом, а лишь её имущественные и отдельные неимущественные элементы, при условии, что они охватываются понятием конвенционных прав человека (в расширительном толковании ЕСПЧ). Поэтому в разрешении этих и подобных конфликтов главная цель видится в достижении баланса, во-первых, между частными интересами отдельных лиц, лежащими в основе как основных прав человека, так и субъективных интеллектуальных прав, во-вторых, между частными интересами отдельных лиц и публичными интересами общества и государства. Учитывая, что рассмотрение таких конфликтов в ЕСПЧ обусловлено неспособностью справиться с ними на национальном уровне, представляется, что основы баланса интеллектуальных прав с правами человека должны быть заложены уже на нём, в рамках самой национальной системы интеллектуальных прав.

Изложенное позволяет поддержать выдвинутое в литературе мнение о том, что субъективное интеллектуальное право не относится к основным правам человека, но отдельные его элементы защищаются в качестве таковых¹. Вместе с тем, учитывая предусмотренный статьёй 1226 ГК РФ «триединый» характер содержания интеллектуального права, хотелось бы уточнить. Возникающее в отношении всех объектов интеллектуальной собственности исключительное право, входящее в интеллектуальное, в силу своей природы целиком, во всех его проявлениях защищается как право на имущество. В то время, как возникающие лишь в предусмотренных ГК РФ случаях (то есть в отношении не всех объектов и в разном для каждого из них объёме) личные неимущественные и иные права защищаются в качестве прав человека лишь фрагментарно — в части их пересечения с ними. Это важно,

¹ Глоница В. Н. Интеллектуальная собственность и основные права человека: какова роль Европейского Суда по правам человека на пути достижения баланса интересов? С. 308.

прежде всего, для правообладателя, имеющего возможность защитить свои имущественные и некоторые личные неимущественные права в режиме конвенционных.

Что касается защиты конвенционных прав третьих лиц от произвола автора (или правообладателя), то для этого в отношении интеллектуальных прав последнего должны быть предусмотрены соответствующие постоянно меняющимся потребностям информационного общества законодательные изъятия и ограничения, анализ законности, необходимости и соразмерности которых проверяется закреплённым в ЕКПЧ и получившим отражение в правовых позициях ЕСПЧ трехступенчатым тестом, в соответствии с которым: (1) эти изъятия и ограничения должны предусматриваться законом в понятной и доступной для всех форме (принципы правовой определённости, предсказуемости и прозрачности); (2) они должны быть направлены на достижение одной из особо значимых целей, перечисленных в ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 10 ЕКПЧ и ч. 2 ст. 1 Протокола № 1 (принцип легитимности); (3) они должны быть необходимыми, выступая наименее жёсткими мерами, соответствующими вышеуказанным целям (принципы необходимости и соразмерности).

Таким образом, в сопоставлении с конвенционным правом на свободу выражения мнения (с вытекающими из него свободой получения и распространения информации, доступа к достижениям культуры и искусства, правом на образование) объём интеллектуальных прав на произведение (особенно принадлежащих не самому автору, а иным правообладателям), предусмотренный Гражданским кодексом РФ, представляется избыточным, в связи с чем предлагается:

- расширить свободу некоммерческого использования произведения в личных целях, исключив из п. 1 ст. 1273 ГК РФ неопределённое положение, допускающее указанное использование только «при необходимости»;

- сократить срок действия исключительного права на произведение до 50 лет после смерти автора, что соответствует положению ст. 7 (4) Бернской конвенции¹ и не нарушает иных международных соглашений. Для этого — в ст. 1281 ГК РФ

¹ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

внести изменения, заменив по всему тексту статьи слова «семьдесят лет», на «пятьдесят лет» в соответствующем падеже.

В качестве **вывода** отметим, что защита прав человека в сфере интеллектуальной собственности, особенно в контексте использования новых технологий, потребовала от ЕСПЧ дополнительного толкования, прежде всего, трёх ключевых конвенционных прав — на защиту собственности (имущества), свободу выражения мнения и защиту частной жизни. И если первое из них для охвата всякого нуждающегося в защите действительного экономического интереса правообладателя подверглось со стороны ЕСПЧ расширительному толкованию, в основном соответствующему нашему пониманию исключительного права как имущественного по своей природе, то для каждого из двух других, с целью достижения справедливого баланса разнопорядковых конфликтующих интересов, ЕСПЧ признал возможность их ограничения, которое во всяком случае должно соответствовать трём критериям: основываться на законе, исходить из законных целей и быть минимально необходимым в рамках демократического общества.

3.3. Защита личного неимущественного права на частную жизнь в правовых позициях ЕСПЧ

Право человека на частную жизнь и её неприкосновенность является одним из основных элементов правового статуса личности, что объясняет повышенное внимание к нему в международных актах: ему посвящена не только статья 8 ЕКПЧ «Право на уважение частной и семейной жизни», но и специальная Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1165 (1998) о праве на неприкосновенность частной жизни¹. Гарантированность и полнота реализации этого права во многом определяет взаимоотношения человека как с государством, так и с

¹ О праве на неприкосновенность частной жизни, см: Resolution 1165 (1998) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe on the right to privacy // ECHR. Von Hannover v. Germany. Application no. 59320/00. Judgment of 24 June 2004. Para 42 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-61853> (дата обращения: 02.12.2023).

окружающими его членами общества. Поэтому для любого цивилизованного государства крайне важно его адекватное правовое регулирование как в публичной, так и в частноправовой сфере — для достижения цели свободного и полноценного развития каждой личности и сбалансированности гражданского общества в целом, а также для обеспечения эффективности государственной власти.

В литературе справедливо отмечается межотраслевой характер рассматриваемого права: «Юридическая категория «право на неприкосновенность частной жизни» рассматривается с точки зрения различных отраслей права, но в первую очередь — конституционного и гражданского. В конституционном праве — в аспекте «государство и личность», в гражданском — через отсутствие экономического содержания личных неимущественных прав»¹.

Ввиду отсутствия легального определения частной жизни человека в российской правовой доктрине она определяется по-разному. И.В. Кольчурин, обобщая характеристики данного понятия в различных отраслях, определяет её «как меру возможного поведения человека в частноправовой сфере, либо в сфере, не поддающейся прямому правовому регулированию со стороны государства, подкреплённую государственными запретами третьим лицам вторгаться в эту область»². Г.Б. Романовский отмечает многосторонний характер содержания частной жизни, включающей: круг неформального общения человека, складывающийся как по его воле, так и вынужденно; вынужденные связи лица, содержательно определяемые термином тайна (врачебная, адвокатская, нотариальная и т.п.); внутренний мир человека, охватывающий его личные переживания, мнения, убеждения, быт, досуг, хобби, привычки, характер, домашний уклад, симпатии и т.п.; семейные и родственные связи; религиозные и атеистические убеждения³. Очень ёмко о частной жизни

¹ Аберхаев Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // Акт. проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 91.

² Кольчурин И. В. О содержании понятия «частная жизнь» в российском конституционном и уголовном праве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы I Междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.) / отв. ред. О. А. Шульга. Пермь, 2012. С. 121.

³ Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. С. 64.

человека высказался М.В. Баглай, назвав её «своеобразным суверенитетом личности», означая неприкосновенность её «среды обитания»¹.

Частная жизнь, как личное неимущественное благо, является объектом соответствующего субъективного права — права на частную жизнь, — которое, по мнению Х. И. Гаджиева, представляет собой «достаточно широкое понятие и не просто охватывает желание человека сохранить тайность информации относительно его или ее личной жизни, но касается непосредственно стремления защитить неприкосновенность частной сферы от незаконного вмешательства, любых посягательств, способных ограничить или воспрепятствовать реализации простых и порой привлекательных сторон человеческой жизни, отражающих не просто наличие, но и состояние свободы личности. Одной из таких особенностей частной жизни является разработанное и широко применяемое «право быть в одиночестве»»².

В Европе право на неприкосновенность частной жизни, гарантированное статьёй 8 ЕКПЧ, было определено Консультативной ассамблеей Совета Европы в 1970 году как «право вести свою жизнь с минимальным вмешательством в неё других лиц»³, к чему ПАСЕ в 1998 году, учитывая, что в условиях развития новых коммуникационных технологий частная жизнь людей стала чрезвычайно выгодным товаром для определённых кругов СМИ, добавила также «право на контроль личных данных лица»⁴. На основе этих положений и прецедентной практики ЕСПЧ С. А. Шадрин выделяет следующие составляющие частной жизни: персональная идентификация, установление законных связей конкретного человека, его физическая (телесная) и моральная неприкосновенность, его индивидуальное пространство, сбор и

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2007. С. 219.

² Гаджиев Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 5.

³ Относительно Декларации о средствах массовой информации и правах человека: Резолюция № 428 (1970) Консультативной ассамблеи Совета Европы (Принята 23.01.1970 на 21-ой сессии) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 15. Ст. 1338.

⁴ О праве на неприкосновенность частной жизни: Резолюция ПАСЕ от 26.06.1998 № 1165. П. 5.

применение данных индивида, доступ к его персональной информации, половые взаимоотношения, социальная активность, профессиональные взаимоотношения¹.

Можно согласиться с распространённым в нашей доктрине утверждением о том, что «понятие «частная жизнь» является ситуативным и должно определяться исходя из конкретных обстоятельств дела. Право на частную жизнь в качестве права на физическую и интеллектуальную (психическую) неприкосновенность служит защите автономии (независимости) личности в обществе. Оно предоставляет управомоченному лицу возможность определять, когда, как и в какой степени информация о нём должна быть предоставлена третьим лицам»². Вместе с тем, именно указанное правомочие субъективного права на частную жизнь — правомочие, которое позволяет человеку самому определять степень распространенности информации о себе — представляется наиболее уязвимым для неоправданного законодательного сужения, что наглядно продемонстрировала относительно недавняя реформа отечественного гражданского законодательства.

В рамках этой реформы в ГК РФ, в главу 8 «Нематериальные блага и их защита», была введена и с 1 октября 2013 г. вступила в действие новая статья 152.2 «Охрана частной жизни гражданина»³, что стало реализацией заложенной в Концепции развития гражданского законодательства РФ общей идеи дополнить ГК РФ «развёрнутой системой детальных правовых норм, имеющих целью регулирование и (или) защиту конкретных видов нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан ... максимально использовать не только достижения отечественной правовой науки, но и опыт других стран, имеющих в этой области развитое гражданское законодательство»⁴. Вряд ли поставленную цель можно признать вполне достигнутой, поскольку новелла лишь в некоторой степени детализировала одно из личных неимущественных прав — право на частную жизнь, — которое ещё ранее

¹ Шадрин С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 211-212.

² Алейникова В. В. Охрана частной жизни гражданина (ст. 152.2 ГК РФ): теоретический и правоприменительный аспекты // Закон. 2019. № 7. С. 187.

³ Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ.

⁴ Концепция развития гражданского законодательства РФ (одобрена 7.10.2009).

было закреплено в Конституции РФ, провозгласившей, что: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» (ч. 1 ст. 23); «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ч. 1 ст. 24).

Раскрывая указанные конституционные положения и содержание закреплённого в них субъективного права, КС РФ ещё до реформирования главы 8 ГК РФ в своих актах неоднократно отмечал, что «Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер»¹. Позднее КС РФ дополнительно уточнил, что, исходя из предписаний норм ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, «конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа»². Хотелось бы отметить, что первая половина данного тезиса звучит не совсем логично, поскольку «конфиденциальный» — означает «секретный, доверительный»³, что можно сказать отнюдь не о любой информации о частной жизни лица, которая, даже утратив свою секретность, думается, не перестаёт быть частной. Вместе с тем, другая половина тезиса не вызывает возражений — любая, даже не обладающая признаком конфиденциальности, информация о частной жизни гражданина должна относиться к сведениям ограниченного доступа.

К сожалению, отечественное позитивное регулирование пошло по пути сужения области распространения рассматриваемого конституционного права — неприкосновенность частной жизни, по сути, сводится законодателем лишь к обеспечению

¹ Определение КС РФ от 09.06.2005 № 248-О // Конституционный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33746.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

² Определение КС РФ от 28.06.2012 № 1253-О // Конституционный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision105722.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

³ Ожегов И. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 292.

конфиденциального характера информации о ней, а само право на частную жизнь — к праву на личную и семейную тайну, хотя первое представляется несколько шире по своему содержанию. Подтверждением такого неоправданного, на наш взгляд, сужения служит упомянутая новелла Гражданского кодекса РФ.

Пункт 1 статьи 152.2 ГК РФ конкретизировал приведённые выше положения Конституции РФ, установив правило о недопустимости без согласия гражданина осуществлять сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, если иное прямо не предусмотрено законом. Однако обращает на себя внимание установленное законодателем в этом же пункте ст. 152.2 ГК РФ исключение о том, что не являются нарушением указанного правила «сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле». Приведённая формулировка устанавливает два самостоятельных условия, оправдывающих указанные действия с информацией о частной жизни гражданина без его согласия: (1) эти действия совершаются в государственных, общественных или иных публичных интересах; (2) эта информация ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле. Буквально получается, что сам по себе факт того, что когда-то информация стала общедоступной, в том числе, была раскрыта самим гражданином либо кем-то по его воле, оправдывает сбор, хранение, распространение и использование этой информации, во-первых, в любых, и не только публичных, целях, во-вторых, даже независимо от того, приводит ли это к нарушению права лица, являющегося объектом такой информации, на частную жизнь. Второе из этих обстоятельств фактически лишает потерпевшего гражданско-правовой защиты от злоупотребления правом на получение информации о нём.

Очевидно, что при буквальном истолковании приведённых норм статья 152.2 не оправдывает своего назначения, обозначенного в её заголовке — охрана частной жизни гражданина. Практика показывает, что лица, уличённые в сборе, хранении, распространении или использовании какой-либо информации о гражданине, часто

в качестве основного доказательства правомерности своих действий ссылаются именно то, что эта информация якобы когда-то ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле. Это позволяет им как угодно долго «смаковать» такую информацию из праздного любопытства, искусственно поддерживать её «актуальность» для определённой аудитории, в том числе руководствуясь корыстными побуждениями, делая её ещё более общедоступной. При этом, что особо важно подчеркнуть, — без какой-либо общественно-значимой или иной публичной цели и невзирая на возможные неблагоприятные последствия для лица, информация о частной жизни которого стала предметом интереса. В условиях цифровизации информационного пространства эта проблема только усугубляется, подтверждением чего является порождённое развитием Интернета новое право человека — «право на забвение» («right to obscurity»), — которое аналогичным образом конфликтует с правом на общественную значимость удалённой информации¹.

Представляется, что общедоступность информации о частной жизни лица сама по себе не должна быть оправданием нарушения права на её неприкосновенность путём сбора, хранения, распространения и использования. В этой связи показательным является дело 2010 года «Алексей Овчинников против России», в котором ЕСПЧ отметил, что «при определённых обстоятельствах ограничение на воспроизведение информации, которая уже стала общедоступной, может быть оправданным, например, для предотвращения дальнейшего публичного обсуждения подробностей частной жизни лица, когда такое обсуждение не является частью политической или публичной дискуссии по вопросу, представляющему общественный интерес»². Тем самым случаи допустимого вмешательства в частную жизнь путём

¹ Оганесян Т. Д. Право быть забытым: Европейский суд по правам человека в поисках необходимого баланса // Международное правосудие. 2022. № 1. С. 32-56; Rengel A. Privacy as an International Human Right and the Right to Obscurity in Cyberspace // Groningen Journal of International Law, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 33-54, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2599271> (дата обращения: 10.12.2023); Anderson H. R. The Mythical Right to Obscurity: A Pragmatic Defense of No Privacy in Public // I/S: A Journal of Law & Policy for the Information Society, 2012, vol. 7:3, pp. 543-602, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1759374> (дата обращения: 10.12.2023).

² ECHR. Aleksey Ovchinnikov v. Russia. Application no. 24061/04. Judgment of 16 December 2010. Para 50 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-102322> (дата обращения: 02.12.2023).

использования общедоступной информации о ней оправданно предлагается ограничить критерием общественно-значимого интереса.

Поддерживая такой подход, КС РФ указал, что к общественному интересу следует относить «не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде», и что при этом необходимо разграничивать служащее цели информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес, сообщение о фактах, которое способно оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например, исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщение подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью¹. Заметим, что такая трактовка порождает риск ослабления защиты частной жизни лиц, занимающихся публичной деятельностью, поскольку у них тоже есть частная жизнь и её подробности зачастую автоматически переносятся в разряд открыто обсуждаемых фактов. Поэтому помимо самой по себе публичности лица дополнительным необходимым условием доступности конкретной информации о нём должен являться также общественно-значимый интерес к ней, не сводящийся к удовлетворению обывательского любопытства к его частной жизни либо извлечению прибыли.

В правовой доктрине границы допустимого вмешательства предлагается дифференцировать по ряду направлений, одним из которых является возможность индивидуального контролировать доступную информацию о самом себе — решать, в какое время, каким образом и в каком объёме данные о личности могут стать общеизвестными или быть сообщёнными иным лицам. Такие границы «частного» не являются абсолютными, а в значительной мере обуславливаются контекстом, в

¹ Определение КС РФ от 12.02.2019 № 274-О // Вестник КС РФ. 2019. № 3. Примечательно, что характеристику общественного интереса КС РФ дословно воспроизвёл из разъяснения ВС РФ, касающегося свободного использования изображения гражданина (п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8).

котором устанавливаются нормы защиты индивидуальной жизни и требования к тому, что может и что должно раскрываться для социума¹.

Примером признания российским законодателем необходимости предоставления любому индивиду возможности самому контролировать доступность информации о себе, в частности в Интернете, является закрепление в 2015 году в ст. 10.3 закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² «права на забвение» или «право быть забытым» («right to be forgotten»), которое представляет собой возможность гражданина заявить оператору поисковой системы требование о прекращении выдачи ссылок на информацию о нём в случаях, предусмотренных законом (когда она распространяется с нарушением законодательства, является недостоверной, неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или его действий), за исключением информации, указанной в законе (о событиях, содержащих признаки преступлений, по которым не истекли сроки привлечения к уголовной ответственности, и о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость). Тем самым законодатель, разграничив частный и общественный интерес, постарался установить справедливый баланс между конкурирующими ценностями (неприкосновенность частной жизни, доступ к информации и свобода слова), поскольку невыдача ссылок лишь ограничивает доступ к информации, но не исключает её. Важно отметить, что послуживший образцом тест для установление такого баланса был ранее успешно применён в ряде рассмотренных ЕСПЧ дел³.

Что касается положения п. 1 ст. 152.2 ГК РФ о возможном распространении ставшей ранее общедоступной информации о частной жизни лица, то КС РФ, применительно к деятельности СМИ, указал на необходимость толковать его во

¹ Шадрин С. А. Указ. соч. С. 213.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

³ ECHR. Von Hannover v. Germany. Application no. 59320/00. Judgment of 24 June 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61853> (дата обращения: 02.12.2023); ECHR. Axel Springer AG v. Germany. Application no. 39954/08. Judgment of 7 February 2012 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109034> (дата обращения: 02.12.2023).

взаимосвязи с нормами Закона РФ «О средствах массовой информации», ст. 57 которого исключает ответственность СМИ за распространение сведений, в том числе ущемляющих права и законные интересы граждан, если они, в частности, являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространённых другим СМИ, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение. Вместе с тем, КС РФ считает справедливым возложение ответственности на субъекта, своими незаконными действиями создавшего возможность дальнейшего распространения сведений о частной жизни лица (особенно в Интернете), «учитывая, к тому же, что средство массовой информации, допустившее повторное воспроизведение таких сведений, как правило, не осведомлено о наличии или отсутствии согласия лица на их обнародование»¹.

На сегодняшний день более адекватно рассматриваемая проблема в российском законодательстве решена в отношении права на изображение — без согласия гражданина обнародование и использование его изображения допустимо в силу подп. 1 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, то есть когда имеет место публичный интерес, в частности, как разъясняет Пленум ВС РФ, если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), и при этом обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Но даже в этих случаях законодательно установлена обязательность получения согласия гражданина, если единственной целью обнародования и использования его изображения является удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли². Представляется, что необходимость такого согласия следует законодательно закрепить и в отношении информации о частной жизни, пусть даже и ставшей ранее общеизвестной, когда её использование не связано с удовлетворением государственных, общественных и иных публичных интересов. Для этого в абз. 2 п. 1 ст. 152.2

¹ Определение КС РФ от 12.02.2019 № 274-О.

² Пункт 44 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25.

ГК РФ предлагается внести следующие изменения: фразу «а также в случаях» заменить на «в том числе, в случаях».

Фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни (статьи 23 и 24 Конституции РФ, ст. 8 ЕКПЧ) в определённых случаях сталкивается с другим не менее значимым в демократическом государстве правом — на свободу мысли и слова, свободу СМИ (ст. 29 Конституции РФ, ст. 10 ЕКПЧ). В этой связи Конституционный Суд РФ ориентирует российские суды «на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них — с другой»¹. Очевидно, что даже при сходстве прочих обстоятельств этот баланс будет существенно различаться при обеспечении права на неприкосновенность частной жизни лиц разной степени публичности, хотя, как справедливо отмечает КС РФ, сама по себе такая публичность не делает информацию о частной жизни общественно значимой². Поэтому для адекватной оценки соотношения конкурирующих прав не менее важным представляется ещё одна правовая позиция, сформулированная ЕСПЧ в деле «Алексей Овчинников против России»: «в делах о публикациях, касающихся подробностей частной жизни лица с единственной целью удовлетворения любопытства отдельных читателей, право лица на эффективную защиту его или её частной жизни имеет приоритет над журналистской свободой выражения мнения»³. Тем более, праву лица на эффективную защиту его частной жизни, по мнению ЕСПЧ, должен уступить коммерческий интерес СМИ⁴.

Интересно отметить направления развития европейской правовой мысли в этом вопросе: ещё в 1998 году Парламентская ассамблея Совета Европы, подтверждая значимость права каждого человека на неприкосновенность его частной жизни и права на свободу выражения мнения как основополагающих для демократического

¹ Определение КС РФ от 26.11.2018 № 3087-О // Конституционный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision380736.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

² Определение КС РФ от 12.02.2019 № 275-О // Вестник КС РФ. 2019. № 3.

³ ECHR. *Aleksey Ovchinnikov v. Russia*. Para 50.

⁴ ECHR. *Von Hannover v. Germany*. Para 77.

общества, указала, что «Эти права не являются абсолютными, но и не превалируют одно над другим, так как являются равноценными»¹. Все-таки нельзя не признать, что в современном мире развитие коммуникационных и иных технологий расширяет возможности для реализации права на свободу информации и выражения мнения, что, в свою очередь, требует дополнительной защиты противостоящего ему права на неприкосновенность частной жизни с целью поддержания указанного баланса. В частности, А. В. Колосов, опираясь на практику ЕСПЧ, справедливо отмечает, что «Любое государство при применении новых информационных технологий должно способствовать достижению баланса между публичными и частными интересами»². Общеправовой принцип баланса интересов, в процессе регулирования отношений, возникающие по поводу информации о частной жизни гражданина, позволяет конкретизировать гражданско-правовые принципы: необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела.

Таким образом, право знать о частной жизни гражданина без его согласия может быть оправдано, как минимум, необходимостью обеспечения общественно-значимого (публичного) интереса в отношении него, причём рассматриваемой в конкретных обстоятельствах, то есть независимо от степени его публичности.

Вывод: Положения ст. 152.2 ГК РФ в существующей редакции не предоставляют достаточной защиты частной жизни гражданина, поскольку сбор, хранение, распространение и использование без его согласия информации о его частной жизни в случаях, когда такая информация ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле, также может являться нарушением права на охрану его частной жизни, если указанные действия совершаются не с целью обеспечения публичной дискуссии по вопросу, представляющему

¹ Resolution 1165 (1998) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe on the right to privacy. Para 11 // ECHR. Von Hannover v. Germany. Application no. 59320/00. Judgment of 24 June 2004. Para 42 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61853> (дата обращения: 02.12.2023).

² Колосов А. В. Международная защита прав в сфере информационных отношений (на примере практики Европейского Суда по правам человека) // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 104.

общественный интерес, а исключительно для удовлетворения обывательского интереса или получения прибыли.

В этой связи норма второго абзаца п. 1 ст. 152.2 ГК РФ требует уточнения, как минимум, устанавливающего ограничение на сбор, хранение, распространение и использование информации о гражданине, даже ранее ставшей общедоступной, в том числе распространённой им самим или по его воле, в тех случаях, когда это приводит или способно привести к не оправданному общественно-значимыми интересами нарушению права лица на частную жизнь. С этой целью, основываясь на рассмотренной позиции ЕСПЧ, предлагается ограничить установленное в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ исключение из общего правила, сохранив правомерность сбора, хранения, распространения и использования без согласия гражданина информации о его частной жизни только в государственных, общественных или иных публичных интересах.

ГЛАВА 4. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ НА РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

4.1. Значение правовых позиций ЕСПЧ для гражданского права России

Каждый гражданин, исчерпав все внутригосударственные средства защиты своих прав, вправе обратиться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ст. 46 Конституции РФ). Особое место среди международных судов занимал для нас Европейский Суд по правам человека, постановления которого подлежат обязательному исполнению государством, в отношении которого они вынесены. Удачно сформулированные в окончательных решениях подобных судов и закрепившиеся в их последующей практике правила — правовые позиции — обязательны к учёту в правоприменении, что обуславливает их влияние на развитие международной и национальной юриспруденции.

В рамках рассматриваемых дел ЕСПЧ производит единообразное толкование норм Конвенции, содержание которых при этом существенно уточняется и дополняется, что делает его практику важным источником сформировавшихся в Европе стандартов прав человека. Признание обязательности юрисдикции ЕСПЧ по вопросам толкования и применения ЕКПЧ говорит о необходимости применения её положений в интерпретации данного суда. Вместе с тем, принцип свободы усмотрения, выступая элементом правовой основы взаимодействия ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций, означает, что «национальные суды могут самостоятельно оценить соответствующие стандарты прав, гарантированных ЕКПЧ, в ходе правоприменения при осуществлении правосудия по гражданским делам»¹. Н. Н. Липкина определяет такую свободу усмотрения государства как «основанное на нормах Конвенции, ограниченное необходимостью соблюдения принципа пропорциональности и имеющее основной целью эффективное обеспечение прав и свобод человека, закреплённых в Конвенции, право государства при наличии разумных и

¹ Любченко М. Я. Указ. соч. С. 12.

достаточных оснований осуществлять предусмотренное внутригосударственным правом вмешательство в гарантированные Конвенцией права и свободы»¹.

Отсутствие в современной науке общепризнанного теоретического учения о видах доктрины не позволяет, по мнению О. В. Зайцева, провести чёткое разграничение научных доктрин и доктринальных положений судебной практики. Учёный утверждает, что «право на выработку правовых позиций, обладающих свойствами, позволяющими считать их источниками права, ...может быть признано исключительно за высшими судебными органами России»². Из этого, действительно, логично следует, что Верховный Суд РФ стал выразителем разработанной европейской правовой традицией идеи верховенства прав человека, указав, что окончательные постановления ЕСПЧ, принятые в отношении России, обязательны для российских судов, а постановления, принятые в отношении иных государств, должны учитываться судами при рассмотрении дел с аналогичными обстоятельствами³. Высший Арбитражный Суд РФ ещё ранее этого указывал на взаимосвязь компетенции российских арбитражных судов и ЕСПЧ при рассмотрении имущественных споров, что было обусловлено общностью задачи как ЕСПЧ, так и национальных судов в защите имущественных прав частных лиц. В связи с этим ВАС РФ составил учитывающие позиции ЕСПЧ рекомендации по применению ст. 6 ЕКПЧ, ст. 1 Протокола № 1 и обязал все российские арбитражные суды принимать их во внимание⁴.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 392) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 311) до 11 июня 2022 года называли в качестве основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов установление постановлением ЕСПЧ факта нарушения положений ЕКПЧ при рассмотрении судом конкретного дела, что делало обязательными для исполнения правовые позиции ЕСПЧ, сформулированные в его окончательном решении по этому делу.

¹ Липкина Н. Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

² Зайцев О. В. Указ. соч. С. 261.

³ Пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 21.

⁴ Информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341.

Намерение России их исполнять подтверждает и то, что федеральный бюджет РФ, начиная с 1998 года, ежегодно заранее предусматривал определённые расходы для приведения российской правоприменительной практики в полное соответствие с обязательствами страны, вытекающими из участия в ЕКПЧ. Так, на выплату денежных компенсаций истцам по решениям ЕСПЧ в период 2022-2024 годов была предусмотрена ежегодная сумма в размере 540 миллионов рублей¹.

Возвращаясь к частноправовой сфере, прежде всего, отметим, что в соответствии с Гражданским кодексом РФ гражданское законодательство включает общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры России, что делает их частью российской правовой системы; а международные договоры применяются к гражданским правоотношениям непосредственно, кроме случаев необходимости издания внутригосударственного акта. Если гражданско-правовая норма расходится с правилом, закреплённым в международных договорах, ГК РФ устанавливает приоритет международного договора (п. 2 ст. 7 ГК РФ). Однако, как отмечает Н. Н. Павлова, признавая международные договоры частью правовой системы, ГК РФ прямо не обозначает их место в ряду источников внутреннего права, помещая их за пределами такого ряда, что представляется наиболее оправданным и соответствующим правовым реалиям². Далее ученый приходит к выводу о том, что решения ЕСПЧ, входя в состав правовой системы, не являются источниками российского гражданского права, т.к. «источники права, входящие в качестве неотъемлемого элемента в международно-правовую систему, не могут одновременно относиться к числу национальных (российских) источников права»³.

Из буквального толкования ст. 7 ГК РФ, следует, что Конвенция, являясь ратифицированным Россией международным договором, и, следовательно, частью российской правовой системы, в правоприменении имела приоритет в силу

¹ См., подп. 6 п. 1 ст. 21 Федерального закона от 6.12.2021 № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // Рос. газета. 2021. 10 дек.

² Павлова Н. Н. Современная система источников российского гражданского права (на базе сравнительно-правового анализа законодательства государств постсоветского пространства): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 130.

³ Там же. С. 132, 133.

провозглашённого примата правил международного договора. В. Д. Зорькин по этому поводу заметил, что Конституция РФ содержит в себе механизм, позволяющий вводить в российскую правовую систему новые принципы и нормы, равно как и международные договоры, а также обновлять существующие по мере их развития¹. Продолжая мысль, добавим, что поскольку ЕКПЧ была имплементирована в правовую систему России и имела приоритет к федеральным законам (ч. 4 ст. 15 Конституция РФ), постановления ЕСПЧ, отражающие в своих правовых позициях конвенционные общепризнанные принципы и нормы международного права, также являлись составной частью российской правовой системы. Одновременно с этим, в силу положений статей 15 и 17 Конституции РФ, ЕКПЧ действовала как конституционный инструмент признания, реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Подчеркнём, что ещё до резонансных решений Конституционного Суда РФ и последовавшей затем конституционной реформы у специалистов не вызывало особых сомнений, что положение ст. 15 Конституции РФ о приоритете ЕКПЧ к федеральным законам, вовсе не означает её приоритет над конституционными нормами. И в большинстве входящих в Совет Европы стран (кроме Бельгии и Нидерландов) именно национальная конституция имеет безусловный приоритет над ЕКПЧ, которой в иерархии источников права отводится роль либо наравне с законами, либо между ними и конституцией². В связи с этим заслуживает внимание вывод М. А. Филатовой о том, что решение вопроса об иерархическом соотношении национальных и наднациональных норм предопределяет правовую конкуренцию ЕСПЧ с национальными (прежде всего, конституционными) судами³.

¹ Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда РФ в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Материалы VIII Международного форума по конституционному правосудию. М., 2006. С. 178.

² Исполинов А. С. Диалектика взаимодействия конституционного и международного правосудия на примере Европейского Суда по правам человека. С. 323.

³ Филатова М. А. Конституционные нормы в соотношении с другими правовыми порядками: инструмент сопротивления или взаимодействия? // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / под общ. ред. В. В. Лазарева. М., 2020. С. 188.

На основе указанных конституционных норм КС РФ определил место постановлений ЕСПЧ в правовой системе России: «...Россия признала юрисдикцию ЕСПЧ и обязалась привести правоприменительную, в том числе судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в ЕКПЧ и Протоколах к ней...»¹, уточнив по поводу обязательности толкования ЕКПЧ именно в интерпретации ЕСПЧ, что Конвенция и решения ЕСПЧ — «в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, даётся толкование содержания закреплённых в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права». В данном уточнении важна подчёркнутая КС РФ необходимость руководствоваться правовыми позициями ЕСПЧ не только судебным и иным правоприменительным, но и законодательным органам, что дополнительно подтверждает вывод об особой нормативности правовых позиций ЕСПЧ. В этой связи В. М. Жуйков отмечает значение постановлений ЕСПЧ в трёх направлениях: (1) в отношении рассмотренного российскими судами и обжалованного в ЕСПЧ конкретного дела (пересмотр решений по нему по новым обстоятельствам в случае выявления допущенных при его рассмотрении нарушений ЕКПЧ); (2) в отношении судебной практики в целом (использование правовых позиций ЕСПЧ: всеми судами — при рассмотрении других дел, а Верховным Судом РФ — при формировании обзоров и разъяснений по вопросам судебной практики); (3) в отношении законодательства (его изменение в целях исполнения международных обязательств и обеспечения защиты прав и свобод граждан, когда объективная необходимость этого вызвана решением ЕСПЧ)².

¹ По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова: Постановление КС РФ от 25.01.2001 № 1-П // Собр. законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

² Жуйков В. М. Российское законодательство и международное право: проблемы взаимодействия на основе Конституции Российской Федерации // Закон. 2020. № 3. С. 122.

Рассуждая о роли конституционных судов европейских стран в воздействии решений ЕСПЧ на внутригосударственные общественные отношения, Г. Гаджиев образно сравнил их «с ретрансляционными башнями, обеспечивающими проникновение благотворных волн европейского права во внутреннее правовое пространство», благодаря чему «возникает эффект прямого действия решений Европейского Суда, которые фактически приобретают значение источника права»¹.

Сформировавшийся по поводу механизма исполнения окончательных постановлений ЕСПЧ подход Конституционного Суда РФ сводился к следующему: «поскольку национальный судебный акт не подлежит пересмотру в системе международной юрисдикции, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления ЕСПЧ, в том числе констатирующие такие нарушения ЕСПЧ, для устранения которых требуется отмена судебных актов, вынесенных в рамках национальной юрисдикции, обуславливает, таким образом, введение в национальном законодательстве механизма восстановления прав заинтересованных лиц в случае, если эти права не могут быть восстановлены путём присуждения и выплаты одной лишь денежной компенсации»².

Такой подход сохранялся до 2015 года, когда Конституционный Суд РФ, в силу определённых политико-правовых оснований, создал механизм, позволяющий не исполнять постановления ЕСПЧ в случае, если это исполнение приведёт к нарушению конституционных принципов и норм: «если постановление ЕСПЧ, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений ЕКПЧ, приводящем к их противоречию с Конституцией РФ, такое постановление — по смыслу статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции РФ — не может быть исполнено»³. Данный вопрос подлежал разрешению в порядке конституционного

¹ Гаджиев Г. Введение // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Сборник докладов. М., 2006. С. 5.

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой: Постановление КС РФ от 26.02.2010 № 4-П // Собр. законодательства РФ. 2010. № 11. Ст. 1255.

³ Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

судопроизводства. Недавняя конституционная реформа¹, затронувшая, в том числе, и указанные статьи Конституции РФ, этот механизм сохранила, что обнадеживает, поскольку, в чём согласимся с С. Ф. Афанасьевым, «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, являясь самоисполнимым и непосредственно действующим региональным международным договором, доминируя над рядовыми отечественными юридическими предписаниями, не должна вступать в противоречие с нормами конституционного характера»². По мнению профессора Берлинского университета А.Бланкенагеля, проблема обусловлена тем, что «не хватает механизма, который разрешил бы вариант исполнения решений Европейского Суда без их проникновения во внутригосударственное правовое пространство, если таковое исполнение является нарушением национального права, которое оказывается выше ЕКПЧ по рангу»³.

Конституция РФ и ЕКПЧ, несмотря на их принципиально различный характер, стратегически, в общем деле защиты прав и свобод граждан, обе нацелены на союзническое взаимодействие, поскольку в случае их конфронтации неизбежны сложности и в осуществлении основных функций соответствующих судов — как Конституционного Суда РФ, так и Европейского Суда по правам человека. Поэтому оставалось надеяться, что послужившие поводом для столь радикальной реакции со стороны Конституционного Суда РФ постановления ЕСПЧ⁴ не приведут к критическому противостоянию их правовых позиций.

Согласно базовому принципу международного права, государство обязано соблюдать международный договор, участником которого оно является, не нарушать

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Афанасьев С. Ф. Указ. соч. С. 14.

³ Бланкенагель А. «Прощай, Совет Европы!» или «Совет Европы, давай поговорим!»?: Комментарий к Постановлению Конституционного Суда России от 19 апреля 2016 года об исполнении Постановления ЕСПЧ по делу Анчугова и Гладкова от 4 июля 2013 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 149.

⁴ ECHR. ОАО Neftyanaya Kompaniya YUKOS. — по делу обжаловалось решение налогового органа о привлечении к ответственности за подачу неполных налоговых деклараций в отношении некоторых налогов, поскольку нарушены требования п. 1 и подп. "b" п.3 ст. 6 ЕКПЧ, а также ст. 1 Протокола № 1.

международные обязательства и добросовестно их выполнять (ст. 26 Венской Конвенции о праве международных договоров)¹. Очевидно, что это в полной мере относится и к ЕКПЧ в период участия в ней России. Отсылка на внутреннее право (кроме норм «особо важного значения») также не может являться оправданием неисполнения международного договора (ст. 27 Венской Конвенции о праве международных договоров), поскольку ратификация ЕКПЧ сделала обязательным для России соблюдение тех базовых стандартов и принципов, которые заложены в документе. В рассматриваемом ключе нельзя не упомянуть, что Россия, в соответствии с принятым ещё в 1995 году федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации»², выразила приверженность принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Необходимо обеспечение баланса, с одной стороны, в сохранении национальной правовой уникальности, основанной на принципе субсидиарности в деятельности ЕСПЧ и «доктрине поля усмотрения государств» (государство имеет право на определённую степень усмотрения, подлежащую надзору со стороны европейских учреждений, когда оно предпринимает законодательные, административные или судебные действия в области конвенционных прав³), с другой — в бережном, адекватном отношении к ЕКПЧ. Подобное движение требует взаимных уступок и межгосударственного диалога. Согласимся с тем, что выбранная Конституционным Судом РФ позиция по контролю над решениями ЕСПЧ вытекает из целей предотвращения узурпации власти каким-либо органом (парламент, президент или международный суд), а конкуренцию между национальными конституционными судами и ЕСПЧ следует рассматривать как часть механизма сдержек и противовесов на фоне тенденции конституционализации ЕКПЧ и ЕСПЧ⁴.

¹ Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

² Федер. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

³ Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Указ. соч. С. 18.

⁴ Исполинов А. С. Диалектика взаимодействия конституционного и международного правосудия на примере Европейского Суда по правам человека. С. 330.

В своей правоприменительной практике Конституционный Суд РФ неоднократно ссылался на нормы ЕКПЧ, в том числе в их толковании, исходящем из правовых позиций ЕСПЧ, фактически признавая за ними такой признак нормативности, как способность к многократному применению для регулирования типичных, повторяющихся общественных отношений. Указывая федеральному законодателю и правоприменительным органам на обязанность их учитывать, КС РФ фактически подтвердил и другой признак нормативности правовых позиций ЕСПЧ — возможность их использования неопределённым числом субъектов. Из обоих этих признаков логически вытекает третий — возможность применения правовых позиций ЕСПЧ в отношении неопределённого круга лиц, что обусловлено также и отсутствием их индивидуализации в самих правовых позициях. Характер нормативности правовым позициям ЕСПЧ придают и другие, очевидно, характерные для них признаки: формирование их уполномоченным на это субъектом в пределах его компетенции; наличие в их содержании правила поведения; направленность на урегулирование общественных отношений. При этом правовая позиция ЕСПЧ не является нормой права, поскольку представляет собой лишь эволютивное толкование положений ЕКПЧ судебным органом, не обладающим компетенцией законодателя.

Представляется логичным, что признак нормативности правовой позиции распространяется и на содержащее её в своей мотивировочной части постановление ЕСПЧ, соединяясь в нём с признаком индивидуального правового акта, выраженном в его резолютивной части. В этом заключается важная особенность постановления ЕСПЧ, обусловленная его прецедентным характером, которая позволяет ему гармонично сочетать в себе функции нормативного толкования и правоприменения. Наличие указанных признаков, в свою очередь, позволяет одновременно отнести его к интерпретационным и правоприменительным актам, что характеризует постановление ЕСПЧ как смешанный правовой акт — явление «достаточно распространённое во всех правовых системах и разновидностях юридической практики»¹. Устойчивый характер и взаимосвязь указанных признаков, а также

¹ Кивленок Т. В. Смешанные правовые акты как вид атипичных правовых актов // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 260.

функциональная направленность постановления ЕСПЧ и возможность формирования в нём нескольких правовых позиций — позволяют квалифицировать его как правоприменительный правовой акт с интерпретационными элементами, образующими его правотворческую составляющую.

Таким образом, именно правовые позиции ЕСПЧ, в силу присущего им признака нормативности, оказывают основное влияние на гражданское право, что выражается как в устранении отдельных пробелов в гражданском законодательстве и совершенствовании основанной на нём правоприменительной практики, так и в развитии доктринальных подходов к регулированию гражданских правоотношений.

Вывод. Постановления ЕСПЧ имеют правотворческую составляющую, выраженную в их нормативности, которая обеспечивается при помощи юридической категории «правовая позиция ЕСПЧ», содержащейся в окончательных постановлениях Суда. Под правовой позицией ЕСПЧ следует понимать — правило поведения, вырабатываемое данным судом в ходе эволютивного толкования норм ЕКПЧ и применяемое им в своей последующей практике, степень обязательности которого для каждого государства определяется его органом конституционного правосудия.

В период пребывания России под юрисдикцией ЕСПЧ правотворческая составляющая его постановлений выражалась в обязательности учёта содержащихся в них правовых позиций при толковании конвенционных прав и свобод не только для российских судов, рассматривающих аналогичные дела, но и для российского законодателя, который должен был определять регулирование общественных отношений, в том числе входящих в предмет гражданского права, в соответствии с положениями ЕКПЧ в истолковании ЕСПЧ. С выходом России из-под указанной юрисдикции обязательность сохраняется только для принятых в отношении России решений, вступивших в силу до 16 марта 2022 года. Вместе с тем, правовые позиции ЕСПЧ, в силу концентрации в них передовых и авторитетных европейских юридических наработок, сохраняют своё значение в качестве важного предмета сравнительно-правового научного исследования.

4.2. Механизм влияния правовых позиций ЕСПЧ на гражданское право России

Несмотря на политически и идеологически обусловленное обострение всеобщего внимания к правам человека, в целом, и к ЕСПЧ, как одному из главных их проводников на надгосударственном уровне, в частности, многие юридические аспекты практической деятельности этого международного судебного органа остаются в недостаточной мере раскрытыми и изученными. Это обстоятельство затрудняет как эффективное использование правозащитного потенциала ЕСПЧ, так и осознание его общей значимости в деле защиты прав человека, что и ранее позволяло многим учёным и практикам ставить под сомнение как целесообразность нахождения под его юрисдикцией, так и необходимость самого его существования. Многие граждане, и не только юристы, в этой связи задаются вопросом: что России давало пребывание в Совете Европы и подчинение себя нормам ЕКПЧ?¹ В рамках рассматриваемой темы речь в этом смысле, прежде всего, должна идти о механизме влияния правовых позиций ЕСПЧ на национальное позитивное право, вообще, и гражданское право, а также отражающее его законодательство, в частности.

Если европейские учёные (например, председатель Конституционного суда Болгарии, член Европейской комиссии за демократию через право, профессор Е. Танчев²) в целом предсказуемо утверждают, что осуществление решений ЕСПЧ национальными судами способствует демократизации национального права и в целом повышает качество защиты прав человека, то российские авторы более сдержанны в суждениях: по мнению Д. Т. Караманукяна, «от того, каким образом и в какой форме решения Европейского суда влияют на национальные правовые системы, зависит качество реализации и эффективность исполнения решений Европейского

¹ См., например: Чиков П. Невидимая рука Страсбурга: зачем России Европейский суд по правам человека // Forbes : сайт. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/410495-nevidimaya-ruka-strasburga-zachem-rossii-evropeyskiy-sud-po-pravam-cheloveka>. Дата публикации: 6.10.2020.

² Танчев Е. Проблемы осуществления европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в Болгарии // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 73.

суда»¹. Сложность рассматриваемой проблемы связана, прежде всего, с тем, что содержащие правовые позиции решения ЕСПЧ одновременно относятся и к системе международного права, в которой опираются на международные обязательства государств – участников ЕКПЧ, и к системе национального права, в которой осуществляется их непосредственное исполнение государственными органами.

Исследуя вопрос о месте решений ЕСПЧ в системе источников российского права, И. С. Метлова отмечала их воздействие не только на российское законодательство и основанную на нём правоприменительную практику, но также на юридическую науку и правосознание граждан, с чем трудно не согласиться. По мнению автора, такое воздействие выражалось в выполняемых этими решениями функциях источника права, под которыми понимаются «направления правового воздействия принимаемых Европейским Судом правовых актов, содержащих нормативные правовые положения, на правовую систему государств – участников Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отражающие роль Европейского Суда как органа международного правосудия»². Помимо общих функций (регулятивная, охранительная и др.), решения ЕСПЧ «выполняют ряд своих специфических функций: толковательную, формирования опыта применения Конвенции и Протоколов к ней, совершенствования законодательства и правоприменительной практики, совершенствования правосудия, информационную, воздействия на правосознание, взаимодействия с наукой и развития правовой доктрины»³.

Даже не претендующий на исключительную полноту анализ приведённых выше в настоящем исследовании правовых позиций ЕСПЧ позволяет утверждать, что их влияние, безусловно, имело место. И основано оно, прежде всего, на характере их регулирующего воздействия — правовые позиции данного судебного органа не просто играли роль объекта для сравнительно-правового научного исследования

¹ Караманукян Д. Т. Акты Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе. Омск, 2013. Текст : электронный. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17626&cacheid=C272EFE410F2D8B2F7DDDB58E9D30714&mode=splus&rnd=3p1vd4UWTnjlgScw#2r0yd4Ueh2zL1Y3s>. Дата публикации: 26.08.2013. Режим доступа: по подписке.

² Метлова И. С. Указ. соч. С. 20.

³ Там же. С. 10-11.

или образца для судебного правотворчества (включающее уяснение, толкование и правоприменение, отправляясь от конкретной нормы¹) и законодательного нормотворчества (создание нормы), но и полноценно выступали непосредственным правовым регулятором внутригосударственных гражданских отношений, источниками которого являются постановления ЕСПЧ, прежде всего пилотные, которые Т. Н. Нешатаева относит к «жестким прецедентам»². Это подтверждает и зарубежная правовая доктрина, признавая пилотные постановления «формой судебного декрета о сотрудничестве между Судом и национальными парламентами и оказывают катализирующее воздействие на внутренний демократический законодательный процесс»³.

Указанное влияние, к сожалению, не было в достаточной мере закреплено у нас на законодательном уровне и столь же слабо было систематизировано. Рассматривая особенности исполнения решений ЕСПЧ в России, Т. Э. Шуберт справедливо отмечал ряд недостатков и недоработок: «механистический характер их исполнения; отсутствие системного подхода к анализу законодательства; невыявление причин возникновения несоответствия нормативных актов Конвенции о защите прав человека и основных свобод; отсутствие координации действий органов, исполняющих решения ЕСПЧ; несовершенство бюджетных процедур и недостаточность денежных средств»⁴. Ряд препятствий в реализации постановлений ЕСПЧ выявляет также Т. В. Соловьева, указывая на: (1) недостаток бюджетных средств, (2) несогласие органов власти с существом отдельных постановлений (отрицание возможности оказания политического давления на государство), (3) неполноценное информационное обеспечение (отсутствие официальных переводов текстов постановлений и несвоевременное их доведение до сведения органов и должностных лиц),

¹ Гаджиев Х. И. Судебное правотворчество и международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 120.

² Нешатаева Т. Н. Суд и право: евразийская интеграция. М., 2024. С. 150.

³ Fynys M. Expanding Competences by Judicial Lawmaking: The Pilot Judgment Procedure of the European Court of Human Rights // German Law Journal. 2011, vol. 12, no. 05, p. 1259, Available at DOI: <https://doi.org/10.1017/S2071832200017284> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴ Шуберт Т. Э. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 136.

(4) особенности российского законодательства (отсутствие эффективных правовых институтов, позволяющих реализовать постановление), (5) устоявшуюся судебную практику (отсутствие в судах надлежащего понимания правового значения постановлений ЕСПЧ), (6) отсутствие персональной ответственности должностных лиц, действия (бездействие) которых стали причиной обращения в ЕСПЧ, (7) общественное мнение (свойственная российскому менталитету ориентация, в первую очередь, на справедливость, а не на свободу, как на Западе)¹. К указанным проблемам следует добавить отмеченную М. А. Удодовой запаздывающую реакцию законодателя «на информационные послылы судебной практики о востребованности правового регулирования», что является следствием, в частности, отсутствия в законодательстве каких-либо нормативно регламентированных сроков для закрепления судебной практики, в том числе выраженной в правовых позициях ЕСПЧ².

Создаётся устойчивое впечатление, что российское государство, решив в 1998 году из определённых политических и экономических соображений подчинить себя юрисдикции ЕСПЧ, не до конца продумало юридические последствия этого шага и впоследствии было вынуждено чаще, чем ожидалось и хотелось бы, выплачивать огромные (по российским меркам) компенсации, а, зачастую, и вообще ставить вопрос о своём неподчинении отдельным решениям этого надгосударственного судебного органа. И хотя многие авторы считали вполне допустимым такое неподчинение, находя этому все новые и новые аргументы, даже они оправдывали такую возможность лишь в самых крайних случаях и только при условии, что «национальный стандарт защиты прав человека выше, чем Совета Европы»³.

На фоне этих очевидных аспектов (экономического и политического), наиболее чувствительных для бюджета и суверенитета государства, юридические

¹ Соловьева Т. В. Постановления Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации. М., 2011. С. 207-221.

² Удодова М. А. Механизм воздействия судебной практики на законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 208-209.

³ Ялунер Ю. А. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в правовую систему Германии: конституционно-правовые основы и возможность их восприятия в российском правовом порядке // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 1. С. 87.

механизмы влияния правовых позиций ЕСПЧ на отечественное законодательство были внешне менее заметны и поэтому могут быть адекватно оценены только специалистами из различных отраслей юриспруденции. Выше уже приводились примеры научных исследований влияния правовых позиций ЕСПЧ на различные отрасли законодательства России. Что касается такого влияния на гражданское законодательство, а также основанную на нём правоприменительную практику, то, обобщая сделанные в рамках настоящего исследования выводы, хотелось бы особо отметить ряд концептуальных моментов.

Правовые позиции ЕСПЧ отметились влиянием на национальное, в том числе гражданское, законодательство в нескольких направлениях, предопределяющих формы такого влияния, среди которых, например, М. А. Удодова, выделяет три формы: (1) установление несоответствия национального законодательства конвенционным нормам; (2) выявление норм национального законодательства, требующих актуализации с учётом развития регулируемых общественных отношений; (3) указание на потенциальные пробелы во внутригосударственном правовом регулировании¹. Соглашаясь, в целом, с такой классификацией, относительно несовершенства внутреннего законодательства поддержим уточнение Р. А. Курбанова о том, что нарушения ЕСПЧ могут лежать не только в области законодательства, но и в неверном правоприменении².

Реализация первой из указанных форм обеспечивается выявлением Европейским Судом по правам человека при рассмотрении жалоб, имеющих однотипный предметный характер, факта систематического нарушения норм Конвенции, являющегося показателем наибольшей степени несовершенства национального законодательства. В таких, особых, случаях ЕСПЧ в качестве инструмента воздействия выработал и практикует институт «пилотных постановлений», одним из упомянутых выше примеров которых может служить принятое первым в отношении России³

¹ Удодова М. А. Указ. соч. С. 96, 98, 100.

² Курбанов Р. А. Правовые позиции ЕСПЧ и российское законодательство // Экономика. Право. Общество. 2018. № 1. С. 7.

³ Ковлер А. И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации. С. 351.

постановление по делу «Бурдов против России», выявившее факт систематического уклонения России от исполнения судебных решений, что выражалось в непогашении задолженности и отсутствии эффективной защиты от такого нарушения. Постановления подобного рода достаточно редки относительно общей массы решений ЕСПЧ, но тем выше их значимость — в случае принятия они требуют от государства выработки и осуществления наиболее активных мер по решению проблемы системного характера, в том числе, установления в национальном правовом регулировании реально действенных средств юридической защита прав граждан.

В своей диссертации Т. Д. Оганесян определяет пилотное постановление как особый вид решения ЕСПЧ, «указывающий на наличие структурной (системной) проблемы в правовой системе государства-ответчика, которая затрагивает права неопределённого количества потенциальных заявителей и предписывает меры общего характера, необходимые для её устранения в установленный срок»¹. С помощью пилотного постановления ЕСПЧ «в определенной степени проверяет, соответствуют ли законы и политика ЕСПЧ, а не просто оценивает, нарушили или не нарушили национальные власти права человека в конкретном деле»². За период 2004-2017 гг. было вынесено 28 пилотных постановлений в отношении 18 государств-участников ЕСПЧ³. В отношении России по состоянию на 2021 год имело место пять пилотных постановлений⁴. Т. Д. Оганесян отмечает, что внедрение процедуры пилотного постановления привело к изменению правовой природы и сущности постановлений ЕСПЧ, который получил возможность, выйти за рамки жалобы конкретного заявителя, перенеся правовые последствия на неограниченный круг лиц, чьи права нарушены либо могут быть нарушены из-за наличия в национальной правовой системе системной проблемы и практики, несовместимой с Конвенцией. Это

¹ Оганесян Т. Д. Процедура пилотного постановления Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 11.

² Buyse A. The Pilot Judgment Procedure at the European Court of Human Rights: Possibilities and Challenges // *Nomiko Vima (The Greek Law Journal)*, 2009, vol. 57, pp. 1890-1902, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1514441> (дата обращения: 10.12.2023).

³ Оганесян Т. Д. Указ. соч. С. 3.

⁴ Голикова О. А. Реформирование национальной системы права как ответ на вынесение пилотных постановлений // *Сибирский юридический вестник*. 2021. № 2. С. 117.

свидетельствует о воздействии права ЕСПЧ «на судебное правотворчество, посредством которого оказывается влияние на принятие тех или иных нормативно-правовых актов, призванных устранить выявленную проблему структурного характера»¹.

Несмотря на благую направленность, использование Судом пилотных постановлений в отношении определённого государства имеет и негативную сторону, что справедливо отмечается в литературе². Особенно в тех случаях, когда ЕСПЧ вынуждает власти конкретной страны изменять внутреннее законодательство для разрешения проблемы, которая, помимо прав заявителя, касается также и конституционных основ государства, узурпируя тем самым полномочия конституционного суда этой страны. Как пишет по этому поводу В. Л. Вольфсон, обусловленное состоянием «отечественной законотворческой продукции» твёрдое намерение ЕСПЧ следовать этой практике в отношении России обостряет проблему вторжения юриспруденции ЕСПЧ в российскую систему права, невзирая на подтверждение Конституционным Судом РФ соответствия внутреннего права Конституции РФ, предоставляет ему иммунитет от такого вмешательства. Нельзя не согласиться с учёным в том, что «тоталитарность Конвенции, даже в самом своём названии провозгласившей единение прав и свобод человечества, которое куда более разнородно, чем хотелось бы её составителям, неумолимо втягивается в противоборство с юрисдикцией, дразнящей тех, кто должен надзирать за достаточностью соответствия этой мнимой общности, неразличимостью необщности и недостаточности»³.

Что касается второй формы, предполагающей выявление Судом в российском гражданском законодательстве норм, требующих актуализации с учётом развития регулируемых общественных отношений, то её реализация была обусловлена не только объективным динамизмом развития общественных отношений, но и сравнительно недавним переходом нашей страны к товарно-рыночным отношениям, с

¹ Оганесян Т. Д. Указ. соч. С. 12-13.

² Амплеева Е. Е. Практика Европейского суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации: учеб. пособие. Ч. 2. Пилотные постановления ЕСПЧ. СПб., 2020. С. 107-108; Оганесян Т. Д. Указ. соч. С. 13.

³ Вольфсон В. Л. О модальности должного. Ratio decidendi Европейского Суда по правам человека в российском праве // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2014. Вып. 1. С. 32.

чем связана пока ещё далёкая от полноты завершённости реформирования отечественного гражданского права и отражающего его законодательства. В этом смысле правовые позиции ЕСПЧ, имея мощный прогностический потенциал, являются отчётливыми наднациональными ориентирами, позволяющими обнаружить такие сферы общественных отношений, которые либо сами, динамично развиваясь, стали опережать свое нормативно-правовое регулирование и вышли за пределы его воздействия, либо по причине своей новизны никогда не находились под этим воздействием, либо перестали охватываться действующим регулированием в силу его изначального несовершенства, что, во всяком из этих случаев, требует постоянного совершенствования законодательства. В этой связи, следуя «доктрине позитивного обязательства», ЕСПЧ, начиная с 80-х годов, всё активнее «указывал, что для государств для полной и эффективной защиты прав требуется принять активные меры, а не сохранять пассивность, выполняя лишь негативные обязательства»¹.

Так, ряд решений, принятых ЕСПЧ по корпоративным спорам (например, «Ватан против России» от 7.10.2004, «Покис против Латвии» от 5.10.2006), наглядно продемонстрировали ограниченность традиционной трактовки гражданской правосубъектности юридического лица, которая, во-первых, традиционно предоставляет правомочие выступать от его имени только указанным в законе или учредительном документе органам или лицам, во-вторых, ставит саму возможность такого выступления в зависимость от сохранения юридическим лицом статуса субъекта права, то есть только до момента его ликвидации и исключения из ЕГРЮЛ. Для защиты нарушаемых в таком случае прав участника юридического лица на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ) и на защиту права собственности (ст. 1 Протокола № 1) в ряде своих решений (например, «АО «Камберроу ММ5» против Болгарии» от 1.04.2004, «Носов против России» от 20.10.2005) ЕСПЧ сформировал правовую позицию, позволяющую проигнорировать наличие или отсутствие правосубъектности у юридического лица, если того требуют исключительные обстоятельства, оставляющие его участника, являющегося жертвой правонарушения, без

¹ Гаджиев Х. И. Указ. соч. С. 97.

должной защиты. Это существенно расширяет правозащитные возможности, позволяя в таких, исключительных, случаях, в частности: не придерживаться правила о том, что от имени юридического лица может выступать только лицо, действующее на основании уставных документов или национального законодательства; рассматривать требования уже ликвидированного юридического лица; не прекращать рассмотрение требования юридического лица даже после его ликвидации — такие подходы к трактовке правоспособности юридического лица, основываясь на правовых позициях ЕСПЧ, дают дополнительные возможности защиты прав участников корпоративных отношений. В этой части российское гражданское законодательство явно нуждается в определённой корректировке, для которой сформированная ЕСПЧ правовая позиция продолжает оставаться очевидным образцом.

Главную работу по обеспечению влияния такого рода правовых позиций ЕСПЧ на российское законодательство продемонстрировал КС РФ. Опора на выраженное в правовых позициях ЕСПЧ конвенционное толкование прав человека позволило ему устанавливать истинное, соответствующее Конвенции, содержание норм Конституции РФ и иных российских правовых актов. Благодаря этому механизм реализации ЕСПЧ в России интегрировался в механизм реализации Конституции РФ, по крайней мере, в части защиты прав человека. Так КС РФ воспринял роль основной движущей силы в вопросе имплементации положений ЕСПЧ в российское правовое поле. По ряду проблем российского права, выявленных в постановлениях ЕСПЧ, он, учитывая особенности российской действительности и менталитета, сформировал соответствующие собственные правовые позиции. Примерами могут выступать: решение ЕСПЧ по делу «Шукатуров против России» от 27.03.2008 и принятое в связи с ним Постановление КС РФ от 27.02.2009 № 4-П, решение ЕСПЧ по делу «Гладышева против России» от 06.12.2011 и принятое на основе выраженных в нём правовых позиций Постановление КС РФ от 22.06.2017 № 16-П и др.

Как выше уже отмечалось, такое взаимодействие юрисдикций (российской конституционной и европейской конвенционной) осуществлялось не без некоторых серьёзных противоречий, что было объяснимо безусловной необходимостью достижения разумного баланса между защитой государственного суверенитета и

обеспечением национальной конституционной идентичности, с одной стороны, и стремлением к имплементации конвенционных правовых положений в российское правовое поле, с другой. Рассуждая о данной проблеме, С. Д. Князев обоснованно указывал на обязанность государства прилагать все возможные усилия к организации исполнения решений ЕСПЧ, настаивая на необходимости при активном обоюдном участии Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ искать взаимоприемлемые способы минимизации конституционно-конвенционных коллизий¹.

В узком смысле, на основе обобщения множества точек зрения на соотношение международного и национального права, под имплементацией понимается «осуществление норм международного права на территории государства в сфере действия внутригосударственного права при помощи последнего в соответствии с определённой процедурой, обеспечиваемое организационно-правовой деятельностью органов государства, направленной на фактическое выполнение принятых государством международных обязательств»². Поскольку в России так и не был выработан действенный алгоритм имплементации решений ЕСПЧ для национальных судов, как это, например, успешно осуществлено в Германии³, КС РФ во многих случаях самостоятельно интерпретировал положения ЕКПЧ с учетом российского правопорядка, используя её в качестве инструмента для толкования основных прав человека и принципа верховенства права. Критерием правильности такой интерпретации выступал стандарт защиты прав человека, национальный уровень которого не должен быть ниже заложенного в международных правовых позициях.

¹ Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 13-14.

² Лаптев П. А. Указ. соч. С. 12.

³ Председатель конституционного суда Германии Х.-Ю. Папир пишет, что конституционный суд требует не строгого соблюдения решений Европейского Суда, а «принятия их во внимание» (Папир Х.-Ю. Соотношение между национальным конституционным правом и европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод с точки зрения федерального конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 81).

Судья ЕСПЧ А.Брагьова также отмечает, что конституционные суды, признавая авторитет ЕСПЧ, все же сохраняют за собой право итогового толкования норм Конвенции (см.: Брагьова А. Право толкования: конституционные суды и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (на примере Венгрии) // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 83-96).

Основываясь на данном принципе и руководствуясь специальным порядком исполнения в России решений ЕСПЧ, который был сформирован в Постановлении КС РФ от 14.07.2015 № 21-П, Конституционному Суду РФ необходимо было «использовать наработки Европейского Суда по правам человека при толковании законодательства, а в силу особой юридической силы решений Конституционного Суда РФ, их нормативности, такое использование может послужить толчком к использованию практики ЕСПЧ в деятельности органов государственной власти»¹.

К особенностям действовавшего ранее механизма исполнения решений ЕСПЧ в России можно отнести то, что гражданское и арбитражное процессуальное законодательство в ст. 392 ГПК РФ и ст. 311 АПК РФ до 11 июня 2022 года определяло постановление ЕСПЧ, которым установлен факт нарушения положений ЕКПЧ при рассмотрении национальным судом конкретного спора, в качестве нового обстоятельства, являющегося основанием для пересмотра судебного решения, — то есть аналогично тому, как это предусмотрено и для решения КС РФ. Тем самым за постановлениями ЕСПЧ фактически признавались те же последствия, что и за решениями Конституционного Суда РФ — это способствовало их внедрению в нашу правовую систему как актов, подлежащих непосредственному исполнению. Такой однотипный подход вызывает обоснованные сомнения², поскольку он не учитывает существенного различия условий рассмотрения дел в данных судах: если КС РФ непосредственно не исследует вопрос о нарушении субъективных прав в конкретном деле, то ЕСПЧ именно его и исследует, одновременно выявляя и возможную причину нарушения Конвенции — пробел в законодательстве, неправильное его истолкование или неприменение закона в конкретном случае. При этом как именно при пересмотре дела должна использоваться правовая позиция,

¹ Ялунер Ю. А. Указ. соч. С. 88.

² Этот подход критикует, в частности, В. В. Ершов, отмечая, что ЕКПЧ нельзя считать ни «новым», ни «обстоятельством» — она является международным договором, обязательным к применению российскими судами и уже существующим на момент рассмотрения дела (Ершов В. В. Теоретические и практические проблемы взаимосвязи, взаимовлияния и соотношения международного и национального права в России // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова): монография / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2018. С. 201).

содержащаяся в постановлении ЕСПЧ, до каких пределов российский суд должен был ею руководствоваться, наше законодательство не установило.

Как справедливо отмечается в литературе, «реальность динамики общественных отношений такова, что внутригосударственные юридические нормы не всегда способны регулировать возникающие правоотношения»¹. Поэтому в законодательстве иногда встречаются пробелы, которые могут быть слабо ощутимы на уровне национальной правовой системы. Эта проблема особенно актуальна для тех гражданско-правовых институтов, которые сравнительно недавно (как правило, под влиянием положительного опыта других государств) получили закрепление в российском гражданском законодательстве и поэтому пока не обогатились непротиворечивой теоретической основой и эффективным практическим арсеналом. Поэтому особую ценность в выявлении таких, неочевидных, пробелов имеют правовые позиции ЕСПЧ, содержащиеся в постановлениях, принятых в отношении других государств – участников Совета Европы, где соответствующие правовые институты отличаются более длительной и богатой историей правоприменения. Такие решения должны, по крайней мере, учитываться российскими правоприменительными органами в части сформулированных в них правовых позиций ЕСПЧ, в отличие от решений, вынесенных непосредственно в отношении России, которые были прямо обязательны к исполнению как в части правовых позиций ЕСПЧ, так и в их резолютивной части, касающейся устранения непосредственных последствий нарушения прав человека и присуждения компенсации заявителю.

Важность учёта правовых позиций ЕСПЧ, сформулированных в отношении других государств, обосновывается в научных исследованиях², неоднократно на это указывал КС РФ³, это подтверждает и существующая российская практика разрешения судами споров по защите гражданских прав. Так, правовые позиции ЕСПЧ о взыскании нематериального вреда в пользу юридического лица (например, в

¹ Комаров С. А. и др. Указ. соч. С. 148.

² Лаптева И. В. Указ. соч. С. 9, 23; Боднар А. *Res interpretata*: юридическая сила постановлений Европейского Суда по правам человека для государств, не являющихся сторонами в деле // Сравн. Конст. обозрение. 2011. № 3. С. 82-114.

³ Например: Постановление КС РФ от 5.02.2007 № 2-П // Вестник КС РФ. 2007. № 1.

решении по делу «Компания Комингерсол С. А. против Португалии» от 6.04.2000) непосредственно послужили отправной точкой в реформировании внутригосударственной системы, позволяющей компенсировать нематериальный вред, что свидетельствует о состоявшемся восприятии национальным гражданским законодательством отдельных правил о правосубъектности юридического лица, сформированных ЕСПЧ с учётом передового европейского правового опыта.

Подобный учёт хорошо зарекомендовавшего себя зарубежного опыта касается и третьей из приведённых имевших место форм влияния правовых позиций ЕСПЧ на национальное гражданское законодательство, выражающейся в указании на потенциальные пробелы во внутригосударственном правовом регулировании, — её реализации способствует качественное разнообразие самостоятельных правовых систем, охваченных юрисдикцией ЕСПЧ. При рассмотрении в ЕСПЧ конкретного дела происходит неизбежное сопоставление правоприменительной практики, сложившейся в различных государствах и в отношении различных государств, с национальной правовой системой государства-ответчика, что позволяет выявить те сферы общественных отношений, гражданско-правовое регулирование которых пока вообще отсутствует либо ещё не является достаточным с точки зрения обеспечения конвенционного уровня защиты прав человека.

Так, решения по ряду дел, рассмотренных ЕСПЧ, наглядно проиллюстрировали, что некоторые общественные отношения, требующие правозащитного воздействия, находятся вообще вне сферы адекватного правового регулирования со стороны российского гражданского законодательства. В качестве таковых в работе рассмотрены, в частности, фактические брачные отношения, которые, в свою очередь, затрагивают отношения наследственные, жилищные и иные имущественные и не только имущественные отношения фактически сожительствующей и ведущей совместное хозяйство пары мужчины и женщины. Для того, чтобы устранение подобного рода пробелов в законодательстве было полноценным, в идеале, конечно же, требуется его реформирование, но в качестве временной меры могут быть задействованы такие вспомогательные, предусмотренные в ст. 6 ГК РФ традиционные «внутригосударственные» инструменты, как аналогия закона и аналогия права.

Не ставя под сомнение этот вывод, проведённое исследование продемонстрировало, что ещё более эффективным средством решения проблемы (устранения выявленного пробела) могло выступать непосредственное использование правовых позиций ЕСПЧ (как, например, по делу «Прокопович против России» от 18.11.2004), которые отражали один из общепризнанных принципов международного права — принцип уважения права на личную и семейную жизнь. Причём этот «надгосударственный» инструмент предстаёт в качестве надёжного содержательного ориентира не только для правоприменителя, но и для законодателя, моделируя пути качественного реформирования национального законодательства, а вместе с этим и совершенствования гражданского права в рамках доказавших свою эффективность международных правозащитных стандартов.

Другим ярким проявлением такого воздействия стало рассмотренное выше закрепление в ГК РФ нового критерия ограниченной дееспособности физического лица — психического расстройства, не являющегося в силу своего характера основанием для полной утраты дееспособности гражданина. Это, на наш взгляд, на редкость удачное законодательное решение, в полной мере основанное на правовой позиции ЕСПЧ, которая была сформирована по делу «Штукатуров против России», теперь позволяет более дифференцированно подходить к определению юридических возможностей гражданина в зависимости от состояния его психического здоровья. Это наглядный пример процедуры оптимального учёта правовой позиции ЕСПЧ, когда она, пройдя «проверку на конституционность» со стороны КС РФ, получила закрепление в действующем национальном законодательстве, причем на уровне кодифицированного акта — Гражданского кодекса РФ.

Проблема отсутствия чёткой регламентации данной процедуры, направленной на учёт судебной практики ЕСПЧ в законодательстве и правоприменительной практике нашей страны, активно обсуждалась в доктрине. Так, А. Г. Алексеев, справедливо считая имплементацию решений ЕСПЧ в отечественную правоприменительную практику одним из проявлений реализации принципа верховенства права, предлагал включить в кодифицированные процессуальные акты нормы, безусловно подтверждающие за решениями ЕСПЧ «силу правотолковательных

прецедентов, подлежащих обязательному применению при отправлении правосудия»¹. К. Ю. Аверьянов по этому же поводу ратовал за принятие «специального федерального закона, который охватил бы правовым регулированием все элементы, составляющие национальный механизм реализации конвенционных норм и реагирования государства на решения Европейского Суда по правам человека»². С данным предложением справедливо не соглашалась М. А. Удодова, считая его преждевременным, поскольку «не разработана комплексная модель механизма учёта решений ЕСПЧ в национальном законодательстве даже на теоретическом уровне»³.

Ещё одной сферой отношений, которая, как выяснилось на фоне сложившейся международной практики, пока ещё «не дотягивает» у нас от адекватного гражданско-правового регулирования, является возмещение вреда со стороны государства в отношении частных лиц. Так, если, вреда, причинённый незаконными актами власти, ещё более-менее и достаточно давно возмещается (статьи 16, 1069 и 1070 ГК РФ восприняли аналогичные правила советских времён, хотя специальный закон, принятие которого заложено в ст. 1070, пока, увы, отсутствует), то компенсация вреда, причинённого правомерными актами власти, урегулирована в ст. 16.1 ГК РФ (причём, не без влияния европейских правовых позиций) лишь для некоторых определённых законом случаев. Невозмещённым остаётся вред, причинённый правомерными, но опасными для частных лиц действиями органов публичной власти по пресечению чьей-либо незаконной деятельности. За вред, причинённый противоправными действиями лиц, совершивших преступление, какой-либо компенсации со стороны государства также не предусмотрено, что оставляет без должной защиты потерпевших в случаях невозможности осуществления ими взыскания от непосредственных причинителей вреда. Вместе с тем, позиция ЕСПЧ, основанная на доктрине социального риска государства, исходя из понимания сущности и ценности прав человека, настаивает на обязанности государства компенсировать вред,

¹ Алексеев А. Г. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской юрисдикции // Закон и право. 2019. № 3. С. 47-48.

² Аверьянов К. Ю. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

³ Удодова М. А. Указ. соч. С. 104.

причинённый даже в условиях чрезвычайного положения или войны, за который государство никогда не отвечало и, что кажется привычным, не должно отвечать.

Являясь правовыми регуляторами гражданских правоотношений в России, правовые позиции ЕСПЧ позволяли, как было рассмотрено, ретранслировать в отечественное гражданское законодательство институты из различных национальных правовых систем. Такое сближение проявилось, в частности, в законодательном оформлении в России английского института заверений, немецкой конструкции преддоговорной ответственности и др. Это содействует процессу унификации российского гражданского законодательства, повышая уровень и расширяя диапазон его правозащитного потенциала в регулировании, например, права собственности, секундарных прав, права ожидания. Заимствование отдельных правовых норм и целых юридических конструкций, получивших успешное развитие в иных правовых порядках, О. В. Зайцев считает объективным процессом для гражданского законодательства. По его мнению, наряду с едиными для всех основополагающими элементами частноправового регулирования в отдельных правовых порядках вырабатываются специфические средства воздействия на общественные отношения. Испытанные в определённой правовой системе и признанные в той или иной сфере отношений, эти правовые нормы вызывают теоретический и прикладной интерес в плане возможности их имплементации в национальную правовую семью¹.

Правовые позиции формируются ЕСПЧ на надгосударственном уровне, поэтому перед их имплементацией в российское правовое поле требуется их систематизация. Поскольку, как отмечают в доктрине, «механический перенос опыта функционирования одной модели (каким бы положительным он ни был) на практику другого государства вряд ли способен привести к ощутимым качественным сдвигам»². Для обеспечения такой систематизации в рамках оперативного мониторинга правоприменения в России было предусмотрено осуществление сбора, обобщения,

¹ Зайцев О. В. Указ. соч. С. 150.

² Насардинов Д. С. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 18.

анализа и оценки информации об исполнении не только решений КС РФ, но и тех постановлений ЕСПЧ, которые предполагают принятие, изменение или отмену норм действующего российского законодательства. Широкий перечень показателей, по которым производились эти мероприятия, был предусмотрен в п. 8 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 19.08.2011 № 694¹. В ряду таких показателей особо выделяются, в частности: несоблюдение гарантированных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (подп. «а»), искажение смысла постановлений ЕСПЧ при принятии нормативного правового акта (подп. «г»), несоответствие нормативного правового акта международным обязательствам (подп. «д»). Результаты этой деятельности отражаются в ежегодных докладах о результатах мониторинга правоприменения в России².

Беспрецедентность влияния правовых позиций ЕСПЧ на национальное законодательство и основанную на нём правоприменительную практику проявлялось в том, что устранение последствий нарушения прав конкретного лица-заявителя и выплата ему компенсации стало хоть и ключевым, но не единственным и, пожалуй, не главным звеном механизма реализации постановлений ЕСПЧ. В конечном итоге этот механизм направлен, в целом, на выявление и устранение причин, обусловивших нарушение, и, следовательно, на предупреждение будущих нарушений такого рода. В целях этой превенции весьма уместной представлялась рекомендация проводить каждый государственный законопроект через «нормативно-правовую экспертизу для подтверждения своего соответствия установленным международным стандартам Конвенции»³. При этом, что важно подчеркнуть, поскольку нормы ЕСПЧ неотрывны от интерпретирующей их деятельности ЕСПЧ, фактически

¹ Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 // Собр. законодательства РФ. 2011. № 35. Ст. 5081.

² См., например: Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2020 год. С. 5-6. [Электронный ресурс] // URL: d5MdmQmilVOpC3S6bvW66i8oe8FcfXkg.pdf (government.ru) (дата обращения – 12.02.2022).

³ Джигоева Л. Г. Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на процессуальное законодательство Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1. С. 334.

обеспечивалось повышение эффективности реализации не только постановлений ЕСПЧ, но и самих конвенционных положений.

Как отмечали судьи КС РФ К. В. Арановский и С. Д. Князев, «воздействие ЕСПЧ на российскую правовую систему не исчерпывается его прямой ролью в защите прав и свобод человека по конкретным делам; интересы общеевропейского понимания и соблюдения прав человека объективно определяют потребность и значимость его деятельности по выявлению структурных недостатков, в том числе связанных с состоянием национального законодательства, и предложению способов их устранения, что обязывает Россию вдумчиво и конструктивно реагировать на меры общего характера, которые полагает необходимыми ЕСПЧ»¹. Необходимость именно вдумчивого и конструктивного подхода обусловлена тем, что, как отмечали авторы, ЕСПЧ, прибегая к таким инструментам, как «разумная инклюзия», «право эволютивного толкования», «обязательность европейского консенсуса», «пределы национального усмотрения» и т.д., «нередко фактически подменяет интерпретацию положений Конвенции самостоятельным выводением «общеевропейских» стандартов на основе превалирующих (преобладающих) национальных практик»². По этой причине, «очень важен гибкий подход к решению проблем взаимодействия международного суда с государствами-участниками, сочетающий в себе инкрементализм, эффективную коммуникацию и признание объективных границ трансформации национальных правовых систем»³.

Справедливо отмечается, что влияние ЕСПЧ не ограничивается закреплением в России современных представлений о правах человека и их эффективной защите. Он успел внести существенный вклад «в формирование всей современной культуры – правовой, политической культуры и культуры человеческого общения. ... практика Суда, использованные им подходы, стали частью нашего повседневного существования, частью базовых установок общества, без которых развитие и

¹ Арановский К. В., Князев С. Д. Исполнение актов ЕСПЧ в позициях российского конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами // Закон. 2019. № 6. С. 39.

² Там же. С. 42.

³ Старженецкий В. Международные суды и трансформация национальных правовых систем // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 77.

применение права в современных условиях просто невозможны»¹. По мнению судьи ЕСПЧ А. Нуссбергер, ЕКПЧ и практика Суда сыграли свою роль в формировании единой системы ценностей в правовых культурах стран Европы и России², а также в деле продвижения в европейских странах, включая Россию, «фундаментальных ценностей, таких как права человека, верховенство права и демократия»³.

Таким образом, опираясь на определение имплементации как процесса реализации государством международно-правовых норм на своей территории, можно утверждать, что имплементация ЕКПЧ — реализация Россией вытекающих из ЕКПЧ обязательств по защите прав и свобод человека на внутригосударственном уровне — имела место в форме инкорпорации, поскольку после ратификации ЕКПЧ в 1998 году, в силу ч.4 ст.15 Конституции РФ, она автоматически стала частью правовой системы России с приданием ей приоритета по отношению к федеральным законам. Вместе с тем, заявив в ст. 1 ратификационного закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ о признании юрисдикции ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения ЕКПЧ, Россия инкорпорировала также и постановления ЕСПЧ. В связи с этим, высшие судебные инстанции в своих руководящих разъяснениях предписали российским судам руководствоваться положениями ЕКПЧ в их истолковании ЕСПЧ, которое содержалось в его правовых позициях.

Основной движущей силой имплементации положений ЕКПЧ в российское правовое поле выступил КС РФ, использовавший для этого два механизма: непосредственное применение норм ЕКПЧ и применение её положений в истолковании ЕСПЧ. Поскольку институт имплементации имеет аксиологическую (ценностную) основу, что предполагает применение общепризнанных принципов и норм

¹ Энтин М. Вклад Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в современную правовую культуру // Вся Европа : Ежемесячное интернет-издание. 2009. № 3. URL: <https://alleuropa.ru/?p=2500> (дата обращения – 12.12.2022).

² Нуссбергер А. Восстановление Вавилонской башни. Европейский Суд по правам человека и многообразие правовых культур // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 71-78.

³ Нуссбергер А. Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2. С. 142-150.

международного права с учётом национальных социокультурных ценностей¹, КС РФ имплементировал право Конвенции в форме трансформации, так как осуществлял определённую переработку норм ЕКПЧ и правовых позиций ЕСПЧ при перенесении их в российское правовое поле, «отфильтровывая» чуждое (на основе положений Конституции РФ) с учётом национальных правовых традиций и стандартов юридической техники.

Таким образом, право ЕКПЧ (положения Конвенции в её истолковании Судом, выраженном в его правовых позициях) было имплементировано в российскую правовую систему путём инкорпорации и трансформации, что, в целом, позволило обеспечить следование целям Конвенции и содержанию обязательств России по защите прав и свобод человека в соответствии с Конституцией РФ.

При этом механизм влияния правовых позиций ЕСПЧ на российское право представляется шире. Прежде всего потому, что имплементация есть процесс формализованный, поэтому ограниченный временными рамками от момента ратификации ЕКПЧ до прекращения её действия на территории России, в то время как влияние никакими формальными ограничениями не связано. Имплементация позволяет, прежде всего, напрямую (через органы всех ветвей власти) устранять недостатки в области законодательства и правоприменения, охватывая три направления: (1) исключение норм, противоречащих ЕКПЧ; (2) исправление норм, требующих актуализации с учётом правовых позиций ЕСПЧ; (3) создание норм, устраняющих пробелы во внутригосударственном правовом регулировании. Имплементация реализуется и опосредованно — через национальную правовую доктрину, которая на основе критического восприятия правовых позиций ЕСПЧ формирует в стране предметно-методологическую базу нормотворческой и правотворческой деятельности. Поскольку влияние правовых позиций ЕСПЧ на российскую цивилистическую доктрину не требует какой-либо формализации, оно продолжится и после выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ. В тех же формах, но уже опосредованно. Важно отметить, что приобретённый опыт взаимодействия с ЕСПЧ позволит более

¹ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М., 2018. С. 194.

эффективно решать вопросы имплементации правовых позиций других международных судов в российскую правовую систему. Поскольку, как справедливо утверждает Е. А. Фокин, вряд ли процесс правовой интеграции, проходящий в тесной связи с развитием общественной жизни, может достичь сколько-нибудь конкретного завершения¹.

В качестве **вывода** отметим, что если рассматривать механизм влияния правовых позиций ЕСПЧ на российское гражданское право как совокупность правовых средств, с помощью которых обеспечивалось такое влияние, как формы воздействия правовых позиций ЕСПЧ на правовое регулирование общественных отношений в сфере защиты субъективных гражданских прав, резюмируя изложенное, можно утверждать, что этот процесс шёл по пути: выявления пробелов в законодательстве, оставляющих права человека без защиты; выявления неправильных (неудачных) законодательных формулировок, ограничивающих защиту прав человека; выявления ошибок в правоприменении. Среди инструментов позитивного влияния, воспринятых в российском правовом пространстве, следует выделить: расширение трактовки действующих гражданско-правовых норм; выработку новых и корректировку существующих правовых конструкций; внедрение в российское гражданское законодательство институтов из других правовых систем, не «конфликтующих» с отечественными правовыми институтами и правовой системой. Результатами указанного влияния стали: охват отношений, не урегулированных или недостаточно либо неправильно (с точки зрения уровня защиты прав человека) урегулированных национальным гражданским законодательством; содействие процессу унификации российского гражданского законодательства, в целом.

К сожалению (но в сложившейся политической обстановке, думается, неизбежно оправданно) правовые позиции ЕСПЧ объективно превратились из непосредственного правозащитного регулятора, в качестве источника «мягкого права» предписывающего, как следует регулировать спорные отношения в сфере гражданского права, в, пусть и авторитетный, но всего лишь источник информации о том, как

¹ Международное правосудие как фактор интеграции / отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер. М., 2019. С. 70.

можно их регулировать (если КС РФ сочтёт это не противоречащим Конституции России). Но даже в этой, более скромной, роли правовые позиции ЕСПЧ влияли и, безусловно, сохраняют (пусть и в меньшей степени) своё влияние на российское, в том числе гражданское, право, отражающее его законодательство и основанную на нём правоприменительную практику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования влияния правовых позиций Европейского Суда по правам человека на российское гражданское право удалось прийти к следующим выводам.

Определена юридическая природа окончательного принятого по делу постановления ЕСПЧ. Оно сочетает в себе прецедентный, правоприменительный и интерпретационный (толковательный) характер, что в совокупности с его наднациональным (субсидиарным) характером не позволяет полноценно использовать категорию «источник права» для характеристики юридической природы как самих постановлений ЕСПЧ, так и содержащихся в них правовых позиций. Тем не менее, правовые позиции ЕСПЧ обладают регулирующим действием, поскольку они сформированы в рамках прецедентной практики ЕСПЧ, в результате эволютивного толкования им норм ЕКПЧ. Это позволяет признать их правовым регулятором гражданско-правовых отношений, сочетающим в себе и нормативные, и индивидуальные признаки. Как правовой регулятор правовая позиция ЕСПЧ отличается от источника права тем, что воздействует на внутригосударственные отношения не непосредственно, а опосредованно, как элемент «мягкого права», побуждая государство скорректировать национальный источник права или выбрать иные средства для устранения выявленного нарушения.

Установлено, что в период пребывания России под юрисдикцией ЕСПЧ влияние его правовых позиций на российское гражданское законодательство сводилось к их имплементации, которая была осуществлена в форме инкорпорации (путём ратификации ЕКПЧ и признания юрисдикции ЕСПЧ) и трансформации (в ходе конституционного толкования ЕКПЧ Конституционным Судом РФ). Обеспечивая прямое действие ЕКПЧ, имплементация позволяла: исключать нормы, противоречащие её положениям; исправлять нормы, требующие актуализации; создавать новые нормы, устраняющие пробелы в правовом регулировании. В частности, это позволило с целью устранения выявленного ЕСПЧ пробела закрепить в ГК РФ новый критерий ограниченной дееспособности гражданина — психическое расстройство, которое по своему характеру не может служить основанием для полной утраты

дееспособности — для целей последующей дифференциации правовых последствий и градации ограничений субъективных гражданских прав в зависимости от психического состояния лица.

С позиций выраженного в ЕКПЧ общепризнанного принципа международного права — принципа уважения права на личную и семейную жизнь — выявлено отсутствие в России адекватного правового регулирования фактических брачных отношений, что оставляет без должной защиты имущественные и личные неимущественные интересы лица, состоящего в таких отношениях, но объективно не имеющего возможность их зарегистрировать. В диссертации обоснована необходимость ограниченного признания фактических брачных отношений, определены случаи допустимости такого признания и механизм его реализации.

Выявлена причина, побуждающая ЕСПЧ проигнорировать традиционные подходы, определяющие содержание правосубъектности юридического лица, — стремление защитить конкретные интересы физических лиц — участников организации, стоящие за интересами самой организации. Для этого ЕСПЧ может, используя концепцию «снятия корпоративной вуали», отступить от национальных правил о представительстве от имени юридического лица, принимает к рассмотрению жалобы ликвидированных компаний и, наоборот, не прекращает рассмотрение жалобы даже если юридическое лицо ликвидируется после её подачи. Выявленное в правовых позициях ЕСПЧ отношение к юридическому лицу, прежде всего, как к объединению физических лиц позволило ему распространить на компании действие ЕКПЧ и, вместе с этим, допустить принципиальную возможность компенсации отличного от убытков и морального вреда нематериального вреда, причинённого посягательством на деловую репутацию юридического лица. Изученные правовые позиции ЕСПЧ позволили выявить основание и условия, критерии оценки и стандарты доказывания, а также форму и характер компенсации нематериального вреда юридическому лицу.

Выявлена законодательная и доктринальная неопределённость, а также неполнота модели гражданско-правовой ответственности государства за причинение вреда правомерными действиями. С целью усовершенствования механизма защиты

физических и юридических лиц от правомерных, но опасных действий органов публичной власти и их представителей обоснована необходимость расширить на законодательном уровне ответственность государства за счёт возложения на него обязанности полного возмещения потерпевшему имущественного вреда во всех случаях его причинения правомерными действиями, направленными на пресечение незаконной деятельности, с возможностью регресса к лицу, незаконная деятельность которого подлежала пресечению.

Определено содержание применяемого ЕСПЧ понятия «собственность», которому в контексте ЕКПЧ придано автономное значение, сопоставимое с российским понятием «имущество», поскольку оно охватывает не только объекты материального мира, но и имущественные права, а также иные имеющие экономическую ценность блага и даже законные ожидания, которые в конкретной ситуации достаточно установлены и могут быть подвержены принудительному исполнению. Квалифицируя имущество по трём критериям (экономическая ценность, реальность существования и принадлежность заявителю), ЕСПЧ так же расширительно трактует гражданские права, относя к этой категории субъективные права не только гражданские в строгом смысле (из договора, гражданско-правового деликта), но и иные, имеющие частноправовой характер (из семейных, трудовых отношений), и даже некоторые из публично-правовой сферы (выдача и аннулирование государством лицензий и разрешений). Сформулированные ЕСПЧ в этой связи правовые позиции, дополненные Конституционным Судом РФ, позволили российскому законодателью принять норму о презумпции добросовестности приобретателя недвижимости, полагавшегося при её приобретении на данные государственного реестра и, тем самым, скорректировав механизм защита права собственности добросовестного приобретателя-частного лица в споре с публичным субъектом, добиться установления справедливого баланса публичных и частных интересов в данной категории дел.

Выявлено, что защита прав человека в сфере интеллектуальной собственности, особенно в контексте расширяющейся цифровизации и использования новых технологий, потребовала от ЕСПЧ дополнительного толкования, прежде всего, трёх

ключевых конвенционных прав — на защиту собственности (имущества), свободу выражения мнения и защиту частной жизни. И если первое из них для охвата всякого нуждающегося в защите действительного экономического интереса правообладателя подверглось со стороны ЕСПЧ расширительному толкованию, в основном соответствующему нашему пониманию исключительного права как имущественного по своей природе, то для каждого из двух других ЕСПЧ признал возможность их ограничения, которое во всяком случае должно соответствовать трём критериям: основываться на законе, исходить из законных целей и быть минимально необходимым в рамках демократического общества. Данный подход, известный в доктрине как «трехступенчатый тест», может быть эффективно использован в правовом регулировании для достижения справедливого баланса между потенциально конфликтными интересами.

Также установлено, что правовые позиции ЕСПЧ в сфере интеллектуальной собственности, определяющие границы уважения четырёх базовых благ (собственность, частная жизнь, свобода и безопасность), могут быть положены в основу правового регулирования отношений по поводу новых или непоименованных объектов гражданских прав, путём: расширительного толкования права на защиту имущественного интереса, взаимного ограничения прав на частную жизнь и свободу, ограничения любых субъективных прав для обеспечения безопасности.

Анализ правовых позиций ЕСПЧ позволил выявить неполное соответствие конвенционному уровню гражданско-правовой защиты права гражданина на частную жизнь в соответствии с российским законодательством. Положения действующей редакции закона не предоставляют достаточной защиты частной жизни гражданина, поскольку сбор, хранение, распространение и использование без его согласия информации о его частной жизни в случаях, когда такая информация ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле, также может являться нарушением права на охрану его частной жизни, если указанные действия совершаются без достаточно оправданной общественными интересами цели. Поэтому в диссертации предложено сузить законодательное исключение из общего правила о недопустимости сбора, хранения, распространения и

использования любой информации о частной жизни гражданина без его согласия, допустив эти действия только в государственных, общественных или иных публичных интересах, в их истолковании, данном Конституционным Судом РФ.

Для совершенствования российского гражданского законодательства в работе на основе правовых позиций ЕСПЧ сформулированы конкретные предложения по реформированию ряда норм Гражданского кодекса РФ: ст. 16.1 и ст.1081 — в части расширения ответственности государства за вред, причинённый правомерными, но опасными для частных лиц действиями публичной власти по пресечению чьей-либо незаконной деятельности (не только террористического акта); ст. 152.2 — в части уменьшения исключений из общего правила о недопустимости сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни гражданина без его согласия, сохранив такую возможность только в государственных, общественных или иных публичных интересах; ст. 1273 — в части расширения свободы некоммерческого использования произведения в личных целях; ст. 1281 — в части сокращения срока действия исключительного права на произведение.

В заключение можно сделать общий вывод о том, что хотя правовые позиции ЕСПЧ и утрачивают для России свойства непосредственного регулятора гражданских правоотношений, в связи с чем прекращают напрямую воздействовать на российское гражданское законодательство и основанную на нём судебную практику, тем не менее, не теряя своего значения полностью, они остаются важным источником доктринальных исследований, что позволит, хоть и не напрямую формально, зато более взвешенно фактически использовать положительный зарубежный опыт для совершенствования отечественной цивилистики и соответствующего ей гражданского законодательства. И главное, что следует отметить — выход России из Совета Европы и из-под юрисдикции ЕСПЧ ни в коем случае не отменяет тех новелл гражданского законодательства и того положительного правоприменительного опыта, которые были основаны на правовых позициях ЕСПЧ. Более того, приобретённый опыт взаимодействия с ЕСПЧ позволит более эффективно решать вопросы имплементации правовых позиций других международных судов в российскую правовую систему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативно-правовые акты

1. Всеобщая Декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос газета. — 1998. — 10 дек.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Заключена в Риме 04.11.1950). Для РФ вступила в силу 5.05.1998 // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
3. К Конвенции о защите прав человека и основных свобод : Протокол № 1 от 20.03.1952 // Собр. законодательства РФ. — 1998. — № 20. — Ст. 2143.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 № 4812-VIII // Бюллетень ВС РФ. — 1994. — № 12.
5. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969). Для СССР вступила в силу 29.05.1986 // Ведомости ВС СССР. — 1986. — № 37. — Ст. 772.
6. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979). Для России вступила в силу 13.03.1995 // Бюллетень международных договоров. — 2003. — № 9.
7. Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS № 90 (Заключена в Страсбурге 27.01.1977) // Собр. законодательства РФ. — 2003. — № 3. — Ст. 202.
8. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Заключена в Нью-Йорке 17.12.1979) // Сборник международных договоров СССР. — Вып. XLIII. — М., 1989. — С.99-105.
9. Resolution 1165 (1998) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe on the right to privacy // ECHR. Von Hannover v. Germany. Application no. 59320/00.

- Judgment of 24 June 2004. Para 42 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61853> (дата обращения: 02.12.2023).
10. Относительно Декларации о средствах массовой информации и правах человека : Резолюция № 428 (1970) Консультативной ассамблеи Совета Европы (Принята 23.01.1970 на 21-ой сессии) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 15. — Ст. 1338.
 11. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений ETS № 116 (Заключена в Страсбурге 24.11.1983). Россия не участвует. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. — М.: СПАРК, 1998. — С.81-85.
 12. Регламент Европейского суда по правам человека (Принят в г. Страсбурге 04.11.1998) (с изм. и доп. от 04.11.2019). — Текст : электронный // European Court of Human Rights. — URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Rules_Court_RUS (дата обращения: 02.12.2023).
 13. Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом (Утверждены 11.07.2002 на 804-м заседании Комитета Министров Совета Европы) // Совет Европы и Россия. — 2003. — № 1. — С. 32-35.
 14. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения – 02.12.2023).
 15. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
 16. О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации : Закон РФ от 4.07.1991 №1541-1 (ред. от 11.06.2021) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1991. — № 28. — Ст. 959.

17. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании : Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 30.12.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 33. — Ст. 1913.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собр. законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
19. О международных договорах Российской Федерации : федер. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собр. законодательства РФ. — 1995. — № 29. — Ст. 2757.
20. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
21. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
22. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : федер. закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 1998. — № 14. — Ст. 1514.
23. Земельный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
24. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья : федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
25. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
26. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

27. Жилищный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собр. законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 14.
28. О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.
29. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
30. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 06.04.2011 № 67-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2040.
31. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
32. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Собр. законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7627.
33. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2013. — № 27. — Ст. 3434.
34. О страховых пенсиях : федер. закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2013. — № 52 (ч. I). — Ст. 6965.
35. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
36. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2019. — № 12. — Ст. 1224.

37. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2.08.2019 № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2019. — № 31. — Ст. 4418.
38. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2019. — № 51 (ч. I). — Ст. 7482.
39. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5018.
40. О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов : федер. закон от 06.12.2021 № 390-ФЗ // Рос. газета. — 2021. — 10 дек.
41. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федер. закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Рос. газета. — 2023. — 2 мар.
42. О возмещении ущерба, причинённого гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей : Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 № 4892-X, утв. Законом СССР от 24.06.1981 № 5156-X // Ведомости ВС СССР. — 1981. — № 21. — Ст. 741.
43. Положение о государственных наградах Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 01.02.2024) // Собр. законодательства РФ. — 2010. — № 37. — Ст. 4643.
44. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (ред. от 13.01.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2011. — № 21. — Ст. 2930.
45. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 19.08.2011

- № 694 (ред. от 02.08.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2011. — № 35. — Ст. 5081.
46. Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинён ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причинённого при пресечении террористического акта правомерными действиями : Постановление Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928 (ред. от 02.03.2023) // Собр. законодательства РФ. — 2020. — № 1 (ч. II). — Ст. 106.
 47. Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учёта и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации : Приказ Минфина РФ от 29.07.1998 № 34н (ред. от 11.04.2018) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 1998. — № 23.
 48. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7.10.2009) // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11.
 49. Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7.07.2014 № 132-1/2014). — Текст : электронный // СПС Консультант-Плюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129293&cacheid=09C3D1CEF7A117B9ED45C0F083EC6397&mode=splus&rnd=mVAY8A#BgVke4UmeYS8QEbx> (дата обращения: 02.12.2023).

50. Заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 243975-7 «О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)» : Письмо Общественной палаты РФ от 16.10.2017 № 6ОП-2/2225 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/243975-7#bh_histras (дата обращения — 02.12.2023).
51. О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя) : проект федер. закона № 243975-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08.08.2017) // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/243975-7#bh_histras (дата обращения — 02.12.2023).
52. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации : проект федер. закона № 368962-7 (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.01.2018) // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения — 02.12.2023).
53. О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» : проект федерального закона № 539969-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения — 22.02.2024).
54. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве : принят ВЦИК 16.09.1918 // СУ РСФСР. — 1918. — № 76-77. — Ст. 818. (утратил силу)
55. Кодекс о браке, семье и опеке : Постановление ВЦИК от 19.11.1926 (ред. от 12.02.1968) // СУ РСФСР. — 1926. — № 82. — Ст. 612. (утратил силу)
56. О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов : Указ Президиума

Верховного Совета СССР от 10.11.1944 // Ведомости ВС СССР. — 1944. — № 60. (утратил силу)

57. О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ (ред. от 06.03.2006) // Собр. законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3808. (утратил силу)

II. Судебная практика

58. ECHR. *Tyrer v. The United Kingdom*. Application no. 5856/72. Judgment of 25 April 1978 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57587> (дата обращения: 02.12.2023).
59. ECHR. *Van Marle and Others v. Netherlands*. Application nos. 8543/79, 8674/79, 8675/79, 8685/79. Judgment of 26 June 1986 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57590> (дата обращения: 02.12.2023).
60. ECHR. *Smith Kline and French Laboratories Ltd v. the Netherlands*. Application no. 12633/87. Judgment of 4 October 1990 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-738> (дата обращения: 10.12.2023);
61. ECHR. *Pine Valley Developments Ltd. and others v. Ireland*. Application no. 12742/87. Judgment of 29 November 1991 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57711> (дата обращения: 02.12.2023).
62. ECHR. *Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*. Application no. 13427/87. Judgment of 9 December 1994 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57913> (дата обращения: 02.12.2023).
63. ECHR. *Hiro Balani v. Spain*. Application no. 18064/91. Judgment of 9 December 1994 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-57910> (дата обращения: 10.12.2023).

64. ECHR. Gasus Dosier- und Fördertechnik GmbH v. the Netherlands. Application no. 15375/89. Judgment of 23 February 1995 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57918> (дата обращения: 02.12.2023).
65. ECHR. Agrotexim and Others v. Greece. Application no. 14807/89. Judgment of 24 October 1995 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=002-9454> (дата обращения: 02.12.2023).
66. ECHR. Lenzing AG v. the United Kingdom. Application no. 38817/97. Judgment of 9 September 1998 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-4408> (дата обращения: 10.12.2023).
67. ECHR. Comingersoll S.A. v. Portugal. Application no. 35382/97. Judgment of 6 April 2000 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58562> (дата обращения: 02.12.2023).
68. ECHR. Maaouia v. France. Application no. 39652/98. Judgment of 5 October 2000 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-58847> (дата обращения: 02.12.2023).
69. ECHR. Pretty v. The United Kingdom. Application no. 2346/02. Judgment of 29 April 2002 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-60448> (дата обращения: 02.12.2023).
70. ECHR. Sovtransavto Holding v. Ukraine. Application no. 48553/99. Judgment of 25 July 2002. Para 91 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-60634> (дата обращения: 02.12.2023).
71. ECHR. Peck v. the United Kingdom. Application no. 44647/98. Judgment of 28 January 2003 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-183526> (дата обращения: 10.12.2023).
72. ECHR. (The Credit and Industrial Bank v. the Czech Republic. Application no. 29010/95. Judgment of 21 October 2003 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61381> (дата обращения: 02.12.2023).

73. ECHR. Ayder and others v. Turkey. Application no. 23656/94. Judgment of 8 January 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61560> (дата обращения – 02.12.2023).
74. ECHR. Vorsina and Vogralik v. Russia. Application no. 66801/01. Judgment of 5 February 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-23736> (дата обращения: 10.12.2023).
75. ECHR. Camberrow MM5 AD v. Bulgaria. Application no. 50357/99. Judgment of 1 April 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-23856> (дата обращения: 02.12.2023).
76. ECHR. Vatan (People's Democratic Party) v. Russia. Application no. 47978/99. Judgment of 7 October 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-23378> (дата обращения: 02.12.2023).
77. ECHR. Prokopovich v. Russia. Application no. 58255/00. Judgment of 18 November 2004 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-67538> (дата обращения: 02.12.2023).
78. ECHR. Petrushko v. Russia. Application no. 36494/02. Judgment of 24 February 2005 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-68407> (дата обращения: 02.12.2023).
79. ECHR. Melnychuk v. Ukraine. Application no. 28743/03. Judgment of 5 July 2005 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70089> (дата обращения: 10.12.2023).
80. ECHR. Perrin v. the United Kingdom. Application no. 5446/03. Decision of 18 October 2005 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70899> (дата обращения: 10.12.2023).
81. ECHR. Nosov v. Russia. Application no. 30877/02. Judgment of 20 October 2005 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-71779> (дата обращения: 02.12.2023).
82. ECHR. Zhigalev v. Russia. Application no. 54891/00. Judgment of 6 July 2006 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-76251> (дата обращения: 02.12.2023).

83. ECHR. Pokis v. Latvia. Application no. 528/02. Judgment of 5 October 2006 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=002-3097> (дата обращения: 02.12.2023).
84. ECHR. Anheuser-Busch Inc. v. Portugal. Application no. 73049/01. Judgment of 11 January 2007 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-78981> (дата обращения: 10.12.2023).
85. ECHR. Gavrikova v. Russia. Application no. 42180/02. Judgment of 15 March 2007 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-79804> (дата обращения: 02.12.2023).
86. ECHR. Paeffgen GmbH (I–IV) v. Germany. Applications nos. 25379/04, 21688/05, 21722/05, 21770/05. Judgment of 18 September 2007 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191471> (дата обращения: 10.12.2023).
87. ECHR. Shtukaturv v. Russia. Application no. 44009/05. Judgment of 27 March 2008 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-85611> (дата обращения: 02.12.2023).
88. ECHR. SC Editura Orizonturi SRL v. Romania. Application no. 15872/03. Judgment of 13 May 2008 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-86248> (дата обращения: 10.12.2023).
89. ECHR. Orban, de Bartillat and Editions Plon v. France. Application no. 20985/05. Judgment of 1 January 2009 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-193640> (дата обращения: 10.12.2023).
90. ECHR. Burdov v. Russia (№ 2). Application no. 33509/04. Judgment of 15 January 2009 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-90671> (дата обращения: 02.12.2023).
91. ECHR. Akdaş v. Turkey. Application no. 41056/04. Judgment of 16 February 2010 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-202025> (дата обращения: 10.12.2023).

92. ECHR. Aleksey Ovchinnikov v. Russia. Application no. 24061/04. Judgment of 16 December 2010 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-102322> (дата обращения: 02.12.2023).
93. ECHR. OAO Neftyanaya Kompaniya YUKOS. Application no. 14902/04. Judgment of 20 September 2011 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-106308> (дата обращения: 02.12.2023).
94. ECHR. Gladysheva v. Russia. Application no. 7097/10. Judgment of 6 December 2011 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-107713> (дата обращения: 02.12.2023).
95. ECHR. Finogenov and others v. Russia. Applications nos. 18299/03 and 27311/03. Judgment of 20 December 2011 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-108231> (дата обращения: 02.12.2023).
96. ECHR. Ahmet Yildirim v. Turkey. Application no. 3111/10. Judgment of 18 December 2012 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-214002> (дата обращения: 10.12.2023).
97. ECHR. Ashby Donald and Others v. France. Application no. 36769/08. Judgment of 10 January 2013 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-213879> (дата обращения: 10.12.2023).
98. ECHR. Neij and Sunde Kolmisoppi v. Sweden. Application no. 40397/13. Judgment of 19 February 2013 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117513> (дата обращения: 10.12.2023).
99. ECHR. Balakin v. Russia. Application no. 21788/06. Judgment of 4 July 2013 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-122261> (дата обращения: 02.12.2023).
100. ECHR. Delfi AS v. Estonia. Application no. 64569/09. Judgment of 16 June 2015 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-155105> (дата обращения: 10.12.2023).
101. ECHR. SIA AKKA/LAA v. Latvia. Application no. 562/05. Judgment of 12 July 2016 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-164659> (дата обращения: 10.12.2023).

102. ECHR. Alentseva v. Russia. Application no. 31788/06. Judgment of 17 November 2016 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-168700> (дата обращения: 02.12.2023).
103. ECHR. Yevgeniy Zakharov v. Russia. Application no. 66610/10. Judgment of 14 March 2017 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-172073> (дата обращения: 02.12.2023).
104. ECHR. Tagayeva and Others v. Russia. Application no. 26562/07. Judgment of 13 April 2017 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-172660> (дата обращения: 02.12.2023).
105. ECHR. Valdgardt v. Russia. Application no. 64031/16. Judgment of 6 February 2018 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-180559> (дата обращения: 02.12.2023).
106. ECHR. Arutyunov v. Russia. Application no. 5552/06. Judgment of 18 December 2018 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-188371> (дата обращения: 02.12.2023).
107. ECHR. Safarov v. Azerbaijan. Application no. 885/12. Judgment of 1 September 2022 // European Court of Human Rights. HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-218927> (дата обращения: 10.12.2023).
108. По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова : Постановление КС РФ от 25.01.2001 № 1-П // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 7. — Ст. 700.
109. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева : Постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П // Вестник КС РФ. — 2003. — № 3.
110. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса

- Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : Постановление КС РФ от 5.02.2007 № 2-П // Вестник КС РФ. — 2007. — № 1.
111. По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 ГПК РФ и ч. 4 ст. 28 федерального закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной : Постановление КС РФ от 27.02.2009 № 4-П // Собр. законодательства РФ. — 2009. — № 11. — Ст. 1367.
112. По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой : Постановление КС РФ от 26.02.2010 № 4-П // Собр. законодательства РФ. — 2010. — № 11. — Ст. 1255.
113. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой : Постановление КС РФ от 27.06.2012 № 15-П // Собр. законодательства РФ. — 2012. — № 29. — Ст. 4167.
114. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собр. законодательства РФ. — 2015. — № 30. — Ст. 4658.

115. По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца : Постановление КС РФ от 22.06.2017 № 16-П // Вестник КС РФ. — 2017. — № 5.
116. Определение КС РФ от 04.12.2003 № 508-О // Вестник КС РФ. 2004. № 3.
117. Определение КС РФ от 21.04.2005 № 242-О // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33617.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).
118. Определение КС РФ от 09.06.2005 № 248-О // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33746.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).
119. Определение КС РФ от 28.06.2012 № 1253-О // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision105722.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).
120. Определение КС РФ от 26.11.2018 № 3087-О // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision380736.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).
121. Определение КС РФ от 12.02.2019 № 274-О // Вестник КС РФ. — 2019. — № 3.
122. Определение КС РФ от 12.02.2019 № 275-О // Вестник КС РФ. — 2019. — № 3.
123. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : Постановление Пленума ВС РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // Рос. газета. — 2003. — 2 дек.
124. О судебном решении : Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) // Рос. газета. — 2003. — 26 дек.

125. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : Постановление Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 // Бюллетень ВС РФ. — 2005. — № 4.
126. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума ВС РФ № 10 и Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) // Рос. газета. — 2010. — 21 мая.
127. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : Постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень ВС РФ. — 2010. — № 8.
128. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней : Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 21 // Рос. газета. — 2013. — 5 июля.
129. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень ВС РФ. — 2015. — № 8.
130. Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие : Информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 2.
131. О включении квартиры в наследственную массу, признании права собственности в порядке наследования : Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.10.2009 № 5-В09-95. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=121332&cacheid=CDC9A3B5013BEA834D2ECF6D9FA5C5E6&mode=splus&rnd=mVAY8A#vzjxe4UfXf89H0qA> (дата обращения: 02.12.2023).
132. О взыскании морального вреда, причинённого потерей кормильца : Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.09.2015 № 22-КГ15-4. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч.

- интернет-версия. — URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=440267&cacheid=9D6A32734B5C3BF96E3B82C8C649FE5E&mode=splus&rnd=mVAY8A#gxUye4UaSbnFxoXI> (дата обращения: 02.12.2023).
133. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.10.2004 по делу № А40-40374/04-89-467. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. — URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=73224&cacheid=878218AEEDF4FAF06C4A2531432A8E1E&mode=splus&rnd=mVAY8A#R1wye4UheKfOT1JQ> (дата обращения: 02.12.2023).
134. Кассационное определение ВС Чеченской Республики от 14.06.2011 по делу № 33-474/11. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. — URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=3162&cacheid=792E02F01E05B90055470AD181422F4E&mode=splus&rnd=mVAY8A#GC62f4UEBjugc91n> (дата обращения: 02.12.2023).
135. Апелляционное определение ВС Республики Бурятия от 12.12.2012 по делу № 33-2952. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. — URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=37995&cacheid=54A092F248B38E2772EB0ED8F6D54007&mode=splus&rnd=mVAY8A#OSq2f4UIDxNaZLYi> (дата обращения: 02.12.2023).
136. Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014 // Бюллетень ВС РФ. — 2015. — № 2.
137. Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 // Бюллетень ВС РФ. — 2016. — № 5.

III. Специальная литература

138. Аберхаев, Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации / Э. Р. Аберхаев // Актуальные проблемы экономики и права. — 2008. — № 1. — С. 90-94.
139. Аверьянов, К. Ю. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Аверьянов Кирилл Юрьевич. — М., 2013. — 24 с.
140. Аверьянов, К. Ю. Характеристика правовых позиций Европейского Суда по правам человека / К. Ю. Аверьянов // Вестник международного института экономики и права. — 2011. — № 3. — С. 122-127.
141. Алейникова, В. В. Охрана частной жизни гражданина (ст. 152.2 ГК РФ): теоретический и правоприменительный аспекты / В. В. Алейникова // Закон. — 2019. — № 7. — С. 183-195.
142. Алексеев, А. Г. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской юрисдикции / А. Г. Алексеев // Закон и право. — 2019. — № 3. — С. 47-49.
143. Алисиевич, Е. С. Толкование норм конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Алисиевич Екатерина Сергеевна. — М., 2006. — 147 с.
144. Альбиков, И. Р. Фактические брачно-семейные отношения мужчины и женщины: теория и практика правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Альбиков Ильдар Ростямович. — М., 2014. — 28 с.
145. Амосов, С. М. Истина и смысл правосудия / С. М. Амосов // Российское правосудие. — 2013. — № 5. — С. 21-26.
146. Амплеева, Е. Е. Практика Европейского суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации: учебное пособие. Ч. 2. Пилотные постановления ЕСПЧ / Е. Е. Амплеева. — СПб. : Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2020. — 114 с.

147. Арановский, К. В. Исполнение актов ЕСПЧ в позициях российского конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами / К. В. Арановский, С. Д. Князев // Закон. — 2019. — № 6. — С. 36-51.
148. Аристова, К. С. Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Аристова Ксения Сергеевна. — М., 2012. — 26 с.
149. Афанасьев, Д. В. Защита права акционеров при банкротстве (Практика Европейского Суда по правам человека) / Д. В. Афанасьев // Корпоративный юрист. — 2009. — № 4. — С. 54-56.
150. Афанасьев, С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.15 / Афанасьев Сергей Фёдорович. — Саратов, 2010. — 67 с.
151. Аюпов, О. Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Аюпов Олег Шамильевич. — Томск, 2013. — 24 с.
152. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2007. — 784 с.
153. Бакарджиев, Я. В. Казуальное решение суда: судебная практика, правовая позиция или судебный прецедент? / Я. В. Бакарджиев // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 3. — С. 10-13.
154. Барбук, А. В. Защита законных ожиданий и прямое применение международного права / А. В. Барбук // PORTALUS.RU : Всероссийская научная библиотека : сайт. — Электрон. версия публ. — URL: https://portalus.ru/modules/belorussianlaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1095934347&archive=0411&start_from=&ucat=&. Дата публикации: 23.09.2004.
155. Белов, В. А. Юридическая природа прав ожидания (гарантийных правоотношений) / В. А. Белов // Законодательство. — 2008. — № 7. — С. 13-26.

156. Белькова, Е. Г. Гражданская дееспособность / Е. Г. Белькова // Известия ИГЭА. — 2007. — № 1. — С. 47-50.
157. Бирюков, П. Н. Статус «жертвы» в практике ЕСПЧ / П. Н. Бирюков // Современные проблемы международного и евразийского правосудия. — Сер.: Юбилей, конференции, форумы. — Вып. 10 : Материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 6 октября 2017 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. — 154 с. — С. 63-69.
158. Бланкенагель, А. «Прощай, Совет Европы!» или «Совет Европы, давай поговорим!»?: Комментарий к Постановлению Конституционного Суда России от 19 апреля 2016 года об исполнимости Постановления ЕСПЧ по делу Анчугова и Гладкова от 4 июля 2013 года / А. Бланкенагель // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — № 6. — С. 135-150.
159. Боднар, А. Res interpretata: юридическая сила постановлений Европейского Суда по правам человека для государств, не являющихся сторонами в деле / А. Боднар // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 3. — С. 82-114.
160. Бондарь, Н. С. Правосудие: ориентация на Конституцию : монография / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 224 с.
161. Брагьова, А. Право толкования: конституционные суды и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (на примере Венгрии) / А. Брагьова // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 2. — С. 83-96.
162. Брак и сожительство: ставим знак тождества? // ВЦИОМ Новости : сайт. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923>. Дата публикации: 2.02.2018.
163. Варламова, Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 9-46.
164. Вартанян, М. О. Фактические супружеские отношения в решениях Европейского Суда по правам человека и российской судебной практике / М. О. Вартанян // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 2. — С. 3-5.

165. Веберс, Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве / Я. Р. Веберс. — Рига : Зинатне, 1976. — 560 с.
166. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.). Очерки теории и практики / Н. В. Витрук. — М. : Городец, 2001. — 508 с.
167. Волосюк, П. В. Значение решений Европейского Суда по правам человека в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Волосюк Павел Валерьевич. — Ростов-на-Дону, 2007. — 26 с.
168. Вольфсон, В. Л. О модальности должного. Ratio decidendi Европейского Суда по правам человека в российском праве / В. Л. Вольфсон // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 14. — 2014. — Вып. 1. — С. 18-32.
169. Ворожевич, А. С. Исключительное право и фундаментальные права человека: возможно ли избежать конфликта? / А. С. Ворожевич // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2014. — № 6. — С. 77-91.
170. Воронцова, И. В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.15 / Воронцова Ирина Викторовна. — Саратов, 2015. — 432 с.
171. Гаврилов, Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц: монография / Е. В. Гаврилов. — М. : Юстицинформ, 2022. — 344 с. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс : сайт : коммерч. интернет-версия. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19026&cacheid=EEFCE6FBD9BCA261573D0A1FF2380679&mode=splus&rnd=N0RiBA#hWCod4UMTwrCFm331>. Дата публикации: 8.08.2021. Режим доступа: по подписке.
172. Гаджиев, Г. Введение / Г. Гаджиев // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: сборник докладов. — М. : Институт права и публичной политики, 2006. — С. 5-6.

173. Гаджиев, Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права / Г. А. Гаджиев // Закон. — 2006. — № 11. — С. 22-32.
174. Гаджиев, Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху / Х. И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 6. — С. 5-20.
175. Гаджиев, Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок / Х. И. Гаджиев // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения : монография / под общ. ред. В. В. Лазарева. — М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2020. — С. 89-114.
176. Гаджиев, Х. И. Судебное правотворчество и международном правосудии / Х. И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 3. — С. 118-129.
177. Гальперин, М. Л. Проблемы толкования норм международного и национального права / М. Л. Гальперин // Тезисы к выступлению на конференции «Державинские чтения» (Казань, 2021 год) Электрон. версия печ. публ. — URL: https://www.hse.ru/data/2021/06/03/1440292323/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_2021.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
178. Гарлицкий, Л. Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) / Л. Гарлицкий // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы : сборник докладов. — М. : Институт права и публичной политики, 2006. — С. 9-29.

179. Гинц, Е. М. Возмещение вреда, причинённого правомерными действиями государственных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Гинц Евгения Михайловна. — М., 2014. — 23 с.
180. Глонина, В. Н. Интеллектуальная собственность и основные права человека: какова роль Европейского Суда по правам человека на пути достижения баланса интересов? / В. Н. Глонина // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — М.: Развитие правовых систем, 2018. — 672 с. — Вып. 4: Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека. — С. 294-314.
181. Глушкова, С. И. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий / С. И. Глушкова, Е. Д. Летунов // Вестник Гуманитарного университета. — 2020. — № 4. — С. 16-28.
182. Голикова, О. А. Реформирование национальной системы права как ответ на вынесение пилотных постановлений / О. А. Голикова // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 2. — С. 116-119.
183. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В. Н. Захватаев. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 624 с.
184. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2014. — 960 с.
185. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем. В. Бергманн. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — 888 с.
186. Грачева, С. А. Основные права и свободы в цифровом измерении / С. А. Грачева, М. Е. Черемисинова // Вестник ЮУрГУ. — Сер. «Право». — 2021. — Т. 21. — № 1. — С. 64-73.
187. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов / науч. ред.: В. С. Ем. — 2-е изд., стереотип. — М. : Статут, 2001. — 411 с.
188. Гринева, А. В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Гринева Анна Владимировна. — М., 2008. — 24 с.

189. Гуляева, Н. А. Семейно-правовое регулирование отношений между ребёнком и другими членами семьи, не являющимися его законными представителями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Надежда Александровна Гуляева. — М., 2011. — 31 с.
190. Де Бенуа, А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / пер. с франц. / А. де Бенуа; Институт Общегуманитарных исследований. — М. : ИОИ, 2015. — 144 с.
191. Де Сальвиа, М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. де Сальвиа; науч. ред.: Ю. Ю. Берестнев; пер.: А. А. Жукова, Г. А. Пашковская. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 1072 с.
192. Дедов, Д. И. Методология права 2.0 / Д. И. Дедов. — М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 752 с.
193. Дедов, Д. И. Эволюционное толкование — результат эволюции познания действительности / Д. И. Дедов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — М.: Развитие правовых систем, 2018. — 672 с. — Вып. 4: Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека. — С. 33-43.
194. Деменева, А. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России / А. Деменева // Международное правосудие. — 2014. — № 2. — С. 21-43.
195. Деменева, А. В. Юридические последствия постановлений Европейского Суда по правам человека для Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Деменева Анна Валентиновна. — Казань, 2009. — 30 с.
196. Джигоева, Л. Г. Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на процессуальное законодательство Российской Федерации / Л. Г. Джигоева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 1. — С. 333-335.

197. Довгань, Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий / Е. Ф. Довгань // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 5. — С. 109-125.
198. Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда РФ : сборник документов / сост. Л. И. Брычева и др. — М. : Юрид. лит., 2003. — 766 с.
199. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник для вузов / Каргалова М. В., Козлов Е. Ю., Когод С. О., и др.; отв. ред. Л. М. Энтин. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — М. : Норма, 2007. — 960 с.
200. Ершов, В. В. Теоретические и практические проблемы взаимосвязи, взаимовлияния и соотношения международного и национального права в России / В. В. Ершов // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова) : монография / отв. ред. М. Н. Марченко. — М. : Проспект, 2018. — С. 194-218.
201. Жуйков, В. М. Российское законодательство и международное право: проблемы взаимодействия на основе Конституции Российской Федерации / В. М. Жуйков // Закон. — 2020. — № 3. — С. 115-125.
202. Зайцев, О. В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.03 / Зайцев Олег Владимирович. — М., 2017. — 447 с.
203. Защита деловой репутации в случаях её диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / под общ. ред. М.А. Рожковой. — М: Статут, 2015. — 270 с.
204. Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ Дата публикации: 15.03.2022.
205. Зезекало А. Ю. «Олимпийская» виндикация через призму Европейской конвенции о защите прав человека. Комментарий к Постановлению ЕСПЧ по делу «Белова против России» (Belova v. Russia, no. 33955/08, 15 September 2020) /

- А. Ю. Зезекало // Вестник экономического правосудия РФ. — 2021. — № 3. — С. 5-18.
206. Зеккель, Э. Секундарные права в гражданском праве / Э. Зеккель // Вестник гражданского права. — 2007. — № 2. — Т. 7. — С. 205-252.
207. Зивс, С. Л. Источники права / С. Л. Зивс. — М. : Наука, 1981. — 241 с.
208. Зорькин, В. Д. Конституционный Суд и развитие гражданского права / В. Д. Зорькин // Российский судья. — 2012. — № 3. — С. 5-13.
209. Зорькин, В. Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. — 2005. — № 3. — С. 3-9.
210. Зорькин, В. Д. Роль Конституционного Суда РФ в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод / В. Д. Зорькин // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы : материалы VIII Международного форума по конституционному правосудию. — М. : Ин-т права и публ. политики, 2006. — С. 173-182.
211. Иванов-Кулагин, А. С. Правовой режим имущества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях / А. С. Иванов-Кулагин // Изв. вузов. «Правоведение». — 1977. — № 2. — С. 48-50.
212. Иодковский, Э. В. Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Иодковский Эрик Валентинович. — М., 2014. — 237 с.
213. Исполинов, А. С. Диалектика взаимодействия конституционного и международного правосудия на примере Европейского Суда по правам человека / А. С. Исполинов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — М.: Развитие правовых систем, 2018. — 672 с. — Вып. 4: Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека. — С. 315-330.
214. Исполинов, А. С. Прецедент в международном праве (на примере Международного суда ООН, ЕСПЧ, ВТО и Суда ЕАЭС) / А. С. Исполинов // Законодательство. — 2017. — № 1. — С. 78-87.

215. Каминская, Е. И. Авторские права как права человека / Е. И. Каминская // Журнал российского права. — 2014. — № 10. — С. 66-71.
216. Канашевский, В. А. Международные договоры РФ и акты гражданского законодательства: соотношение и взаимодействие разносистемных источников : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Канашевский Владимир Александрович. — Екатеринбург, 2000. — 230 с.
217. Караманукян, Д. Т. Акты Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе : учебное пособие / Д. Т. Караманукян. — Омск : Омская юрид. академия, 2013. — 96 с. — Текст : электронный // СПС Консультант-Плюс : сайт : коммерч. интернет-версия. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17626&cacheid=C272EFE410F2D8B2F7DDDB58E9D30714&mode=splus&rnd=3p1vd4UWTnjlgScw#2r0yd4Ueh2zL1Y3s>. Дата публикации: 26.08.2013. Режим доступа: по подписке.
218. Карсс-Фриск, М. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 1, Протокол 1. Право на собственность / М. Карсс-Фриск, А. Н. Жеребцов, В. В. Меркулов, А. Г. Эртель. — М., 2002. — 112 с.
219. Карцхия, А. А. Цифровая трансформация и права человека / А. А. Карцхия // Русская политология – Russian Political Science. — 2018. — № 4. — С. 33-38.
220. Кивленок, Т. В. Смешанные правовые акты как вид атипичных правовых актов / Т. В. Кивленок // Бизнес в законе. — 2009. — № 1. — С. 260-263.
221. Килкэли, У. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 8 Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Прецеденты и комментарии: Учеб.-методическое пособие / У. Килкэли, Е. А. Чефранова; РАП. — М., 2001. — 161 с.
222. Киминчижи, Е. Н. Об имущественных отношениях сожительствующих лиц / Е. Н. Киминчижи // Семейное и жилищное право. — 2008. — № 1. — С. 7-10.
223. Клеандров, М. И. Правосудие и справедливость : монография М. И. Клеандров. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. — 364 с.

224. Князев, С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) / С. Д. Князев // Журнал российского права. — 2016. — № 12. — С. 5-17.
225. Коваленко, С. И. Теоретико-практические аспекты эволюционного толкования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Европейского Суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Коваленко Святослав Игоревич. — М., 2019. — 232 с.
226. Ковлер, А. И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации : монография / А. И. Ковлер. — М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. — 400 с.
227. Ковлер, А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека : монография / А. И. Ковлер. — М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. — 304 с.
228. Ковлер, А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права / А. И. Ковлер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 3. — С. 92-100.
229. Ковлер, А.И. Явление судейского активизма: особые мнения судей Европейского суда по правам человека / А. И. Ковлер // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — М.: Статут, 2016. — 656 с. — Вып. 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». — С. 30-57.
230. Колосов, А. В. Международная защита прав в сфере информационных отношений (на примере практики Европейского Суда по правам человека) / А. В. Колосов // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 1. — С. 100-105.
231. Кольчурин, И. В. О содержании понятия «частная жизнь» в российском конституционном и уголовном праве / И. В. Кольчурин // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы I Междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь,

- март 2012 г.) / отв. ред. О. А. Шульга. — Пермь : Меркурий, 2012. — С. 120-121.
232. Комаров, С. А. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография / С. А. Комаров, И. В. Лаптева, Д. И. Титенков. — СПб. : Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург); Рязань : Концепция, 2014. — 296 с.
233. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике её применения / под общ. ред. В. А. Туманова и Л. М. Энтина. — М. : НОРМА, 2002. — 336 с.
234. Косова, О. Ю. «Фактические браки» и семейное право / О. Ю. Косова // Изв. вузов. «Правоведение». — 1999. — № 3. — С. 105-120.
235. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскер; науч. ред. Р. Капелюшников / Р. Коуз. — М. : Дело ЛТД, Catallaxy, 1993. — С. 192.
236. Кравченко, А. А. Секундарные права в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Александр Александрович Кравченко. — М., 2015. — 203 с.
237. Красавчиков, О. А. Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения / О. А. Красавчиков // Гражданское правоотношение и их структурные особенности : Сборник ученых трудов СЮИ. — Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1975. — Вып. 39. — С. 5-22.
238. Красавчиков, О. А. Социальное содержание правоспособности советских граждан / О. А. Красавчиков // Изв. вузов. «Правоведение». — 1960. — № 1. — С. 12-25.
239. Курбанов, Р. А. Правовые позиции ЕСПЧ и российское законодательство / Р. А. Курбанов // Экономика. Право. Общество. — 2018. — № 1. — С. 10-16.
240. Кутер, Р. Право и экономика / пер. с англ. М. Маркова, А. Лащева; под ред. Д. Раскова / Р. Кутер, Т. Улен. — М. : Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018. — 800 с.
241. Лазарев, В. В. О судебном суверенитете национальных и межгосударственных органов правосудия / В. В. Лазарев // Имплементация решений Европейского

- Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения : монография / под общ. ред. В. В. Лазарева. — М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2020. — С. 71-89.
242. Лаптев, П. А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в правовой системе России (проблемы теории и практика взаимодействия) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лаптев Павел Александрович. — Владимир, 2006. — 34 с.
243. Лаптева, И. В. Правовая инфильтрация Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему (теоретическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лаптева Ирина Владимировна. — М., 2015. — 30 с.
244. Липкина, Н. Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Липкина Надежда Николаевна. — М., 2008. — 27 с.
245. Лукайдес, Л. Справедливое судебное разбирательство. Комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / Л. Лукайдес // Российская юстиция. — 2004. — № 2. — С. 8-20.
246. Лукьянова, Е. Г. Институт прав человека в условиях новых вызовов / Е. Г. Лукьянова // Современное право и государство в условиях новых вызовов: VIII Мальцевские чтения : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 23 апреля 2021 г. / под ред. Л. Е. Лаптевой, Е. Г. Лукьяновой. — М.: Проспект, 2022. — С. 27-38.
247. Лунц, Л. А. Курс международного частного права / Л. А. Лунц. — М. : Спарк, 2002. — 1007 с.
248. Любченко, М. Я. Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Любченко Максим Янович. — Красноярск, 2018. — 241 с.

249. Маккай, И. Право и экономика для континентальной правовой традиции / пер. с англ. И. Дягилевой, О. Якименко; под ред. Д. Раскова / И. Маккай. — М. : Изд. дом «Дело», РАНХиГС, 2019. — 624 с.
250. Максуров, А. А. Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека / А. А. Максуров. — М. : Инфра-М, 2012. — 275 с.
251. Малинова, О. Ю. «Поколения» прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института / О. Ю. Малинова // Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. А. Ю. Сунгурова. — СПб.: Норма, 2003. — С. 80-91.
252. Марченко, М. Н. Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марченко. — М. : Проспект, 2011. — 512 с.
253. Матвеев, А. Г. Три проблемные точки пересечения прав интеллектуальной собственности и прав человека / А. Г. Матвеев // ИС. Промышленная собственность. — 2022. — № 4. — С.14-23.
254. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е. А. Суханов. — М. : Юрист, 1999. — 384 с.
255. Международное правосудие как фактор интеграции : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, А. М. Беялова и др. ; отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер ; предисл. В. М. Лебедева. — М. : ИЗИСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. — 192 с.
256. Метлова, И. С. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Метлова Ирина Сергеевна. — М., 2007. — 25 с.
257. Минникес, И. А. Индивидуальное правовое регулирование: понятие и виды : учебное пособие / И. А. Минникес. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — 64 с.
258. Мордохов, Г. Ю. Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мордохов Георгий Юрьевич. — М., 2017. — 26 с.
259. Насардинов, Д. С. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской

- Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Насардинов Джамал Сулимович. — М., 2002. — 25 с.
260. Нерсисянц, В. С. Теория права и государства. / В. С. Нерсисянц. — М. : Норма, 2013. — 272 с.
261. Нефедова, Ю. Ю. Понятие и виды правовых регуляторов гражданских отношений и место среди них общепризнанных принципов и норм международного права / Ю. Ю. Нефедова // Вестник Пермского университета. — 2013. — № 4. — С. 219-228.
262. Нешатаева, Т. Н. Защита собственности в Европейском Суде по правам человека и арбитражных судах РФ / Т. Н. Нешатаева // Арбитражная практика. — 2006. — № 3. — С. 88-96.
263. Нешатаева, Т. Н. Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательную и правоприменительную практику / Т. Н. Нешатаева. — М. : Норма, Инфра-М, 2013. — 304 с.
264. Нешатаева, Т. Н. Суд и право: евразийская интеграция : монография / Т. Н. Нешатаева. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 336 с.
265. Николаев, А. М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Николаев Андрей Михайлович. — М., 2012. — 44 с.
266. Никуличева, Н. Ю. Право юридических лиц на деловую репутацию и его гражданско-правовая защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Никуличева Надежда Юльевна. — Новосибирск, 2004. — 24 с.
267. Нуссбергер, А. Восстановление Вавилонской башни. Европейский Суд по правам человека и многообразие правовых культур / А. Нуссбергер // Сравнительное конституционное обозрение. — 2007. — № 2. — С. 71-79.
268. Нуссбергер, А. Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского Суда по правам человека / А. Нуссбергер // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — № 2. — С. 142-151.

269. Оганесян, Т. Д. Право быть забытым: Европейский суд по правам человека в поисках необходимого баланса / Т. Д. Оганесян // Международное правосудие. — 2022. — № 1. — С.32-56.
270. Оганесян, Т. Д. Процедура пилотного постановления Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Оганесян Тигран Давидович. — М., 2018. — 30 с.
271. Ожегов, И. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : ООО «А ТЕМП», 2017. — 896 с.
272. Останина, Е. А. О соотношении понятий «Секундарное право» и «Право ожидания» / Е. А. Останина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 29. Право. — Вып. 29. — С. 48-51.
273. Павлова, Н. Н. Современная система источников российского гражданского права (на базе сравнительно-правового анализа законодательства государств постсоветского пространства) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Павлова Наталья Николаевна. — Самара, 2015. — 196 с.
274. Панин, В. С. Фактические брачные отношения: проблемы теории, законодательства и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Панин Вадим Сергеевич. — М., 2013. — 26 с.
275. Папир, Х.-Ю. Соотношение между национальным конституционным правом и европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод с точки зрения федерального конституционного суда Германии / Х.-Ю. Папир // Сравнительное конституционное обозрение. — 2007. — № 2. — С. 80-82.
276. Подоплелова, О. Г. Добросовестные приобретатели против недобросовестного государства: дело Александра Дубовца в Конституционном Суде России. Комментарий к Постановлению от 22.06.2017 № 16-П / О. Г. Подоплелова, Д. И. Степанов // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 6. — С. 101-114.

277. Познер, Р. Экономический анализ права. Т. 1 / пер. с англ. А. А. Фофонова; под ред. В. Л. Тамбовцева / Р. Познер. — СПб. : Эк. школа, 2004. — 522 с.
278. Права человека в России: история, теория и практика: учебное пособие / Д. Т. Караманукян [и др.]; отв. ред. и авт. предисл. Д. Т. Караманукян. — Омск : Омская юрид. академия, 2015. — 308 с.
279. Пьянов, Н. А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие / Н. А. Пьянов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Иркутск : Изд-во Иркутского государственного ун-та, 2010. — 583 с.
280. Рожкова, М. А. К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ЕСПЧ / М. А. Рожкова // Журнал российского права. — 2006. — № 12. — С. 58-65.
281. Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. — 2020. — № 10. — С. 3-12.
282. Романовский, Г. Б. Права человека и борьба с терроризмом: зарубежный опыт : монография / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская. — М. : Проспект, 2021. — 192 с.
283. Романовский, Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г. Б. Романовский. — М. : МЗ-Пресс, 2001. — 312 с.
284. Ромашов, П. А. Защита прав и свобод граждан РФ в связи с выходом Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека / П. А. Ромашов // Пермский юридический альманах. — 2023. — Вып. 6. — С. 145-157.
285. Российское гражданское право : Учебник : В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд. — М. : Статут, 2011. — 958 с.
286. Савельева, Е. Г. Защита права собственности в рамках международных региональных организаций (на примере Совета Европы и Организации

- американских государств) / Е. Г. Савельева // Российский юридический журнал. — 2012. — № 4. — С. 86-94.
287. Сагдеева, Л. В. Право на защиту собственности в актах Европейского Суда по правам человека / Л. В. Сагдеева. — М. : Статут, 2014. — 319 с.
288. Садчикова, О. В. Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Садчикова Оксана Валерьевна. — М., 2009. — 23 с.
289. Симагин, А. С. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней в системе источников уголовно-процессуального права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Симагин Антон Сергеевич. — Н. Новгород, 2011. — 34 с.
290. Скловский, К. И. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации / К. И. Скловский // Хозяйство и право. — 2005. — № 3. — С. 94-102.
291. Складорова, Я. В. Возмещение убытков как способ защиты деловой репутации / Я. В. Складорова // Убытки и практика их возмещения : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2006. — С. 448-488.
292. Сковородко, А.В. Роль Европейского суда по правам человека в механизме защиты от бездействия органов публичной власти в России / А. В. Сковородко // Право. Журнал ВШЭ. — 2016. — № 3. — С. 61-71.
293. Скоробогатова, В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Скоробогатова Виктория Владимировна. — Екатеринбург, 2010. — 25 с.
294. Слепакова, А. В. Правоотношения собственности супругов / А. В. Слепакова. — М. : Статут, 2005. — 444 с.
295. Соловьева, Т. В. Постановления Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации : монография / Т. В. Соловьева; под ред. О.В. Исаенковой. — М.: Статут, 2011. — 240 с.

296. Сорокин, В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс / В. Д. Сорокин // Изв. вузов «Правоведение». — 2000. — № 4. — С. 34-45.
297. Старженецкий, В. Международные суды и трансформация национальных правовых систем / В. Старженецкий // Международное правосудие. — 2013. — № 3. — С. 64-77.
298. Старженецкий, В. В. Россия и Совет Европы: право собственности / В. В. Старженецкий. — М. : Городец, 2004. — 208 с.
299. Султанов, А. Р. Постановление Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Султанов Айдар Рустэмович. — Казань, 2022. — 383 с.
300. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14. — № 3. — С. 122-146.
301. Танчев, Е. Проблемы осуществления европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в Болгарии / Е. Танчев // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 2. — С. 73-82.
302. Туманов, В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности / В. А. Туманов. — М. : Норма, 2001. — 304 с.
303. Тюлькенс, Ф. Некоторые аспекты философии европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и принцип субсидиарности / Ф. Тюлькенс // Сравнительное конституционное обозрение. — 2010. — № 6. — С. 76-89.
304. Удодова, М. А. Механизм воздействия судебной практики на законодательство : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Удодова Мария Андреевна. — М., 2018. — 277 с.
305. Уинтер, Г. Вопросы права и экономики / пер. с англ. Т. Шишкиной; под ред. М. Одинцовой / Г. Уинтер. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. — 416 с.
306. Уржумов, И. П. Европейские стандарты защиты имущественных прав и их применение в России / И. П. Уржумов // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. — 2006. — № 1. — С. 69-76.

307. Усов, Г.В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Герман Владимирович Усов. — М., 2015. — 201 с.
308. Филатова, М. А. Конституционные нормы в соотношении с другими правопорядками: инструмент сопротивления или взаимодействия? / М. А. Филатова // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения : монография / под общ. ред. В. В. Лазарева. — М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2020. — С. 183-197.
309. Филатова, М. А. Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской правовой системы / М. А. Филатова // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. — М.: Мысль, 2012. — С. 23-210.
310. Филиппова, С. Ю. Гражданско-правовые средства достижения цели построения семьи путём фактических брачных отношений / С. Ю. Филиппова // Семейное и жилищное право. — 2010. — № 3. — С. 3-7.
311. Харрис, Д. Право Европейской конвенции по правам человека = Law of the European convention on human rights / Д. Харрис, М. О'Бойл, К. Уорбрик; ред. А. И. Ковлер. — 3-е изд., науч. — М. : Развитие правовых систем, 2016. — 1432 с.
312. Чайка, К. Л. Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.10 / Чайка Константин Леонтьевич. — М., 2022. — 420 с.
313. Черепяхин, Б. Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправляемого отчуждателя / Б. Б. Черепяхин // Антология уральской цивилистики. 1925-1989 : сборник статей. — М. : Статут, 2001. — С. 242-289.

314. Чефранова, Е. А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.03 / Чефранова Елена Александровна. — М., 2007. — 38 с.
315. Чигрина, Е. А. О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений / Е. А. Чигрина // Известия ИГЭА. — 2015. — Т. 25. — № 6. — С. 1108-1114.
316. Чиков, П. Невидимая рука Страсбурга: зачем России Европейский суд по правам человека / П. Чиков // Forbes : сайт. — Электрон. версия публ. — URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/410495-nevidimaya-ruka-strasburga-zachem-rossii-evropeyskiy-sud-po-pravam-cheloveka>. Дата публикации: 6.10.2020.
317. Чуксина, В. В. Государственные специализированные органы по содействию и защите прав человека (компаративное конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Чуксина Валентина Валерьевна. — Омск, 2016. — 54 с.
318. Шадрин, С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству / С. А. Шадрин // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9. — С. 208-217.
319. Швецова, М. В. Судебные акты Европейского Суда по правам человека в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Швецова Марина Вячеславовна. — М., 2003. — 26 с.
320. Шевченко, Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве / Г. Н. Шевченко // Современное право. — 2017. — № 3. — С. 67-74.
321. Шпильман, Д. Авторские права и права человека / Д. Шпильман // Международное правосудие. — 2016. — № 1. — С. 122-134.
322. Шпильманн, Д, Чернышова, О. Мелочи сквозь увеличительное стекло? Причинение существенного вреда: обзор первых двух лет практики Европейского Суда по правам человека / Д. Шпильманн, О. Чернышова // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 5. — С. 127-136.

323. Шуберт, Т. Э. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство / Т. Э. Шуберт // Журнал российского права. — 2015. — № 6. — С. 136-142.
324. Шугуров, М. В. Коллизии прав человека и прав интеллектуальной собственности: международно-правовой аспект: монография / М. В. Шугуров. — Саратов: Изд-во СГЮА, 2018. — 644 с.
325. Шульга, И. В. Юридическая природа правовых позиций Верховного Суда РФ / И. В. Шульга // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 2. — С. 180-187.
326. Щербачева, Л. В. Правовая природа соотношения авторского права и основных прав человека / Л. В. Щербачева // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 2. — С. 82-85.
327. Энтин, В. Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза / В. Л. Энтин. — М.: Статут, 2018. — 174 с.
328. Энтин, М. Вклад Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в современную правовую культуру / М. Энтин // Вся Европа : Ежемесячное интернет-издание. — 2009. — № 3. — Электрон. версия публ. — URL: <https://alleuropa.ru/?p=2500> (дата обращения: 10.12.2023).
329. Энтин, М. Л. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза / М. Л. Энтин // Конституционное право. Восточноевропейское Обозрение. — 2003. — № 3. — С. 85-97.
330. Юркина, Е. Е. Рассмотрение жалоб юридических лиц в Европейском Суде по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Юркина Елена Евгеньевна. — М., 2010. — 27 с.
331. Ялунер, Ю. А. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в правовую систему Германии: конституционно-правовые основы и возможность их восприятия в российском правовом порядке / Ю. А. Ялунер // Журнал правовых и экономических исследований. — 2019. — № 1. — С. 85-89.
332. Anderson, H. R. The Mythical Right to Obscurity: A Pragmatic Defense of No Privacy in Public / Heidi Reamer Anderson // I/S: A Journal of Law & Policy for the

- Information Society, 2012, vol. 7:3, pp. 543-602, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1759374> (дата обращения: 10.12.2023).
333. Arnardóttir, O. M. Res Interpretata, Erga Omnes Effect, and the Role of the Margin of Appreciation in Giving Domestic Effect to the Judgments of the ECtHR / Oddný Mjöll Arnardóttir // The European Journal of International Law, 2017, vol. 28, no. 3, pp. 819-843, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2934263> (дата обращения: 10.12.2023).
334. Buyse, A. The Pilot Judgment Procedure at the European Court of Human Rights: Possibilities and Challenges / Antoine Buyse // Nomiko Vima (The Greek Law Journal), 2009, vol. 57, pp. 1890-1902, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1514441> (дата обращения: 10.12.2023).
335. Fymys, M. Expanding Competences by Judicial Lawmaking: The Pilot Judgment Procedure of the European Court of Human Rights / Markus Fymys // German Law Journal. 2011, vol. 12, no. 05, pp. 1231-1260, Available at DOI: <https://doi.org/10.1017/S2071832200017284> (дата обращения: 10.12.2023).
336. Helfer, L. R. Human Rights and Intellectual Property: Conflict or Coexistence? / Laurence R. Helfer // Minnesota Journal of Law, Science & Technology, 2003, vol. 5, pp. 47-61, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=459120> (дата обращения: 10.12.2023).
337. Rengel, A. Privacy as an International Human Right and the Right to Obscurity in Cyberspace / Alexandra Rengel // Groningen Journal of International Law, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 33-54, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2599271> (дата обращения: 10.12.2023).
338. Schabas, W. A. The European Convention on Human Rights : A Commentary / William A. Schabas. Oxford : Oxford University Press, 2015. 1308 p. Available at URL: <https://onlybooks.org/the-european-convention-on-human-rights-a-commentary>